

crime story № 6

Анна ДОНЦОВА

Анна и Сергей
АНТВИНЮВЫ

Елена
МНЖАЛКОВА

а также

Мария Бриккер

Валерия Верещина

Екатерина Красавина

Валерия Асоевская

Наталья Солнцева

Ольга Тарасевич

Annotation

Читать остросюжетные рассказы - особенное удовольствие! Их авторы проявляют истинное мастерство, ведь закрутить интригу, провести героев хитроумным путем расследования и раскрыть все тайны надо буквально на нескольких страницах. Этим даром блестяще владеют всенародно любимые звезды детективного жанра - Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Мария Брикер и другие талантливые писатели. Откройте для себя маленькое чудо!

- [Crime Story № 6](#)
 - [Мария Брикер](#)
 - [Валерия Вербинина](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Дарья Донцова](#)
 - [Екатерина Гринева](#)
 - [Валерия Лесовская](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Анна и Сергей Литвиновы](#)
 - [Елена Михалкова](#)
 - [Наталья Солнцева](#)
 - [Ольга Тарасевич](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Crime Story № 6

Мария Брикер Уик-энд в Париже

«Динь-динь. Динь-динь... Динь-динь! Ну, ты чего, не слышишь?! Динь-динь!!!»

С каким удовольствием она сейчас удавила бы Пашку за то, что забил в ее мобилу этот звонок, раздраженно подумала Алина, с ненавистью глядя на свой сотовый. К сожалению, абонент в настоящий момент находился вне зоны ее доступа, и удавить эту подлую скотину не получится. Свалил к близкой подруге Лизавете, а ей оставил на память вопли долбанутого ребенка. Она же просила что-нибудь такое... типа «Лондон-Париж»... Или «Never let you go» ... Иракли и Билан. Билан и Иракли. Отстой, конечно, попса, но ребенок, которого надо в дурдом сдать, пока связки не посадил, намного хуже.

Как ей теперь другой звонок установить? В принципе, нет ничего невозможного... для людей с интеллектом, если руки из правильных мест растут, а если они растут из...

«Ты что, не слышишь?! Динь-динь-динь!!!»

– Слышу! – раздраженно буркнула Алина в трубку, резко захлопнула форточку и чихнула.

За окном кружился белый пух, оседал на траву, деревья и кусты, лип к подоконнику, лез в форточку – даже антимоскитная сетка не помогала. Песня еще, как назло, пристала. Снег кружится, летает, летает, и, поземкою клубя... Заметает, блин, заметает, все, что было до тебя. До него все было прекрасно, ни соплей, ни распухшего носа. А снег не знал и падал.... А снег не знал и падал.... Не знал, собака, что у нее из-за этого глаза теперь узкие, как у китайца, и пришлось взять отпуск за свой счет на две недели, потому что больничный ей не дали. Изверги! Плевать всем, что у нее аллергия, и она помирает в период цветения тополей, которые на своем пуху разносят споры злаковых, пыльцу растений и прочие гадкие аллергены. Пейте антигистаминные препараты. Можно подумать, она не пьет! Жрет таблетки горстями, в нос брызгает спреями, а все без толку, только в сон клонит и сухо во рту. Невозможно так жить! Невозможно! Когда, наконец, в Москве станет так же, как во всем цивилизованном мире? Когда местные домоуправы научатся различать тополя по половому признаку и начнут спиливать девочек, оставляя мальчиков? Алина читала, что в Париже и Вене такого безобразия нет.

Махнуть бы сейчас куда-нибудь в Европу, мечтательно подумала она и расстроено вздохнула. На ее копеечную зарплату можно позволить себе отдых лишь в санатории «Серп и молот» где-нибудь под Урюпинском. Отпуск, как назло, дали только за свой счет, денег нет, придется снова лезть в записку.

С каждой зарплаты Алина откладывала небольшую сумму на очиститель воздуха нового поколения. Стоило чудо целое состояние, но ради этой волшебной штуkenции, способной превратить ее жилище в рай на земле, как сулили производители, она готова была затянуть поясок потуже. Однако, как ни экономила Алина, скопить нужную сумму никак не получалось, периодически приходилось записку потрошить.

Лизка подбивала ее уволиться и поискать более кормное местечко, даже выклянчила у нее копию трудовой книжки, чтобы кому-то из своих серьезных знакомых ее порекомендовать, но Алина боялась перемен. Работа у нее была хоть и малооплачиваемая, но в прямом смысле слова – не пыльная. Трудилась Алина бухгалтером в небольшой частной конторке, арендующей лабораторию у разваливающегося научно-исследовательского института. В помещениях конторы царил абсолютная стерильность, что облегчало ее жизнь вечного аллергика. Правда, чем занимаются в лаборатории, Алина предпочитала не рассказывать. Надоело объяснять обалдевшим знакомым, что в разведении опарышей для рыболовных и зоологических магазинов нет ничего ужасного: личинок мух с гниющих трупов животных не снимают, а выращивают на твороге и курином желтке. В общем-то, она со своей аллергией научилась существовать. Если бы не тополиный пух, то все в ее жизни было бы нормально! И Пашка к Лизавете бы не свалил. Алина злилась на бывшего бойфренда, но особенно не осуждала. Чем она могла его удержать? Сопливым носом? Конфузы случались регулярно. В последний раз чихнула во время прелюдии Пашке в физиономию, а потом хрюкнула во время секса из-за насморка – какой мужик такое выдержит.

А как замечательно все начиналось.... Встречались два раза в неделю, ходили в кафе или в кино, гуляли по городу, а потом ехали к ней, вино пили, «Изабеллу», музыку слушали... Спасибо бабуле, оставила в наследство отдельную квартиру: лилипутскую однушку в хрущевке на метро «Планерная», но с перспективой когда-нибудь переселиться в новостройку в Южном Бутово. Все! Все было прекрасно! Пашка восхищался, как у нее дома чисто, и собирался сделать ей предложение. Намакал, во всяком случае, что собирается. Они даже похожи были и стали бы прекрасной парой.

Да, с пылью она боролась жестоко, ежедневно делала влажную уборку, постельное белье меняла через

день, тщательно отгладив простыни и наволочки, иначе слезы и сопли ручьями лились. Покушать умела приготовить, борщ сварить – пожалуйста, котлет нажарить – не проблема. Если бы не гнусные тополя, то Пашка не свинтил бы к близкой подруге. Впрочем... Лизка хоть не была красавицей, но умела себя подать так, что мужчины слепли и падали к ее ногам. Яркий макияж, сексапильная одежда, длинные белые волосы, туфельки на шпильке, мурлыкающий голос и большая грудь – как на такую фифу не повестись. Успешная, холеная, эффектная, зарабатывает отлично, одевается в фирменных магазинах, посещает салоны красоты и фитнес-клуб. Лизка тоже работала бухгалтером, но получала в десять раз больше и даже ипотечный кредит не побоялась взять, чтобы купить собственную квартиру. Несколько лет назад она приехала из маленького провинциального городка поступать в институт и, чтобы выжить, ей надо было вгрызаться в жизнь зубами. Что, собственно, она и делала. Увела мужика и глазом не моргнула. На фоне близкой подруги Алина всегда проигрывала, хотя дурнушкой назвать ее было нельзя: синеглазая, русоволосая, коса по пояс, фигурка стройная, носик аккуратный, когда соплей нет... Но это же не всегда, а раз в году!

Алина снова чихнула.

– Будьте здоровы, – вежливо отозвались на том конце провода, голос был незнакомый и немного вибрировал.

– Спасибо, – поблагодарила девушка, шмыгнув носом.

– Тополиный пух, жара, июль, – сказал невидимый собеседник.

– Июнь, – поправила Алина. – Впрочем, неважно. Жара, лето, а у меня аллергия на тополиный пух.

– Будьте здоровы, – повторили в трубке.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Алина.

– Тополиный пух, жара, июль, – рассказал ей собеседник.

– Угу, я в курсе. Вы по какому вопросу?

– Будьте здоровы, – раздалось из мембраны.

– Спасибо! – расвирепела Алина. – Вы, наверное, номером ошиблись.

– Тополиный пух, жара, июль, – ехидно заметил голос.

– Ой! – Алина расхохоталась. – Доперло до меня наконец-то. Я что, в прямом эфире на радио?

В мембране послышались аплодисменты.

– Какая вы проницательная девушка. Вы догадались о розыгрыше раньше всех и выигрываете наш главный приз – путевку на уик-энд в Париж. Поздравляю!

– Серьезно? Не может этого быть! Я не верю! Не верю! – Алина станцевала с телефоном вальс. – И что теперь? Куда-то надо, наверное, за призом приехать?

– Не беспокойтесь. Скажите свой адрес, и мы курьера отправим. Надеюсь, у вас загранпаспорт есть?

– Обалдеть!

– Так есть?

– Ну конечно! Я уже за границу ездила, в Болгарию по профсоюзной линии, – с гордостью сообщила Алина и торопливо продиктовала свои координаты, опасаясь, что абонент передумает и отсоединится.

– Еще для посольства справка с места работы нужна, на фирменном бланке, с указанием должности, оклада и стажа работы. И две фотографии – три на четыре.

– Есть! – завопила Алина. – У меня все это есть! Я для Болгарии брала в двух экземплярах, а пригодились один, там дату только поставить надо.

– Замечательно, в таком случае курьер приедет в течение часа. Приготовьте, пожалуйста, документы и передайте ему. Нам надо оформить визу и билет с гостиницей для вас забронировать. Отъезд через неделю, у нас в посольстве свои люди. В пятницу двадцатого июня в пятнадцать часов вам надо будет приехать в аэропорт «Шереметьево-2». Вас устраивает дата поездки?

– Устраивает! Мне в понедельник двадцать четвертого только на работу. Я в отпуске сейчас, – зачем-то объяснила Алина. Собеседник тоскливо вздохнул.

– В зале прилета на первом этаже у главного табло вас будет ждать наш сотрудник, – продолжил он посвящая ее в детали. – Он вернет вам паспорт с Шенгенской визой, передаст билет и ваучер на гостиницу. К сожалению, мы оплачиваем только перелет, проживание, трехразовое питание и экскурсии по городу. Карманные расходы в смету не включены, и до «Шереметьева» вам придется добираться своим ходом.

– Конечно! Конечно, я все понимаю. Нет проблем! – Алина замахала рукой, словно собеседник ее видел.

– Извините, на линии ожидают другие слушатели, – сказал он. – Будут какие-то вопросы, звоните, мы с удовольствием на них ответим. А если у нас возникнут какие-то проблемы с оформлением документов, мы с вами свяжемся. Всего доброго. И... будьте здоровы!

– Спасибо вам огромное! Я так рада! Вы даже представить себе не можете как! – затараторила Алина,

но благодетель уже отключился.

Париж, Париж, Париж! Эйфелева башня, Монмартр, Нотр-Дам де Пари, Елисейские поля и никаких цветущих тополей. Боже, какое счастье! Не зря, не зря она учила французский, будет где применить язык!

Алина метнулась к стенке, чтобы пересчитать заначку. Плевать на очиститель! Четыреста тридцать евро. Этого за глаза хватит на сувениры коллегам, да и себе кое-что купить: туфельки какие-нибудь, сумочку и маме настоящие французские духи.

Курьер, молчаливый невзрачный юноша, приехал, как и было обещано, в течение часа, попросил подписать анкеты для визы, забрал документы, оставил визитку с номерами телефонов, по которым можно связаться с организаторами поездки, и испарился.

Алина проводила курьера и спохватилась, что забыла попросить у него расписку. Вдруг потеряет паспорт по дороге? Но волнение быстро прошло – мечты о Франции заслонили все. В конце концов, в Париж ее не какая-нибудь шарашкина контора отправляет, а любимое радио.

Неделя пролетела в хлопотах и сборах. Алина провела ревизию своих вещей и пришла к выводу, что в шкафу полный отстой и ехать в Париж ей совершенно не в чем. Пришлось наплевать на тополиный пух и пробежаться по магазинам: прикупить пару новых футболок и топиков, легкий свитерок насыщенно голубого цвета, джинсы, стильный белый сарафанчик, под него рубашку в ярких цветах, кожаную сумку и мягкие туфельки без каблука, чтобы было удобно гулять по Парижу. На каблуках у нее были – черные с эффектной серебряной пряжкой, да и маленькое черное платье давно пылилось в шкафу. Вещи были куплены для корпоративной вечеринки, но выйти в свет так и не получилось – накануне Алина свалил грипп. Теперь она блеснет в них в Париже, отправится вечером куда-нибудь на променады, а потом... Алина представила себя сидящей за столиком в дорогом ресторане, с бокалом красного «Шато Латур», и зажмурилась от счастья.

Одежду для поездки Алина закупала в стоке, который недавно случайно обнаружила на окраине города. Отличный магазин, если хорошо покопаться, то среди вороха барахла можно отыскать фирменную и недорогую вещь. Набег оказался удачным. Повертевшись у зеркала в обновках, Алина решила и себя чуть-чуть обновить: сходила в салон и решительно отстригла русую косу – сделала стильное каре с прямой челкой и перекрасилась в шатенку.

Дома она долго смотрела в зеркало и поверить не могла, что стала такая... такая необыкновенная. Кажется, впервые Алина себе нравилась – в ней появилось то, чего не было прежде – лоск. Завершили перевоплощение два сеанса солярия и конечно же французский маникюр! Теперь можно смело отправляться в Париж. Не беда, что нос сопливый и на глазах припухлость – во Франции она избавится от аллергии и вообще станет неотразимой. Правда, после набега на магазины и посещения салона красоты денег у нее почти не осталось, но Алина не сильно по этому поводу переживала: на сувениры хватит, маме она купит маленький флакончик духов, а новые туфельки и сумочка у нее уже есть.

Маман отреагировала на новость скептически, нудила полчаса, что этого не может быть, потом вроде поверила, но извела советами и все нервы истрепала: запихала в сумку теплые носки, батон сырокопченой колбасы, кофе, чай, сахар, сухие супчики, и всерьез намылилась провожать ее в аэропорт. Жуть! Алина с трудом родительницу отговорила, жалея всем сердцем, что сказала про поездку. Надо было наплесть, что к сотруднице на Клязьму едет на выходные. К слову, сотруднице, у которой была дача на Клязьме, – Ирине Самойловой, самой большой болтушке в их отделе, Алина не удержалась и позвонила, торжественно сообщив, что отправляется на выходные в Париж. Скоро о ее поездке будут знать все! Пусть от зависти усохнут. А то вечно за спиной зубоскалят, что она неудачница и вообще тетеха. Неудачницы не выигрывают поездки в Париж!

Ирка сквозь зубы пожелала Алине счастливого пути и выдала все новости о том, что произошло в коллективе за время ее отсутствия. Оказалось, на работе все ходят на ушах из-за таинственного происшествия: у шефа сперли из холодильника колбу с секретным раствором. Секретным – это сильно сказано. Ни для кого не было тайной, что шеф, Антон Петрович Ширяев, придурковатый добродушный старичок с трудовой мозолью на пузе, в душе был романтиком. Его научные амбиции простирались гораздо дальше разведения опарышей в лабораторных условиях, он мечтал спасти человечество от вымирания и вот уже много лет корпел над рецептом «Эликсира бессмертия». Эликсиры свои Антон Петрович пробовал на себе и несколько раз оказывался в Склифе, где его научные изыскания вымывали из желудка с помощью физрастворов, но это профессора не остановило, он упорно продолжал эксперименты. Кому понадобилось тырить у шефа колбу с сомнительным содержимым? Не иначе, кто-то из сотрудников решил покончить жизнь самоубийством, хихикнула Алина и забыла о происшествии.

Ночью перед отлетом она никак не могла уснуть, ворочалась, боясь проспать, задремала лишь под утро и вскочила ни свет ни заря. Но настроение все равно было прекрасным. До «Шереметьева» пришлось,

правда, своим ходом добираться, такси ее обнищавший бюджет никак не тянул.

В аэропорт она приехала немного раньше, выпила убийственно дорогой эспрессо в кафешке и встала у табло, приглядываясь к лицам и пытаясь вычислить человека, который должен вручить ей билеты и паспорт. Идиотка, ругала она себя, надо было хотя бы поинтересоваться, как он будет выглядеть.

Прошло полчаса.

В десяти шагах от нее кучковалась группа горластых туристов – дородные тети и мужики с красными физиономиями, явно с севера. Алина подошла и поинтересовалась, не во Францию ли они летят? Мало ли, вдруг победителей окажется целая группа. Ржание было ей ответом, оказалось, туристы летят в Тунис. Что было смешного в ее вопросе и что они собираются делать в Тунисе летом, Алина уточнять не стала и отплыла от группы.

Прошло еще полчаса.

Алина слегка занервничала, поглядывая то на часы, то на табло. На ближайший рейс в Париж уже объявили посадку, следующий был лишь вечером, выходит, это ее рейс. Куда же запропастился сотрудник с билетом?

Прошло еще полчаса.

Алина занервничала сильно. Что за ерунда? Может, она перепутала время и дату? Двадцатое июня, пятница, «Шереметьево-2», зал отлета, главное табло – все верно, она записала информацию в еженедельник. Да и с памятью у нее проблем не было.

В голове наконец-то мелькнула здравая мысль позвонить организаторам и все узнать. Ругая себя последними словами, что до сих пор этого не сделала, Алина нашла визитку, которую ей вручил курьер, и позвонила по указанному телефону. Оператор сообщил, что такого номера не существует. Алина набрала его еще раз, решив, что ошиблась, но из динамика прозвучало то же самое. Тогда она отыскала в сотовом телефон, с которого ей звонили с радио. Оператор, словно издеваясь, повторила: такого номера не существует. Алина снова набрала его – безрезультатно.

Лица перед глазами расплылись, от волнения затошнило.

На табло мигали зеленые огоньки, приглашая пройти на регистрацию рейса в Париж. Алина бросилась к таможенному контролю, постояла там несколько минут, рассеянно глядя по сторонам. Как она ни пыталась осмыслить происходящее, ничего не получалось. Может, она стала участницей программы «Розыгрыш»? По радио развели, теперь здесь? Она поплелась обратно к табло, волоча за собой сумку, и вдруг заметила высокого темноволосого парня в белой футболке и рваных голубых джинсах. В руках он держал синюю пластиковую папочку, какие турагентства обычно выдают с билетами и паспортом. Сердце в груди радостно забило – совершенно очевидно, это был ОН!

Алина подлетела к мужчине и расплылась в улыбке, глядя на него снизу вверх.

– Вы не меня ждете случайно? – спросила она, кокетливо заправив за ушко прядь волос. Движение вышло непроизвольное – парень был хорош собой и во все стороны излучал мужское обаяние. Сибирячки, отлетающие в Тунис, даже перестали ржать на весь аэропорт и приосанились.

– Наверное, вас, – улыбнулся парень, и в его желто-зеленых глазах вспыхнул интерес. – Меня зовут Матвей Залесский, я...

– Очень приятно, а меня Алина Метель, – с облегчением вздохнула она. – Господи, ну что же вы так опаздываете? Я чуть с ума не сошла, вас дожидаясь. Позвонили бы хотя бы или эсмэску скинули. Черт-те что в голову лезло! Давайте паспорт и билет скорее, посадка на рейс уже заканчивается. Осталось пять минут.

– Как заканчивается? – с сомнением уточнил парень, посмотрев на табло, потом на часы и снова перевел взгляд на девушку.

– Обыкновенно! – разозлилась Алина – первое приятное впечатление развеялось, как дым. Ну и тормоз, не удивительно, что опоздал. И взгляд какой-то странный. Обкурился он, что ли? – Давайте документы, – поторопила она. Молодой человек неуверенно протянул ей папку. На лице его читалась растерянность. – Спасибо, – буркнула Алина. – Проводите меня?

– Куда? – окончательно растерялся он.

– На кудыкину гору, блин, – огрызнулась она. – Ладно, без вас справлюсь, – она отвернулась и, подхватив дорожную сумку, побежала к зеленому коридору таможенного контроля.

– Девушка! Как вас там?.. Алина! – окликнул ее парень.

Алина даже не обернулась. Мало того, что опоздал и не извинился, так еще и сумку тяжелую не предложил помочь донести. Долдон какой-то. Ну что за мужики такие пошли? Пашку тоже вечно приходилось просить взять у нее сумку с продуктами. Не скажешь в лоб – не заметит в упор. Ведро помойное никогда не догадается выбросить. А сколько раз она просила его поправить карниз и прокладку в

ванной поменять? Бесполезно! Хорошо, что он к Лизке ушел, скатертью дорога. Француза, может, себе подыскать в Париже? Говорят, они все жлобы, но как любовники ничего, нежные. А ей для счастья особо много и не надо, главное – чтобы любили. Пашка в постели нежным не был, слов ласковых на ушко не шептал – рукой по телу пошарит, чмокнет пару раз, и готово дело. А потом к компу, на сиястых девах пялиться. Пашка работал программистом и без компьютера жить не мог. «Интересно, Лизавете он слова любви говорит?» – подумала Алина и вдруг поняла, что ответ ей неинтересен. Боль прошла, она ничего не чувствует, ни ревности, ни злости, ни отчаяния – полный штиль в душе, лишь удивление: боже, как она была слепа! Зачем столько времени потратила на это убожество? Почему? Ради сомнительной перспективы иметь мужа? Да на фига он такой нужен! Лучше одной жить, чем с таким тюфяком, которого надо кормить и обслуживать.

Алина достала из папки билет с паспортом и протянула таможеннице, подпрыгивая от нетерпения и поглядывая на стойку регистрации рейса в Париж. До ее окончания оставалось три минуты. Девушка за стойкой уже поднялась и сладко потянулась, вероятно, решив, что больше никого из пассажиров не предвидится.

– Извините, – похлопали ее по плечу.

Алина обернулась, с раздражением глядя на виновника своего беспокойства, и плюхнула дорожную и дамскую сумки на томограф для досмотра багажа. Молодой человек тоже поставил свой небольшой кожаный рюкзак.

– Девушка, что вы сумки свои ложите? Провожающим туда нельзя.

– Так это я в Париж лечу! – возмутилась Алина.

– Паспорт тогда давайте и билет.

– А я что вам дала! – девушка выхватила у таможенницы паспорт, заглянула в него, медленно передала документ молодому человеку и, подхватив свои вещи с томографа, отошла от стойки и уселась на пол.

– Матвей Яковлевич! Ну где же вы ходите? – заорал кто-то над головой.

Алина скосила глаза вверх: рядом стояла девушка-блондинка в темно-синем костюме и белой рубашке, с рацией и бейджем на груди, улыбаясь во все тридцать два металлокерамических зуба.

Алина зажмурилась и зарыдала на весь аэропорт. Кто-то подхватил ее под руку и куда-то потащил – от шока, слез и безысходности она ничего не соображала и не видела. Внутри все сжалось и болело, звенело в ушах, а в голове было пусто, словно в нее напихали тополиный пух.

– Тополиный пух, жара, июль... Тополиный пух, жара, июль... – шептала она, всхлипывая, истерично хихикая и вытирая слезы рукавом новой блузки в ярких цветах.

– Матвей Яковлевич, по-моему, эта девушка не совсем нормальная, – сквозь звон в ушах донесся до Алины высокий женский голос. – Я бы на вашем месте...

– Коньяку закажи, – перебил сотрудницу аэропорта мужской голос. – Кофе, чай и десертик какой-нибудь.

– Матвей Яковлевич...

– Делай, что тебе говорят! – рявкнул Залесский.

Окрик подействовал на Алину отрезвляюще, она очнулась и огляделась: уютное просторное помещение с большим плазменным телевизором на стене, барная стойка, столики, кожаные бежевые диванчики. На один из них как раз и усадили Алину.

– Извините, – нервно хихикнула она. – Я у табло ждала человека одного. Мне должны были билет в Париж привезти. Я думала, вы... Что у вас мой билет и паспорт.

– А я думал, вы менеджер по VIP-клиентам, – улыбнулся Матвей. – Вы такая...

– Какая?

– Не знаю, – радостно пожал плечами он.

– Зато я знаю, – вздохнула Алина. – Я идиотка, дура наивная, и мой самолет в Париж улетел. Да и не было никакого самолета! Меня развели, как последнюю лохушку. Как я теперь на работу в понедельник пойду? Я же всем, всем, всем сказала, что выиграла тур и улетаю в Париж на уик-энд. А мама? Мама, она же... Она меня... Они все, все теперь будут надо мной потешаться! – Алина снова завывала на весь VIP-зал и надрывалась до тех пор, пока Матвей силком не влил ей в рот коньяк. С утра она не позавтракала, только кофе выпила, и алкоголь упал в пустой желудок камнем. Камень быстро нагрелся, расплавился и растекся горячей лавой по телу – ее потянуло в сон. – Я неудачница, они правы, – тихо сказала Алина. – Только я могла добровольно отдать свои документы незнакомым людям. Клуша!

– Да полно вам так переживать. Зачем рассказывать кому-то, что вас обманули? Скажете на работе, что прекрасно провели время в Париже, – посоветовал Матвей. – Хотите, я привезу вам сувениры какие-нибудь, чтобы достоверно все выглядело. Я, правда, не в Париж, а в Ниццу лечу, но какая разница. Вернусь в

воскресенье утром и по дороге из аэропорта заеду к вам. Вы водителю телефон свой и адрес скажите, я позвоню.

– Какому водителю? – вяло поинтересовалась Алина. Коньяк так благотворно подействовал на ее нервную систему, что соображалка окончательно отказалась думать.

– Моему водителю, Вове, он вас домой отвезет. Вы пока десерт покушайте и чайку попейте, он скоро за вами зайдет.

– Матвей Яковлевич, нам пора, – тактично окликнула его менеджер.

– До скорой встречи, Алина. – Матвей поднялся и направился за девушкой-блондинкой к выходу из ВИП-зала.

– Кажется, я брежу, – икнула Алина, отправила в рот ложку восхитительного шоколадного десерта и хлебнула чайку.

Не зря говорят, что шоколад – отличный антидепрессант. Когда Алина доела десерт, настроение ее немного улучшилось. Загадочный Матвей подсказал отличное решение! Действительно, зачем кому-то знать, что ее развели мошенники и обманом вытянули документы? Естественно, она потом сходит в милицию и напишет заявление о краже паспортов. Пусть разбираются, кто и зачем сыграл с ней такую злую шутку, но коллегам по работе и маме знать об этом вовсе не обязательно.

Как и обещал Залесский, водитель Вова, хмурый здоровяк криминальной наружности, зашел за Алиной в зал ожидания и отвез домой, записав ее координаты на каком-то замусоленном листочке.

Алина спрятала волосы под бейсболку, надела черные очки и юркнула в подъезд. Вчера мамуля перед уходом заглянула к соседкам, двум престарелым сестрицам, подружкам покойной бабули, и сообщила радостную новость. Старые перечницы тут же явились поздравить ее и уточнить подробности, а с утра подглядывали за Алиной, когда она родные пенаты покидала – слышно было шуршание за их дверью, видно, любопытные клюшки пытались друг дружку от глазка отпихнуть. Не дай бог, увидят, что она вернулась! Мамуле доложат тут же. Про Пашку настучали сразу, как только он впервые переступил порог ее квартиры. Про остальных редких ухажеров мамуля тоже узнавала от них, а потом мозги полоскала лекциями о безопасном сексе и кобелях-мужиках, которые только и мечтают ее обрюхатить и слинять с горизонта. Убиться об стену! Мамулю понять, конечно, можно, она вырастила ее без отца, но всему есть предел! А если мамочка о Париже узнает, то... Алине даже думать об этом было страшно.

Она вышла из лифта этажом ниже, поднялась по лестнице, стараясь не дышать, открыла дверь и юркнула к себе в квартиру. Придется пожить два дня без света, телевизора и музыки. Кушать готовить тоже нежелательно – учуют бабки запахи, и пиши пропало. Ничего, обойдется без горячего, не умрет.

– Лондон-Париж, – пискнула Алина, упала на диван и накрылась пледом с головой. Хотелось плакать, но слез не было, видно, все выплакала в «Шереметьеве». Хорошо, что в аэропорту неожиданный спаситель влил в нее коньяк, иначе она бы сейчас в Кащенко отдыхала. Алина прыснула со смеха, вспомнив, как пыталась прорваться через границу по его документам. Матвей Залесский... Интересно, кто он такой? Надо бы по компьютеру пробить, вдруг о нем информация в Сети есть. Матвей Залесский... Какое звучное и красивое имя... Матвей Залесский... А лицо какое привлекательное... Воспоминания о новом знакомом оттеснили терзающие душу вопросы: что за сволочь уперла у нее заграничный и российский паспорта? Кому и зачем понадобилось так зло ее разыгрывать?

Подумать над этим Алина решила завтра и провалилась в глубокий сон.

* * *

Она проспала сутки и проснулась от оглушающих раскатов грома. На небе были видны всполохи, начался ливень, омывая стекла, подоконники и прибывая к земле ненавистный тополиный пух. Чистый воздух, заряженный озоном, проникал в комнату даже сквозь плотно закрытые окна. В квартире стало зябко, дышать стало заметно легче, глаза больше не слезились, и насморк прошел.

Алина выпила горячего чаю, снова улеглась на диван и замоталась в плед, как в кокон. Озноб не отступал, по телу ползали холодные мурашки и стыла душа. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой и несчастной. Если бы мошенники просто паспорта уперли, сумку на улице порезали, в квартиру влезли и обворовали, не было бы так мерзко. Они же сыграли на ее мечте, слабостях, в душу ей плюнули. А вдруг кто-то воспользовался ее документами, чтобы пересечь границу? Идеи на этот счет приходили в голову какие-то дешево-сериальные: криминальный авторитет выманил у нее документы обманным путем, чтобы тайно отправить свою дочь или жену в Швейцарию. Замечательно! Криминальным авторитетам больше заняться нечем, как у нее документы красть, а потом разыгрывать. Зачем, к примеру, ее надо было в

аэропорт вызывать, дату назначать, время? А что, если...

– Черт! – выругалась Алина и села, скинув плед на пол.

В квартире кто-то побывал за время ее отсутствия! Сейчас, когда насморк прошел, она чувствовала еле уловимый чужой запах. И половичок лежал не так, как обычно – вчера она машинально его поправила. Господи, похоже, мошенники все просчитали и не просто так отравили ее в «Шереметьево».

Ограбили! – охнула Алина с легким недоумением, потому как воровать у нее было решительно нечего. Она включила компьютер, чтобы монитор осветил комнату, бросилась к шкафу и распахнула дверцы – на пол вывалились вещи. Перед отъездом она сама их так запихала, после того как еще раз все перемерила – разбирать времени не было. Да, кажется, она сильно погорячилась, предположив ограбление! Алина вытащила из ящика шкатулку с драгоценностями и уселась на стул перед компьютером, перебирая свои нехитрые сокровища: жуткие сережки с фальшивыми рубинами – подарок мамы, золотой кулончик в виде буквы «А», рваные серебряные цепочки, нательный крестик на веревке. Алина надела крестик на шею и продолжила ревизию: два золотых колечка, одно с фианитом, другое с настоящим бриллиантом, правда, крошечным, бусы малахитовые, страшнющие, все было на месте, кроме... колечка ее бабушки.

– Не может этого быть! – не поверила своим глазам Алина.

Колечко не представляло никакой особой ценности: простенькое, золотое с бирюзой. Побрякушка, конечно, была симпатичной, Лизка постоянно поносить клянчила – типа, винтаж. Какой, на фиг, винтаж, если бабуля его из своего сломанного золотого зуба специально для Алины справила у знакомого деда-ювелира и на совершеннолетие преподнесла. Вот и весь винтаж. Еще бабуля сережки такие же подарила, но Алина их где-то посеяла. Вечно она все теряет! Наверное, и кольцо сама куда-нибудь засунула. Идиотизм устраивать такой спектакль, чтобы украсть из ее квартиры дешевое кольцо с бирюзой. Наверное, это у нее воображение разыгралось.

Алина еще раз прошла по квартире, внимательно ко всему приглядываясь. Вроде все как прежде, но ощущение, что кто-то здесь побывал, не оставляло. Подтверждение она нашла на кухне: табуретки стояли неровно и ящик, где она обычно хранила техпаспорта на бытовую технику, магазинные чеки, счета за квартиру, записные книжки и прочую ерунду, был задвинут не до конца. А она всегда все закрывала плотно – привычка, чтобы пыль не собиралась. Алина дрожащей рукой выдвинула ящик: документы лежали на месте, но неровно. Из глаз потекли слезы, закапали на старые квитанции за телефон. Что понадобилось в этом ящике вору?! Зачем он сидел на ее табуретках? Что ему от нее надо?

Сколько детективов Алина перечитала, и во многих был похожий сюжет: неизвестные влезали в дом к героине – какой-нибудь серой мышке-библиотекарше, у которой брать нечего. Искали что-то непонятное, а потом оказывалось – героиня-то не хухры-мухры, а наследница миллионного состояния или обладательница старинного артефакта. Наличие артефакта отпадало: ремонт Алина своими руками делала, все стены и полы простукивала на предмет полых поверхностей. Может, она миллионерша? Во Франции у нее какой-нибудь добрый двоюродный дядюшка скопытился и завещание на нее написал? Преступники об этом узнали и уперли у нее паспорта, чтобы слетать в Париж и вступить в права наследства. А бабкино кольцо уперли, чтобы подтвердить родство? Логика, конечно, в этом прослеживалась, вот только богатых дядюшек и тетюшек у Алины за границей не было: институтский друг занимался составлением генеалогических древ и ей сделал, так что она все проверяла. И про папаню справки наводила – спился и на кладбище лежит.

Алина вернулась в комнату и села за компьютер. Человек, который залез к ней в квартиру, знал, что она в аэропорт поедет. Или сам ее туда отправил, точнее, не туда, а совсем в другое место, неважно, факт остается фактом. Про аллергию мошенник тоже знал и про то, что она в отпуске и безвылазно дома сидит. И ее любовь к Парижу секретом не была: Алина постоянно о своей мечте говорила. Значит, надо искать среди своих...

Она машинально щелкнула клавишей мыши, вышла в Интернет и набрала в поисковике имя своего нового знакомого.

– Ничего себе, – изумилась она.

Ссылок на Матвея Залесского выпало немного, но сразу было понятно, что человек он непростой. Успешный бизнесмен, глава российского представительства крупной европейской фармацевтической компании, не женат... Последний открывшийся факт Алину особенно порадовал, но она себя тут же одернула. Нашла чему радоваться, в любом случае ей этот мужик не светит.

Светит не светит, а завтра он к ней приедет, если не обманет, и сувениры привезет. Как же она не подумала о деньгах! Вдруг он купит какие-нибудь эксклюзивные в дорогом магазине. Кошмар! Чем она расплачиваться будет? Натурой? Она, конечно, не против, только вряд ли такой мужчина польстится на ее прелести. Ладно, как-нибудь выкрутится. Кредит в банке, в конце концов, возьмет. Стаж у нее приличный, доход стабильный, только документы уперли... Ну ничего, займет денег, хотя ненавидит в долг брать, и

Залесскому отдаст. Подождет пару дней, не барин, никто ведь его не просил дорогие сувениры во Франции покупать.

Алина набрала в поисковике «Париж», чтобы хотя бы виртуально в нем побывать, но первая же ссылка вернула ее в реальность: в новостях сообщали о заказном убийстве русского бизнесмена, проживающего во Франции. По спине пробежал холодок. Господи, а если документами воспользовались, чтобы кого-нибудь убить? Киллерша какая-нибудь выехала по ее паспорту во Францию, хлопнула клиента и смылась. Действительно, кого из спецслужб может насторожить заурядная бухгалтерша, работающая в конторе по разведению опарышей!

Голова закружилась, Алина часто задышала и ухватилась за столешницу, чтобы не рухнуть на пол. Боже, никто ведь не знает, что она никуда не ездила! Даже мать родная не знает. Только Матвей Залесский, его водитель и девушка из ВИП-зала. Они – единственная ее надежда. Надо дожидаться Залесского и отправиться с ним в прокуратуру. Господи, хоть бы он приехал! Не похож он на человека, который обманывает. Одной в прокуратуру идти нельзя. Кто ей поверит, что она по доброй воле отдала документы первому встречному? Менты только рады будут, что подозреваемая сама в гости пришла. Посадят за убийство и глазом не моргнут. Надо дожидаться Матвея Залесского, надо дожидаться...

Алина снова щелкнула по ссылке на статью об убийстве российского бизнесмена во Франции и только сейчас обратила внимание на дату: бизнесмена грохнули в четверг. «Господи, какое счастье!» – с облегчением подумала она и тут же перекрестилась, ругая себя за крамольные мысли. Человека убили, а она радуется. Впрочем, радоваться было чему: в четверг у нее в гостях была мама, она звонила Ирке на работу с домашнего телефона, к ней заходили соседки, и с утра в пятницу у лифта они тоже ее видели. Значит, если вдруг ее вздумают обвинить в убийстве российского бизнесмена во Франции, будут все шансы доказать свою непричастность. На душе стало легче, но ненадолго. Алина нашла в поисковике французские информационные сайты и просмотрела криминальную хронику за последние два дня.

– Мама дорогая! – воскликнула она, читая сводки.

В спокойной Европе люди тоже мерли пачками: кто-то попал под машину, кто-то упал под поезд, кого-то зарезали. Алина выключила компьютер и всплакнула – думать о том, что она может иметь отношение, пусть косвенное, к смерти этих людей, было невыносимо.

Ливень за окном кончился, лишь редкие капли дождя стучали по стеклу, и с крыши капало на подоконники. Светало, в комнату вползал серый рассвет. На душе тоже было серо и беспросветно, руки дрожали, и сердце в груди билось, как испуганная птичка. Пришлось хлопнуть рюмку валерьянки. Минут через двадцать полегчало, и Алина не заметила, как задремала за столом.

Телефон пищал, распухнув от непринятых эсмэсок. Алина потерла глаза и посмотрела на дисплей – десять вечера. Хорошо она вздремнула, валерьянка подействовала на нее, как снотворное. Залесский не позвонил и не приехал. Эсмэсок от него тоже не было, это мама беспокоилась. Пора было возвращаться из Парижа.

Алина успокоила по телефону маму, сообщила, что долетела отлично, но очень устала и расскажет обо всем завтра. От Ирки тоже пришло короткое сообщение о том, что в пятницу шефа забрали в больницу с сердечным приступом, поэтому можно к девяти не приходиться. Добрая Ира была в своем репертуаре. Что-то Ширяева кража пробирки не на шутку подкосила. Может, Антон Петрович на самом деле наконец-то изобрел эликсир бессмертия? Несладко тогда фармацевтической промышленности придется, разорятся все. Повезет лишь тем, кто первым запатентует чудо-средство... Холодный пот на лбу выступил прежде, чем Алина успела осознать, до чего она додумалась. Матвей Залесский, глава российского представительства крупной европейской фармацевтической компании, успешный бизнесмен. Никакой киллерши не было – кто-то из ее конторы узнал, что у Антона Петровича все получилось, вышел на Залесского и вместе с ним вывез по Алининым документам эликсир в другую страну. Этот человек – женщина. Конечно, как же она сразу не догадалась! Ведь именно Залесский посоветовал Алине никому не говорить, что поездка в Париж сорвалась. И сувениры... С какой это радости успешный бизнесмен, занятой человек, станет предлагать незнакомой девушке притаранить ей из Ниццы сувениры? С какой радости он станет возиться с ней, как с дитем малым, десертами угощать и утешать?

В дверь позвонили, Алина от неожиданности вскочила и уронила табуретку. Грохот раздался такой, что изображать из себя ветошь было глупо. Она осторожно подняла табуретку с пола и, ругая себя последними словами, поплелась открывать дверь. В душе была робкая надежда, что, возможно, это мамуля нагрязнула или любопытные соседки. Надежды не оправдались, на лестничной клетке топтался Залесский с двумя объемными пластиковыми пакетами. Убить он ее вряд ли убьет, им она живая нужна.

Алина нацепила на лицо улыбку и распахнула дверь.

– Извините, что так поздно и без звонка, – улыбнулся в ответ Матвей. – Французские диспетчеры в

очередной раз бастуют, все утренние рейсы отменили, пришлось в аэропорту до вечера торчать. Я хотел из Ниццы позвонить, но Вовка бумажку с вашими координатами потерял. Пришлось... У вас имя запоминающееся – Алина Метель. Вот, как обещал, – он протянул ей пакеты.

– Спасибо! Проходите, я сейчас вам деньги отдам, – защелкала Алина. – А пакеты на пол, пожалуйста, поставьте, – она кивнула в дальний угол прихожей, ненавязчиво покачивая табуреткой.

– Деньги? А, ну да, – кивнул Залесский, почему-то смутился, с удивлением поглядывая на предмет мебели в руках Алины, и прошел в прихожую. – Знаете, я пока в аэропорту торчал, кое-что проверил через своих знакомых. Все на самом деле очень банально. А почему у вас свет не горит? – неожиданно сменил тему он.

– Лампочка перегорела, – сообщила Алина.

– Ясно! А я смотрю у вас табуретка. Вы лампочку пытались вкрутить? – радостно предположил Матвей и нагнулся, чтобы поставить пакеты на пол.

– Что-то типа того, – ответила она и треснула Залесского табуреткой по затылку. Матвей крикнул и ничком рухнул на пол. Алина захлопнула дверь ногой, включила свет, с трудом перевалила Залесского на спину и расстегнула ремень на его брюках, – она видела в фильмах, что преступников связывают именно ремнем. Матвей вдруг застонал и открыл глаза.

– Вы что делаете? – поинтересовался он. Алина схватила табуретку, треснула Залесского еще раз, по лбу, и он снова отключился.

Вытащить ремень из его брюк никак не получалось. Матвей застонал и опять зашевелился. Алина оставила ремень в покое и бросилась на кухню. Порывшись в шкафах, нашла рулон клейкой ленты для окон, обмотала Залесскому руки, потом ноги, немного подумала и заклеила ему рот. Он очнулся и выпучил глаза, пытаясь что-то сказать.

– Я все про вас знаю! Все! – выпалила Алина и выдала свою версию событий.

Судя по тому, как таращил глаза Залесский, она попала в точку.

– Короче, завтра я вычислю твою помощницу и сдам вашу шайку в прокуратуру. Ясно тебе? Лежи смирно, иначе табуреткой еще раз по лбу дам, – пригрозила Алина.

Угроза подействовала, Залесский затих, но смотрел на нее так грустно, что Алине даже жалко его чуть-чуть стало. Понятное дело, кому хочется в тюрьму. Ей, например, совсем не хочется.

До утра она шаталась по квартире, как привидение. Залесский лежал тихо, глядя в потолок. Время приближалось к восьми, пора было ехать на работу. Алина привела себя в порядок и задумалась – оставлять преступника одного в квартире опасно, вдруг сбежит. Соседок позвать? Они скончаются на пороге. Мама с ума сойдет. Ирку тоже привлекать нельзя: начнет кудахтать и план по вычислению врага в тылу рухнет. Саму Ирку Алина не подозревала – у той язык такой болтливый, что если бы она подобную аферу провернула, то не удержалась бы и сама Алине обо всем рассказала. Остальные девицы оставались под вопросом.

Выходит, на помощь она может позвать только Лизу. К подруге-разлучнице обращаться было неприятно. С другой стороны, Лизка оказала ей поистине неоценимую услугу – избавила от тюфяка Павлуши. Сама бы Алина выгнать его не решилась, так и жила бы, ожидая у моря погоды. Все, что ни делается, все к лучшему, оптимистично подумала она и набрала знакомый номер. По Лизке она к тому же успела соскучиться, с института ведь дружили. Лизка у нее даже какое-то время жила – у Алины единственной из группы была отдельная квартира. И деньги водились: мама тогда еще на пенсию не вышла, работала и помогала. Подкидывала немного, но им вдвоем хватало и на еду, и на киношки.

Лизка звонка явно не ожидала. Вдаваться в подробности и пугать подругу раньше времени Алина не стала, наврала, что купила новую стиральную машину, которую обещались привезти в течение дня, но ее срочно вызывают на работу, а покараулить некому. Лиза долго бухтела, что ей тоже надо на работу, но в итоге согласилась.

Залесский замычал и заелозил по полу, пытаясь развязаться. В туалет, наверное, хочет, смущенно подумала Алина. Но как она его туда отведет, придется же не только ноги, но и руки развязать!

В дверь позвонили. Лиза точно не могла так быстро добраться. Алина на цыпочках подкралась и посмотрела в глазок. Одна из сестер бабулек держала в руках газеты и белый конверт.

– Алинка, на работу проспий! – проскрипела соседка. Уходить она явно не собиралась, пришлось приоткрыть дверь, накинув собачку, чтобы старушечья не прорвалась внутрь.

– Я не одета, баба Валя, – соврала Алина. – И на работу опаздываю.

– Письмо тебе! Почтальон перепутал и в наш ящик кинул, – сообщила баба Валя и просунула в щель конверт.

Алина поблагодарила старушку, захлопнула дверь и повертела конверт в руках: письмо пришло от

банка «Русский резерв». Алина вскрыла его, достала сложенный вдвое листок и прочитала текст. Потом перечитала еще раз, не понимая смысла написанного.

Начальник отдела кредитования благодарил Алину за то, что она воспользовалась их услугами, и желал приятного дальнейшего сотрудничества. К письму прилагалась счет-выписка о погашении кредита, с процентами и суммами выплат по месяцам. Сумма тоже была обозначена – триста пятьдесят тысяч рублей!

Алина беспомощно повертела выписку в руках и бросилась на кухню. Рванув на себя ящик, где лежали документы, она вышвырнула все на пол – на дне лежали ее заграничный и российский паспорта. Трясущейся рукой Алина взяла загранпаспорт и открыла: кроме болгарской, там больше не стояло никаких виз. Естественно, для получения кредита в банке они и не нужны, достаточно двух документов, копии трудовой книжки, анкеты и справки о доходах.

На столе заорал дурником мобильный. Звонила Ирка.

– Алин, ты не представляешь! – затрещала она в трубку. – Воров никаких не было. Уборщица во всем созналась. Мариванна колбу случайно грохнула, когда убиралась. Испугалась, тщательно все помыла и осколки выкинула. Алина, я в полном ауте, у нее руки стали, как у молодой, гладенькие и беленькие. Она с перепуга без перчаток эту лабудень убирала. Представь, если на морду лица намазать? Правда, все опарыши и мухи в лаборатории почему-то подошли. Не знаю, что изобрел наш гениальный шеф, но я уже хочу это универсальное средство...

Алина отключила телефон и громко расхохоталась, скрючившись и держась за живот. Она смеялась и не могла успокоиться, слезы градом катились из ее глаз. Освободить Залесского долго не получалось – клейкой ленты она не пожалела, удалось справиться только с помощью ножниц. На ножницы в ее трясущихся от хохота руках Матвей смотрел с ужасом, как на орудие убийства. Клейкую ленту от лица он отлепил сам, но, к удивлению Алины, ничего не сказал, поднялся и ушел на кухню, пить водичку, судя по звукам. Она осталась сидеть на табуретке в прихожей.

Лиза вошла в квартиру, открыв дверь своим ключом.

– Привет, – улыбнулась Алина.

– Привет, ты чего здесь сидишь? – немного растерялась Лиза. – Ого, ты сменила имидж? Совсем другая стала.

– А ты совсем не изменилась. Кстати, тебе к лицу кольцо и сережки моей бабушки, – сказала Алина.

Лиза непроизвольно дернулась и потянулась рукой к уху, вспомнила, что в них никаких сережек нет, и усмехнулась.

– Как ты догадалась?

– Тебя сгубила жадность, дорогая подружка. Мало было повесить на меня огромную сумму кредита, ты не побрезговала еще и дешевое колечко прихватить. Ну да, сережки без кольца некомплект. А сережки ты украли, когда жила у меня. Я только одного не могу понять: каким образом ты перевоплотилась в меня, чтобы кредит по чужим документам получить?

– Павлуша прекрасно с этой задачей справился, вы ведь с ним похожи – паричок, макияжик, бабский костюмчик, и он стал полной твоей копией. Не совсем, конечно, полной, но у нас на паспорт так снимают, что узнать человека невозможно. Вот и прокатило. Кстати, это Павлуша тебе звонил, через Инет и модификатор голоса. Здорово мы тебя развели? Я по-честному хлопала.

– А курьер?

– Курьер обычный, Пашкин с работы, корреспонденцию разносит. Что ему сказали, то он и сделал. Полный даун. Спасибо, что подписала заявку на кредит. И за справку с работы, пришлось, правда, там сумму о твоих доходах малость подправить. Ты получаешь неприлично мало, дорогая. Я давно тебе советовала сменить место работы.

– Да, я помню! Ты даже сама пыталась меня пристроить и попросила заверенную копию трудовой книжки, дескать, работодатели очень серьезные. Теперь ясно, почему ты Пашу увела. А я все думаю, за каким хреном он тебе сдался? Зарабатывает мало, как любовник никуда не годится, зануда. Вот, оказывается, для чего – чтобы меня обобрать до нитки!

– Да ладно из себя сироту казанскую строить, – зло сказала Лиза. – Тебе все с детства на блюдецке с голубой каемочкой приносили, никогда по жизни напрягаться не приходилось. Квартирка своя – не надо хребет ломать, мамка под боком – харчи таскает, денег подкидывает, в попу целует. Даже работу ты можешь себе позволить любую, не пыльную, как ты говоришь. А я одна, мне никто не помогал, всю жизнь, как папа Карло, горбатилась, чтобы за жилье заплатить. Я устала, хочу для себя пожить, а не могу: кредит ипотечный все сжирает, осталось погасить совсем чуть-чуть.

– Триста пятьдесят тысяч рублей, – уточнила она.

– Это так мало, Алина. Не переживай, расплатишься с кредитом и снова станешь свободной. Правда,

работку придется подыскать другую. Если что, обращайся, как лучшей подруге организую, у меня знакомых много. Ты, главное, не рыпайся, мы все сделали так, что комар носа не подточит: на справке о доходах, которую мы подделали, твои отпечатки, доказать ты ничего не сможешь. А если об этом узнают в банке, то придут добрые мальчики из службы безопасности и открутят тебе голову. Ну ладно, рада была с тобой повидаться, но мне пора, – улыбнулась Лиза.

– Счастливо, – помахала ручкой Алина и широко улыбнулась.

Лиза, на мгновение растерявшись от такой реакции, открыла дверь и попятилась назад – на пороге стояло несколько человек.

– Вы кто? – спросила девушка.

– Мы добрые мальчики из службы безопасности банка «Русский резерв», – без улыбки представились мужчины и взяли Лизу под локотки.

В прихожую вышел Залесский, сунул сотовый в карман и присел рядом с Алиной на пол.

– Я позвонил им, как только ты меня развязала.

– Ты еще вчера все выяснил, да? Про кредит? – спросила она.

– Да, но ты не дала мне возможности сказать, – нервно рассмеялся Матвей, потер шишку на лбу, потом на затылке и добавил: – У меня в этом банке друг работает. Президентом, – уточнил он. – Как-нибудь я тебя с ним познакомлю.

– Что тебе от меня надо? – спросила Алина.

– Ничего особенного. Я хочу на каждый уик-энд летать с тобой в Париж.

Валерия Вербинина
Сокровище короны

Граф Вермандуа покачал головой.

– Боюсь, я не смогу выполнить вашу просьбу, госпожа баронесса, – сказал он. – Конечно, ваши доводы чрезвычайно убедительны, но...

– Я могу представить вам еще более веские доводы, – перебила его собеседница.

Это была хрупкая, изящная, совсем еще молодая женщина с белокурыми волосами и карими глазами, в которых вспыхивали золотые искорки. Любог портретист, каким бы пресыщенным он ни был, дорого бы дал, чтобы запечатлеть столь прелестную особу в голубом платье на фоне обитого бледно-зеленым шелком кресла, среди старинной обстановки замковой гостиной, где причудливо соседствовали резная мебель, инкрустированные перламутром столики, расписные ширмы, тяжелые канделябры и картины в потемневших от времени рамах. Однако граф Вермандуа не был портретистом. Он лишь поглядел на свою собеседницу и спросил, пряча в усах снисходительную улыбку:

– И насколько же более веские доводы вы готовы мне представить?

Баронесса пожала плечами.

– Десять тысяч франков сверх установленной цены, – сказала она. – Впрочем, как я уже вам говорила, данный вопрос мы еще можем с вами обсудить.

Граф Вермандуа, сорокалетний брюнет, тонкий и гибкий, как английский хлыст, вздохнул. Он с детства не любил разговоров о деньгах. Тогда за этими разговорами невидимой тенью маячили крах, разорение и утрата семейного гнезда – мрачноватого замка к северу от Парижа, который принадлежал роду Вермандуа со времен короля Франциска, то есть с XV века. Однако странная антипатия ко всему, что связано с деньгами, вовсе не помешала графу десять лет назад жениться на единственной наследнице владельца сталелитейных заводов, после чего он заново отстроил полуразрушенный замок и стал задавать вечера, на которые съезжалась едва ли не вся парижская знать. Между делом граф изобрел новый рецепт приготовления филе косули, так что можно считать, что ему удалось обессмертить собственное имя. И все же любое упоминание о меркантильной стороне бытия по-прежнему претило ему, аристократу, возводившему свой род к одному из сыновей Генриха I и Анны Киевской. На лице графа появилась скучающая гримаса.

– Вынужден разочаровать вас, госпожа баронесса, – промолвил он, – но розовый бриллиант королевы Клод не продается, и я не стану делать исключения даже для русского императора. Я купил камень у ван Марвийка, чтобы подарить его жене на десятилетие нашей свадьбы, и решения не изменю. Так что не вижу, чем бы я мог помочь вам, госпожа баронесса.

Госпожа баронесса Амалия Корф подавила в себе сильнейшее желание швырнуть в голову этому учтивому господину с водянистыми глазами и бесцветным голосом что-нибудь тяжелое и вновь принялась повторять свои доводы. А они были весьма серьезные. Ван Марвийк не имел права продавать камень, что месье графу должно быть отлично известно. Бриллиант был отдан голландцу в залог, и ван Марвийк продал его, поправ все договоренности. По сути дела, продавец поступил незаконно. Так неужели граф Вермандуа будет потворствовать его действиям?

А граф, поправляя запонку на манжете, все тем же тихим, невыразительным, невыносимым голосом ответил, что ван Марвийк, насколько ему известно, никаких законов не нарушал, что сам он приобрел у него камень совершенно легальным путем и продавать его никому не собирается. Его жене Элен прекрасно известно, какой именно подарок он собирается ей преподнести, и граф не станет разочаровывать столь превосходную женщину, которая, вне всяких сомнений, достойна не только сокровища короны, каковую украшал когда-то розовый бриллиант, но и самой короны вообще.

Видя, что тут ей ничего добиться не удастся, Амалия поднялась с кресла и пожелала графу всего наилучшего. Ее собеседник, впрочем, успел взять с нее слово, что она окажет ему честь побывать на праздновании десятилетия его свадьбы, где ожидается никак не менее сотни гостей.

– Непременно, сударь, – сказала Амалия, – даже не сомневайтесь.

И она покинула залитую солнцем гостиную, причем даже трен ее платья шуршал с каким-то особенным возмущением, когда она спускалась по лестнице.

Выйдя из замка, Амалия почти сразу же увидела юношу, который стоял возле пруда, щурясь на солнце. Юноша был одет как парижский денди и то и дело бросал любовные взгляды на золотую цепочку жилетных часов, отбрасывающую сверкающие блики. Светловолосую его голову венчал цилиндр, а во рту у незнакомца была сигара толщиной с его талию. Несколько портит впечатление только оттопыривающийся

внутренний карман, содержимое которого немало озадачило бы любого постороннего человека, если бы ему взбрела в голову неожиданная фантазия туда заглянуть. В кармане покоился превосходный американский револьвер.

Завидев Амалию, юноша хотел было спрятать сигару, но не успел. Баронесса Корф подошла к нему и выхватила сигару у него из пальцев.

– Сто раз говорила, чтобы ты больше не курил, – проворчала она по-английски. – Нельзя, ну никак нельзя тебе курить с твоими-то легкими! И доктора говорили, что тебе это противопоказано! Или тебе захотелось обратно в санаторий?

Юноша покосился на белую бабочку, которая висела возле кустов сирени, застенчиво чихнул и потер нос, чего настоящий денди никогда бы не сделал. Теперь, когда он стоял рядом с Амалией, их можно было принять за брата и сестру – настолько они казались похожими друг на друга.

– Иногда табачку хочется, – объяснил молодой человек, оправдываясь. – А сигара больно хороша. Ну, что он сказал?

– Ничего, – сердито фыркнув, отрезала баронесса Корф. – Идем!

– Неужели отказался? – поразился юноша.

Амалия поморщилась.

– Я предложила ему едва ли не больше, чем камень стоит, – с горечью проговорила она. – Но граф не хочет его продавать.

– А я-то думал, ни один богач не откажется стать еще богаче, – вздохнул юноша. – Что будем делать теперь?

– Действуем, как условились, Билли, – отозвалась Амалия. – Раз уж план номер один провалился, перейдем к плану номер два.

– Я так и думал, – качнул головой подозрительный денди, откликающийся на имя Билли, и зачем-то тронул ручку револьвера в кармане.

Амалия заметила, что все еще держит в руке отнятую сигару, и, размахнувшись, швырнула ее в кусты, после чего взяла своего спутника под руку и двинулась вместе с ним прочь от того места, где происходил разговор.

Она не видела, что отброшенная ею сигара упала к ногам человека, стоявшего за кустами. На вид ему было лет двадцать пять, и его худое лицо с птичьим носом не покидала печать уныния, которая нередко встречается у людей одиноких, нестроенных в жизни или таких, которые занимаются не своим делом. Одежда на незнакомце была мешковатая, словно с чужого плеча. Он вздохнул так, что листья сирени заколыхались, наклонился и подобрал сигару.

– Любопытно, – пробормотал мужчина себе под нос, обращаясь не то к кусту, не то к сигаре. – Оч-чень любопытно.

– Эй, Гиварш!

Стоящий за кустами вздрогнул и выронил сигару. С другой стороны пруда к нему шел нагруженный дюжиной удочек молодой блондин. Когда он подошел ближе, стало видно, что у него зеленоватые глаза, опущенные красивыми ресницами, и широкая, располагающая к себе улыбка. Светлые волосы торчали дыбом на голове блондина, как иголки ежа. Он улыбнулся и мокрой рукой пригладил их.

– Ты что тут делаешь, дружище? Что, из замка утащили пару золотых ложек?

Гиварш знал рыболова – это был Леон Улье, мелкий репортер, писавший заметки для какой-то парижской газеты из разряда тех, что столичные жители непочтительно именуют «капустными листками». Сейчас Леон находился на отдыхе, и его частенько видели возле реки, где он сидел со своей удочкой. Однако, несмотря ни на что, он все-таки был репортером, а Гиварш хорошо помнил инструкции начальства на случай общения с прессой.

– Да нет, ничего не утащили... – промямлил он в ответ на вопрос Леона. – А ты как, поймал что-нибудь?

Леон предъявил ему ведро, в котором барахталась разнокалиберная рыба, и уныние на лице Гиварша сменилось завистью. Самому ему никогда не удавалось поймать даже ничтожного пескаря.

– На реке сейчас хорошо, – сказал репортер, вытирая лоб. – И чего ты тут торчишь? Шел бы лучше со мной. Знаешь, какую уху жена Робера варит из речной рыбы?

Робером звали местного кабатчика, а его жена Марион, по заверениям местных жителей, стряпала едва ли не лучше графского повара.

Чуя в душе адский соблазн, Гиварш строго поглядел на сигару, валяющуюся в траве, и, не поднимая головы, ответил, что не может покинуть пост. И вообще...

– Ну так бы и сказал, инспектор, что ты на работе, – несколько обиженно пробурчал репортер. – Что,

граф поручил тебе приглядеть за своей женой?

– Не в том дело, – вздохнул инспектор Гиварш. – Нас из Парижа предупредили, что господин граф... что нужно быть осторожнее... – Он спохватился и недоверчиво поглядел на Леона. – Ты никому не расскажешь?

Репортер заверил его, что будет нем, как телеграфный столб, и успокоившийся Гиварш поведал приятелю страшную тайну. Мол, в Париже прознали, будто какой-то мазурик хочет утащить у господина графа розовый бриллиант, который тот недавно купил. Поэтому местную полицию, то есть Гиварша, и предупредили, чтобы он держал ухо востро.

– Можно подумать, это так просто, – ворчал инспектор полчаса спустя, когда они с Улье были уже в заведении папаши Робера, и в очаге под присмотром Марион варилось нечто рыбное, источавшее восхитительный аромат. – Через неделю у них торжество – бал-маскарад, видишь ли, затеяли... Гости отовсюду съезжаются, прислуга то и дело меняется, одного рассчитали, другого взяли, а я за всеми уследить должен. И посетители... – Гиварш вспомнил даму в голубом платье и ее спутника, который держал в кармане явно не трубку для курения, и осуждающе покачал головой.

– Так что, все это заварилось из-за того розового бриллианта? – спросил Леон с любопытством. – Что же там за бриллиант такой...

– Как вам известно, господа, большинство французских королей – я не говорю уже о фаворитках, таких как мадам де Помпадур или госпожа де Ментенон, – оставили свой след в истории, и порой – довольно значительный. Мы все помним, к примеру, Екатерину Медичи, жену Генриха II. Ее время полно темной романтики, заговоров. Отравленные перчатки для врагов, инспирированная ею Варфоломеевская ночь и бесславный конец всех, кого она любила, и так далее. А Маргарита Наваррская, ее дочь, жена Генриха IV? О жизни этой дамы, полной любовных приключений, можно сочинить не один роман, чем с переменным успехом занимаются многие господа беллетристы. Что уж говорить об Анне Австрийской, жене Людовика XIII, или о Марии-Антуанетте, прекрасной королеве, которая кончила свои дни на эшафоте... – Голос рассказчика дрогнул, водянистые глаза на мгновение увлажнились. – И среди блестящей плеяды женщин, которые создали Францию – да-да, именно так, господа! – среди этой плеяды затерялось одно имя. Вы уже поняли, о ком я говорю, – именно о ней, о королеве Клод. Она была первой женой великопного Франциска I, который в глазах историков совершенно затмил ее. В самом деле, господа, кто не слышал о человеке, который, проиграв важнейшую битву, сказал, что все пропало, кроме чести? Кто не видел «Джоконду» в Лувре, картину, которая оказалась у нас лишь благодаря тому, что именно король предоставил приют старому флорентийскому художнику, известному Леонардо да Винчи? И вот, с одной стороны, знаменитый король, воин, меценат, покровитель живописи и искусства, а с другой – молодая женщина, его жена Клод, которая не была известна ни своими экстравагантными выходками, ни своими похождениями, которая в жизни не была замешана ни в одном скандале и даже не покровительствовала литераторам или художникам. Просто женщина, дамы и господа, просто королева Франции, которая прожила только двадцать пять лет и умерла молодой, королева, о которой забыли почти все историки. Но можем ли мы говорить, что после нее и в самом деле не осталось никакого следа? Я не говорю здесь о том ученом, который назвал в честь скромной королевы сорт слив – ренклюд. Нет, я хочу напомнить вам о камне, который когда-то являлся частью сокровищ французской короны, камне, который король Франциск в далекие времена преподнес в дар своей жене и который с тех пор называется розовым бриллиантом королевы Клод. Дамы и господа, этот камень перед вами!

Взволнованный своей длинной и немного путаной речью, граф Вермандуа открыл ларец, который держал стоявший возле него невозмутимый дворецкий, и извлек оттуда золотое ожерелье, в центре коего выделялся розовый камень, заостренный с обеих сторон. Толпа масок, дам в бархатных платьях, ряженных императоров, шутов и чертей ахнула и одобрительно загудела. Щеки графа порозовели, и он поднял ожерелье так, чтобы его можно было видеть отовсюду. Розовый бриллиант сверкал, переливался и разбрызгивал разноцветные искры.

– Великолепное, уникальное, неповторимое украшение! А теперь, дамы и господа... Я дарю его лучшей женщине на свете!

Граф подошел к своей жене и, встав на одно колено, протянул ей ожерелье со сверкающим бриллиантом. Кто-то из гостей крикнул «Браво!», и зал бешено зааплодировал, пока графиня Вермандуа, надев ожерелье, пыталась застегнуть его. Поднявшись с колен, граф пришел ей на помощь. Со всех сторон летели возгласы:

– Великолепно!

– Изумительно!

– Восхитительно!

– Вот что значит любящий муж! Ах, такие в наше время встречаются все реже!

Последние слова произнесла огромная рябая бабища в черном платье, которое призвано было сделать ее стройнее, но на самом деле наводило на мысли об артиллерийской пушке, прикрытой чехлом. Мадам громко вздохнула, обмахиваясь веером, и послала щуплому светловолосому юноше в ковбойских штанах томный элегический взгляд.

– Это и есть тот камушек? – спросил Билли у Амалии. Баронесса Корф утвердительно кивнула, а юноша проворчал: – Н-да, нелегко будет до него добраться.

– У нас нет другого выхода, – вполголоса ответила Амалия. – Камень принадлежит императору и должен снова оказаться у императора. Вот и все.

– Надо было сразу же взорвать сейф, – деловито сказал Билли. – А теперь придется повозиться.

– Билли! – тихо, но очень внятно произнесла Амалия, призывая своего друга к порядку. – Мы не можем поднимать шум. Граф знает, кто я, и знает, кто меня послал. Поэтому мы будем действовать, как

договорились.

– Понял, – вздохнул Билли и поправил ручку настоящего револьвера, который висел у него на поясе. – И все-таки надо было начать с сейфа.

Граф Вермандуа пожимал руки гостям и принимал поздравления. Его жена Элен сияла. В конце концов, она вложила в перестройку замка достаточно, чтобы заслужить столь щедрый подарок.

– Вы представляете, дорогая, – говорила она гостье, одетой по моде XVIII века, – после того как Луи купил этот бриллиант, его ни на минуту не оставляли в покое! Приехали, представьте себе, даже от самого российского императора...

– Ах, как интересно!

– Ну да, император Александр собирался подарить камень своей жене. И тут – представьте, милая, какой конфуз! – его опередили... Само собой, он был очень недоволен! – Графиня Вермандуа взглядом, как иголкой, кольнула Амалию.

На баронессе Корф сейчас было полосатое платье с бантиками вдоль линии плеч, скопированное с какой-то картины Венето. И вообще гостья была слишком хороша собой, чтобы мысль о превосходстве над нею хоть в чем-то, хотя бы в обладании розовым бриллиантом, не доставила графине удовольствия.

Но вот граф кашлянул и подал знак. Оркестранты на эстраде зашевелились, и по залам замка потекла волшебная музыка. Море масок заколыхалось – начались танцы. Билли сделал шаг по направлению к хозяйке дома, но тут для него преградила зачехленная пушка.

– Пригласите даму? – широко улыбнувшись, предложила она.

Билли побледнел и сглотнул, но, прежде чем он успел сделать хоть движение, пушка подхватила его и поволокла за собой. Амалия неодобрительно покачала головой и отошла в угол, туда, где стояла статуя, изображавшая печальную полуодетую женщину, державшую в руке виноградную гроздь. Возле баронессы остановился господин в черной полумаске, одетый разбойником.

– Разрешите, сударыня... Только один танец!

Амалия ответила отказом, и разбойник, ничуть не удивившись, проследовал дальше. Он бросил подозрительный взгляд на графа, на графиню, которая танцевала с каким-то представительным брюнетом, и юркнул в небольшую нишу. Там инспектор Гиварш снял маску и перевел дух. Ему было жарко, и вдобавок он только что понял, что терпеть не может маскарады, кем бы они ни затевались. Что же до музыки, то она вызывала у инспектора адскую головную боль.

Амалию пригласили еще три или четыре раза, но она явно не желала танцевать. Кавалер графини, судя по всему, чувствовал себя в ударе, но неожиданно он налетел на какого-то мага в голубом хитоне, расшитом звездами, и с ватной бородой. Брюнет извинился, маг поклонился графине и отошел. К Амалии подошел хозяин дома.

– Право же, госпожа баронесса, я могу подумать, что вы сердитесь на меня... Может быть, тур вальса?

Амалии не слишком хотелось танцевать, но она все еще надеялась, что ей удастся переубедить графа, а следовательно, необходимо было сохранить с ним добрые отношения. Поэтому она безропотно позволила увлечь себя в круг. Кстати, в своих мемуарах она позже напишет, что граф Вермандуа обхватил ее талию так, словно она была стволом дерева.

– Мне очень жаль, что мы так и не сумели договориться, – сказал граф, когда все обычные темы (например, о прекрасной погоде и необходимости тесной дружбы между двумя государствами) были исчерпаны.

– Мне тоже, – вполне искренне ответила Амалия.

Граф прищурился.

– Вы превосходно танцуете, госпожа баронесса... Кстати, кто тот молодой человек, который приехал с вами?

– А, он знаменитый американский бандит, – равнодушно отозвалась Амалия. – Правда, сейчас юноша исправился и больше ничего такого себе не позволяет. Он лечился в санатории от чахотки, и, к счастью, доктора сумели поставить его на ноги.

Граф вытаращил глаза.

– Правда? О, весьма оригинально!

Он расхохотался. Амалия искоса взглянула на него.

– Зря я вам это сказала, – заметила она.

– Но ведь на самом деле он никакой не бандит, так? – допытывался граф.

– Конечно, нет, – еще равнодушнее ответила Амалия. – Он просто мой друг, и я люблю его, как брата. А то, что он американец... Ах, пустяки!

Танец кончился. Билли подлетел к Амалии и стал что-то горячо говорить ей по-английски. Он

оглянулся через плечо, увидел рябую толстую, с шипением втянул в себя воздух и затарахтел в два раза чаще.

– Что он говорит? – поинтересовался граф Вермандуа.

– Кажется, он не любит вальс, – лаконично ответила Амалия.

– Да я застрелюсь, если мне еще раз придется с ней танцевать! – вскинулся Билли. – Ни за что!

– Не волнуйся, сейчас ты будешь танцевать со мной. – Амалия многозначительно сжала ему локоть.

– А, ну тогда... – сразу же успокоился Билли.

И вот тут-то все и произошло.

В центре зала, где стояла графиня Вермандуа, послышался приглушенный крик, а спустя мгновение на том месте уже закрутился людской водоворот.

– Пропало, пропало! – кричала графиня. – Пропало! Мое ожерелье! Розовый бриллиант королевы Клод! О, боже мой!

Она трагически заломила руки и повалилась в обморок.

Осознав, что именно произошло, Амалия и Билли побледнели и уставились друг на друга.

– Бородач! – вырвалось у Амалии. – В маске!

Она бросилась к графу, который хлопотал вокруг своей жены, и стала трясти его.

– Кто это был? Кто с ней танцевал? Отвечайте!

– Что за вздор! – закричал граф. – Это был... ну, да, конечно... Заместитель директора Французского банка!

– Да вот же он! – завопил Билли, указывая на бородача, который испуганно жался в углу. И выхватил револьвер.

Инспектор Гиварш, чуя, что его время настало, сделал попытку вмешаться. Попытка привела к тому, что он отлетел к стене, а в следующее мгновение Билли уже держал важного чиновника за воротник. Тот в панике что-то лепетал, но тут вихрем подлетела Амалия.

– Оставь его, это знакомый хозяев. Он не тот, кто нам нужен! Отпусти его!

Билли разжал руку, и заместитель директора повалился на пол. Амалия быстро оглядела толпу гостей.

– Ну конечно! – вырвалось у нее. – Маг! Где маг?

– Какой маг? – в ужасе спросил дворецкий.

– Маг, который налетел на графиню и ее кавалера! Они танцевали, и он их остановил! Где тот человек?

Но мага с ватной бородой нигде не было видно.

– Скорей! – крикнула Амалия. – Он наверняка сбежал!

И она бросилась к выходу из зала, а Билли, опомнившись, ринулся вслед за ней. Графиня Вермандуа на мгновение приоткрыла глаза, слабо застонала и вновь потеряла сознание.

На лестнице Амалия едва не налетела на лакея, который нес поднос с бокалами. Не видел ли он кого-нибудь? Господина с бородой в маскарадном костюме мага, таком красивом, расшитом звездами...

– С бородой не видел, а без бороды был один, – признался лакей.

– Куда он шел?

Инспектор Гиварш выскочил из зала вслед за Амалией и ее спутником, но запутался в огромном коридоре и ошибся дверью. Зато, сунувшись в скудно освещенный небольшой чуланчик, он внезапно увидел на полу предмет, похожий на мочало. Не веря своим глазам, Гиварш подобрал его. Накладная борода! Возле нее Гиварш увидел и скромный колпак мага, украшенный звездами.

Амалия с Билли выбежали из замка и огляделись. Солнце клонилось к закату, но вечер еще не вступил в свои права, и было еще достаточно светло. Ветерок шевелил листву деревьев, в пруду переговаривались лягушки, и звуки, которые они издавали, походили скорее на кряхтенье, чем на кваканье. Однако, если не считать лягушек, вокруг не было ни единой живой души.

– Черт бы побрал их бал-маскарад! – со злостью выпалила Амалия и топнула ногой.

Билли опустил руку с револьвером.

– Эмили... Смотри!

Амалия поглядела на кусты сирени – и оторопела. На ветке висело ожерелье – то самое, в которое граф Вермандуа велел вставить драгоценный подарок для своей жены. В следующее мгновение ветка затрещала так, что чуть не отломилась, – Билли что есть силы дернул к себе ожерелье. Но, разглядев его, юноша разочарованно присвистнул.

– Камня нет? – догадалась Амалия.

Билли покачал головой.

– Нет... – Он повернулся и поглядел на газон. – Смотри, тут трава примята!

– Быстрее, – крикнула Амалия, – быстрее! Он не мог уйти далеко! Но какой хладнокровный мерзавец... Нацепить маскарадный костюм, затесаться в толпу гостей и на глазах у всех украсть ожерелье. На глазах у всех! Никто ничего не заметил!

Они бежали по влажной траве. Амалия поскользнулась, но Билли с силой, которую никак нельзя было заподозрить при его, казалось бы, хрупком сложении, успел подхватить ее за локоть и молча поставил на ноги. Лягушки в пруду, оставшемся позади, заквакали с удвоенным пылом. Еще немного – и, миновав небольшую рощицу, Амалия и Билли оказались возле реки. На берегу ее сгорбилась одинокая фигура с удочкой.

– Ни с места! – крикнула Амалия.

– И не вздумай удрать! – добавил от себя Билли на неплохом французском, поднимая револьвер.

Фигура распрямилась и, увидев молодую женщину в средневековом платье, а с ней – американского ковбоя, открыла рот.

– Вы кто такой? – требовательно спросила Амалия, подходя ближе.

– Я? – Рыболов озадаченно уставился на нее. – Я – Леон Улье. Вы разве меня не помните? Я живу напротив вашей гостиницы, у папаши Робера.

– И что вы тут делаете? – сердито осведомилась молодая женщина.

– Рыбу ловлю, – отозвался Леон. – А что?

– Ты никого тут не видел? – Теперь к допросу приступил Билли.

– А кого я должен был видеть?

– Последние несколько минут мимо вас никто не проходил? – уточнила Амалия.

Улье на мгновение задумался.

– Не знаю, может быть, косуля какая-нибудь... Тень только какая-то мелькнула, шарахнулась и спряталась. Тут зверья всякого – видимо-невидимо.

– Где мелькнула? – насторожился Билли.

– Вон там... – Леон кивком головы показал на деревья. – А почему вы спрашиваете?

– Все ясно, сбежал, – обратился Билли к Амалии по-английски, на что последовал такой выразительный и энергичный ответ, что рыболов застыл на месте, а Билли заморгал с уважением во взоре.

– Ух ты! – только сказал ковбой. – Это по-каковски, по-русски, что ли?

– Нет, – отозвалась Амалия, переводя дыхание. – В русском таких слов нет.

Ей было ужасно стыдно, но иначе она никак не могла выразить обуревавшие ее чувства.

– Кто-то идет, – вдруг насторожился Билли.

И в самом деле, какая-то плотная фигура пробиралась по дороге, идущей вдоль реки. Ковбой нахмурился.

– Нет, – с сожалением промолвила Амалия, качая головой, – это не он.

– Точно? – спросил Билли с сомнением.

– Да ты сам посмотри, – отозвалась Амалия. – Он раза в два, а то и больше, толще того гостя.

Меж тем фигура приблизилась к ним. Теперь стало ясно, что это мужчина лет пятидесяти, высокий, широкоплечий, крупный, с носом картошкой и великолепными пушистыми усами. Подошедший удивленно оглядел парочку в маскарадных костюмах, нахмурился при виде револьвера в опущенной руке Билли и обратился к Леону:

– Простите, сударь, к замку графа Вермандуа я правильно иду?

– А на что он вам? – не удержался Билли. – Вас что, пригласили на праздник?

– Не совсем, – отозвался незнакомец. – Дело в том, что я комиссар Папийон.

В далеком 1884 году имя Папийона внушало почтение всякому, кто его слышал. Во-первых, потому что Папийон был полицейским, а во-вторых, потому что он был очень хорошим полицейским. Говорили, что Папийон когда-то был учеником самого Видока и что ученик из него получился на загляденье, потому что парижские сыщики не могли нахвалиться на своего коллегу. В любом случае следует признать, что комиссар явился как раз вовремя.

– О, – воскликнула Амалия, – вас-то нам как раз и не хватало!

Комиссар потребовал объяснений. Подоспевший Гиварш, неся вещественные доказательства – бороду нынешнего обладателя бесценного бриллианта и его же дурацкий маскарадный колпак, – прояснил ситуацию. Амалия, в свою очередь, отдала комиссару найденную оправу и рассказала, как та у нее оказалась. Гиварш, глядя на знаменитого сыщика преданным взором, отважился спросить, какие именно меры им следует предпринять, дабы отыскать неизвестного злоумышленника.

– Вызвать подкрепление, окружить замок и прилегающую территорию, никого не впускать и не выпускать, – распорядился Папийон. – Я сам займусь расследованием.

– Можно вопрос? – подала голос Амалия. – Как именно вы оказались здесь, господин комиссар? Должна признаться, ваше появление пришлось как нельзя кстати!

Комиссар Папийон поморщился, словно проглотил дольку лимона.

– Я не смог отказать парижскому префекту, который попросил меня об одолжении, – отрывисто бросил он. – В сущности, до нас дошли всего лишь слухи, а таких слухов в преступном мире рождается огромное количество. Но префект – давний знакомый госпожи графини, и он настойчиво просил меня поприсутствовать на званом вечере в замке.

– Стало быть, вы получили какую-то информацию? Кто-то был заинтересован в том, чтобы бриллиант пропал? – настойчиво продолжала баронесса.

Папийон обернулся и смерил ее цепким взглядом.

– Могу ли я узнать, сударыня, почему этот вопрос так вас волнует?

– Разумеется, – отозвалась Амалия. – Дело в том, что я собиралась выкупить у графа бриллиант. И то, что камень исчез, мне совершенно не нравится.

Комиссар повел своими могучими плечами.

– Сожалею, сударыня, однако в данный момент я ничем не могу вам помочь, – сказал он. – Убедительно прошу вас и вашего спутника никуда не уходить, вы мне еще понадобятся. К вам, сударь, – отнесся он к Леону, который смотрел на него во все глаза, – моя просьба тоже относится.

Затем комиссар удалился в сопровождении Гиварша, на ходу отдавая приказания.

Через несколько минут замок и парк наполнились полицейскими. Папийон дал телеграмму в Париж, и вскоре оттуда прибыли и его помощники, с которыми он обычно работал. Служители закона принялись прочесывать сад и прилегающую территорию, а комиссар приступил к допросу всех, кто мог что-либо видеть или знать. Почти сразу же выяснилось, что мало кто мог порадовать парижского комиссара. Все заметили причудливо одетого мага, но никто не имел понятия, откуда тот взялся и куда, собственно, мог деться.

– То же, что и всегда, – проворчал Папийон. – Чем больше свидетелей, тем меньше толку...

Тем не менее обнаружилось, что одно из окон в первом этаже оказалось открытым, так что, возможно, вор пробрался именно через него, после чего преспокойно нацепил маскарадный костюм, который принес с собой, прошел в главный зал и смешался с гостями. Сделав свое дело, он исчез, причем так ловко, что в окрестностях никто его не видел. По крайней мере, сам Папийон, подходя к замку, не заметил ничего необычного. На всякий случай он послал людей обыскать лес и болото, расположенные с другой стороны замка, а также навести справки в деревне, не появлялись ли там в последнее время незнакомые люди. Сам Папийон тем временем принялся опрашивать гостей графа в надежде на то, что хоть один сумеет предоставить ему необходимую зацепку.

В замке царил уныние, и только некоторые из приглашенных нашли в себе силы отведать кусочек мяса косули а-ля Вермандуа, приготовленного специально для этого торжества. Хозяйка дома, графиня Элен, полулежала в гостиной на софе, утирая уголки глаз вышитым платочком, и бессвязно оплакивала свою потерю. Граф сидел возле нее, гладил супругу по руке и твердил, что все это пустяки.

– Ну разумеется, пустяки! – вскинулась графиня. – Потерять сокровище короны, да еще моего любимого розового цвета! Не знала, что такой бриллиант можно купить каждый день! – Она всхлинула и

продолжала без перехода: – Уверена, тут не обошлось без русской баронессы. Не зря же про нее говорят, что она авантюристка, каких поискать!

Граф смущенно потер кончик носа. По правде говоря, он и сам придерживался такой же точки зрения, но у него не было решительно никаких доказательств. Сам он во время кражи танцевал именно с мадам Корф и уж наверняка заметил бы, если бы она попыталась что-нибудь стащить, а спутник Амалии тем временем отбивался от наскоков мадам Эглон, которая только что овдовела в шестой раз, и вряд ли в такой ситуации он мог думать о чем-либо кроме того, как бы поскорее унести от любвеобильной дамочки ноги.

– Наверняка она все и устроила, – сварливо продолжала графиня. – Ты видал, какое на ней платье? Это же наряд Лукреции Борджа с известного портрета!

– Ну, насколько мне известно, наша гостья пока никого не отравила, – попробовал урезонить супругу граф.

Вошел помощник Папийона и сказал, что патрон очень хотел бы поговорить с бывшим владельцем камня. Граф поцеловал свою жену в лоб, поднялся и последовал за полицейским в просторную комнату на первом этаже, где Папийон устроил свой штаб.

Там граф узнал, что оправа найдена, но бриллиант королевы Клод исчез...

– Месье Улье, удивший у реки... Вам знакомо это имя? – поинтересовался комиссар.

Граф сделал неопределенный жест рукой.

– Да, он платит моему управляющему за право ловить рыбу на наших землях.

– Так вот, месье Улье, кажется, видел какую-то тень, но вовсе ни в чем не уверен. А у месье графа есть какие-нибудь соображения по поводу случившегося?

Граф Вермандуа замялся. Ему казалось неправильным сейчас вот так запросто обвинить, может быть, ни в чем не повинного человека, но он вспомнил страдающие глаза Элен, подумал, что если камень не найдут, то его и без того непростая домашняя жизнь превратится в форменный ад, и решился.

– Вам, наверное, неизвестно, как камень оказался у меня? – Подобно всем плохим дипломатам, граф решил начать издалека.

– Я весь внимание, – сказал Папийон, глядя на него из-под тяжелых, набрякших век.

Граф Вермандуа удобнее устроился в кресле.

– Я приобрел бриллиант королевы Клод у знаменитого скупщика ван Марвийка, – принялся рассказывать он. – Он живет на Ривьере, как вам, может быть, известно. (Комиссар сделал рукой жест, показывающий, что ему известно не только это, но и многое другое.) По правде говоря, я не придавал значения тому, как именно камень попал к ван Марвийку. Оказалось, что... – Граф замялся. – Словом, бриллиант попал к скупщику от одного молодого человека, который принес его в качестве залога. Молодой человек... русский... не имел права закладывать камень, потому что купил его по поручению одного очень высокого лица и на деньги того самого лица. Но молодой человек оказался в Монако, его потянуло играть, и он... совершил непростительную ошибку. А проигравшись, заложил камень, чтобы отыграться.

– И, конечно, ни к чему хорошему его попытка не привела, – кивнул Папийон, со скукой глядя в окно. – Деньги он проиграл, камень выкупить не смог, а когда наконец все-таки сумел набрать необходимую сумму, выяснилось, что камень уже продан. Вам, – зачем-то уточнил Папийон.

– Я не мог упустить такой случай! – воскликнул граф, как бы оправдываясь, словно комиссар обвинял его в чем-то.

– В данном случае это совершенно неважно, – отрезал Папийон. – Высокое лицо, о котором вы говорили, – российский император?

– Ну... да.

– И через некоторое время к вам приехала дама, посланная тем самым высоким лицом, с просьбой уступить ей бриллиант, – безжалостно подытожил комиссар. – Но вы отказались, хотя вам были предложены очень большие деньги – больше, чем вы заплатили ван Марвийку. – Обо всех подробностях дела комиссар уже знал из допроса управляющего, но считал, что не стоит мешать графу выговориться.

– Деньги тут ни при чем, – сердито взмахнул рукой граф. – Розовый бриллиант королевы Клод бесценен, он принадлежал к числу сокровищ французской короны, и я...

– Значит, вы считаете, что украла бриллиант баронесса Корф? – спросил Папийон, которому надоели все его экзотики.

– Я так не говорил! – немедленно пошел на попятную граф. А про себя подумал: «Что за отвратительная манера у полицейских идти напролом и называть вещи своими именами, словно речь идет о краже кошелька на вокзале Сен-Лазар, а не о неслыханном инциденте в благородном обществе!»

– Но вы полагаете, что она к краже причастна? – неумолимо гнул свою линию комиссар.

Граф заерзал на месте.

– Я бы не сказал, что подобное невозможно, – промямлил он наконец. – И еще ее... спутник. Очень, очень подозрительная личность! Не забывайте, что она больше всех была заинтересована в том, чтобы бриллиант оказался у нее.

– Вы так думаете? – сощурился Папийон. И велел помощнику вызвать для допроса баронессу Корф.

Она явилась в сопровождении своего «подозрительного» спутника, который, похоже, не отходил от нее ни на шаг. Пока комиссар вел дознание, Амалия тоже не теряла времени даром, поправила прическу, подрумянила щеки, надушилась и, судя по всему, успела основательно подкрепиться. Сейчас она в правой руке держала вазочку с мороженым.

Папийон попросил молодую женщину представиться и спросил, что она делает в замке графа Вермандуа.

– Господин граф сам пригласил меня, – отозвалась Амалия.

Она не стала отрицать, что русский царь послал ее сюда с поручением выкупить у графа бриллиант. Что же до ее спутника (который, как выяснилось, носил имя Уильям Генри Мэллоуэн), то он сопровождал ее в качестве телохранителя, потому что баронесса имела при себе значительную сумму и в ее планы вовсе не входило, чтобы с деньгами или с ней что-то случилось.

– Так-так... – задумчиво произнес Папийон, глядя на баронессу с непроницаемым выражением лица. – И где же ваши деньги теперь?

– В парижском банке.

– Понятно, – вздохнул комиссар. – Кстати, вам знакомо имя Валевского?

– Знакомо, конечно, – ответила Амалия. – Это сын Наполеона, сенатор, если не ошибаюсь.

Папийон покосился на графа Вермандуа, который слушал их разговор с нарастающим недоумением.

– Собственно говоря, я имел в виду другого Валевского, знаменитого вора, – пояснил комиссар.

Амалия озадаченно посмотрела на него.

– Позвольте, так что, именно он украл бриллиант? Но это невозможно! Тот Валевский, о котором вы говорите, должен сидеть в Варшавской цитадели!

– Сбежал, – горько ответил комиссар. – Да, сбежал, причем уже давно. Молодчик изо всех тюрем сбегаёт! По нашим сведениям, он находился в Париже и неосторожно похвастался одному своему соотечественнику, что раздобудет розовый бриллиант из короны королевы Клод. Конечно, я предупредил местную полицию, – он покосился на бледного Гиварша, стоявшего у дверей, – но префект настоял, чтобы я сам занялся делом. Значит, с Валевским вы незнакомы?

– Не имею чести, – отозвалась Амалия с жалиющей иронией. – Видите ли, мы с ним встречаемся в разных кругах.

– Возможно, – отозвался комиссар, изучая Билли, который замер возле кресла Амалии с самым невозмутимым видом. – Хотя по приметам им вполне может оказаться и ваш спутник. – Папийон взял со стола какую-то бумажку и начал читать вслух: – Невысокого роста, волосы светлые, черты лица обыкновенные, возраст – на вид от двадцати двух до двадцати семи лет...

Билли шевельнулся и сказал что-то Амалии по-английски.

– Что такое? – спросил Папийон.

– Он говорит, – перевела Амалия с улыбкой, – что под описание идеально подходит инспектор Гиварш.

Тот, о котором они говорили, возмущенно заморгал глазами и многозначительно кашлянул. Папийон недовольно обернулся к нему.

– В чем дело, месье Гиварш?

– Мы нашли маскарадный костюм того парня, – доложил Гиварш, волнуясь, отчего у него даже зазвенел голос. – Он был в пруду. И я вовсе никакой не Валевский, что бы там обо мне ни говорили! Я два года работаю в полиции, и...

– Хорошо, хорошо, успокойтесь, – усмехнулся Папийон, – по правде сказать, вас, Гиварш, никто и не подозревает. А что до костюма, то несите его сюда. Может быть, по одеянию нашего мага мы что-нибудь пойдем.

– Мы можем идти? – спросила Амалия.

– Вы хотите покинуть замок? – с необычайной вежливостью осведомился комиссар Папийон.

– Да. И вернуться в гостиницу, если вы не против, – сказала Амалия.

– Разумеется, нет, – отозвался Папийон. – Но, раз уж вы не брали бриллиант, надеюсь, вы не станете возражать, если мои люди обыщут вас? На всякий случай, потому что у графа есть... как бы выразиться поточнее... определенные подозрения...

Граф Вермандуа во время речи комиссара тяжело задыхался и покрывался пятнами, но полицейский и ухом не повел.

Баронесса Корф вздохнула.

– Если я стану возражать, вы же все равно настаите на своем, верно?

– Вы чрезвычайно сообразительны, – подтвердил Папийон. – Итак?

– Я уважаю полицию, – спокойно произнесла баронесса Корф, ставя мороженое на стол возле комиссара. – И мне бы не хотелось, чтобы у графа остались от знакомства со мной неприятные воспоминания.

– Тогда пройдите, пожалуйста, в эту комнату, а вы, мистер Мэллоуэн, – вон в ту, – распорядился Папийон. – Надеюсь, вы не будете на меня в претензии. Я лишь исполняю свой долг.

– О, что вы, господин комиссар! Какие претензии!

Через несколько минут Амалия вернулась, поправила перед зеркалом прическу, пресекла все попытки красного, как рак, графа Вермандуа извиниться и забрала свое мороженое. Комиссар вручил ей пропуск на выход с территории графских земель, и Амалия удалилась в сопровождении Билли, который все же позволил пробурчать себе под нос несколько нелестных выражений по адресу европейских шерифов.

– Хватит ворчать, – одернула его Амалия, когда они спускались по лестнице, – мне надо обдумать кое-что.

– Все, молчу, – отозвался Билли и действительно замолчал.

Они вышли из замка. От реки поднимался туман, и фигура Леона Улье, который по-прежнему сидел с удочкой на берегу, почти тонула в нем. Неподалеку от рыболова топтался бдительный полицейский, которого поставили здесь следить за тем, чтобы никто не ушел.

Амалия оглянулась на пруд, на кусты сирени, на которых они нашли оправу от ожерелья, и улыбнулась.

– Умно, – сказала она скорее себе самой, чем Билли. – Очень умно.

Баронесса показала полицейскому пропуск, который ей дал комиссар, и вместе с Билли беспрепятственно покинула владения графа Вермандуа. Мороженое в вазочке совсем растаяло. Убедившись, что они отошли достаточно далеко от замка и никто их не видит, Амалия сунула пальцы в вазочку и извлекла оттуда сверкающий розовый камень.

– План номер два провалился, – сказал Билли, на которого происходящее на его глазах бесчинство и попрание всех законов права собственности не произвело ровным счетом никакого впечатления.

– Я знаю, – согласилась Амалия, пряча камень в карман. – Но всегда остается в запасе план номер три.

– Но послушайте! – Голос Леона Улье звучал сердито. – Честное слово, здесь какое-то недоразумение!

– А я так не считаю, – хладнокровно отозвался комиссар Папийон. – Вы по приметам похожи на человека, которого мы ищем. Вор явно неплохо ориентировался в замке, а вы, как мы установили, несколько раз побывали в нем, когда приносили управляющему плату за право удить рыбу. Костюм, который мы нашли, по размеру вполне вам подходит. Кроме того, вы удивительно ловко сумели подружиться с инспектором Гиваршем, который выболтал вам все, что знал о камне, о торжестве в замке и...

– И не только это, – фыркнул Леон. – Он еще сказал мне, что находится поблизости, так как ожидает, что бриллиант могут украсть. Ну и на что, по-вашему, это похоже? Допустим, я вор, и я знаю, что меня ждут на месте преступления, так неужели я все равно пойду на дело? Да для подобного надо быть сумасшедшим!

– Валевский вовсе не сумасшедший, – возразил Папийон, – а, напротив, очень дерзкий и сообразительный мальчик. Что, если он все рассчитал? Он ведь отлично знал, что в запасе у него всего несколько минут до того, как пропажу обнаружат. Он украл ожерелье, бросился к выходу из замка, на ходу снимая бороду и маскарадную одежду, быстро вытащил камень из оправы, от которой избавился, потому что она могла его выдать: она слишком массивная, а камень спрятать гораздо легче. Но он понимал, что далеко не уйдет, потому что некоторые из гостей сразу же бросятся в погоню. И тогда господин Валевский, – произнося последние слова, инспектор смотрел прямо в глаза Леону, – возвращается на прежнее место и вновь превращается в прилежного рыболова. Bravo, сударь! Вы смогли одурачить баронессу Корф и ее спутника, но меня вам одурачить не удастся.

– Ваши умозаключения впечатляют, – отозвался Леон с раздражением, – но меня зовут не Валевский, а Леон Улье, я пишу статьи для газет, и мои бумаги в полном порядке. Я живу в Париже, я не вор, а честный рыболов, и я понятия не имею, куда этот болван граф мог деть свой бриллиант. Может, он сговорился с женой, чтобы получить деньги от страховой компании за пропажу камня? И вообще с меня хватит, я хочу вернуться к себе в гостиницу. Мне надоело сидеть тут на берегу. Ваши коллеги распугали всю рыбу!

– Хорошо. – Папийон вздохнул и кивнул помощникам. – Общайте его, ребята, да хорошенько.

– Ради бога, – презрительно буркнул Леон. – Только не взыщите, если я напишу потом для газеты заметку о полицейском самоуправстве!

– Валийте, – равнодушно отозвался комиссар, которому за всю его жизнь пришлось услышать столько угроз, что возможное упоминание имени в негативном аспекте в прессе совсем не произвело никакого впечатления. – И не забудьте: фамилия Папийон пишется, как «бабочка»^[1]. В точности так.

И помощники Папийона принялись за дело. Они осмотрели, обыскали, обшарили Улье с ног до головы, залезли в каждый кармашек, заставили его снять обувь и простучали даже каблуки в поисках возможного тайника. Затем полицейские перерыли ведро рыболова, ощупали пойманную рыбу и проинспектировали даже коробки с червями. Тщетно: бриллианта королевы Клод нигде не было.

– Я могу идти? – угрюмо спросил Леон, которого унижительный досмотр привел (что вполне естественно) в самое скверное расположение духа.

Комиссар, не отвечая, оглядывал берег.

– И все-таки чудес не бывает, – пробормотал он себе под нос. – Марсель! Если бы у тебя был бриллиант величиной с орех, куда бы ты его дел?

– Не знаю, – честно ответил Марсель, парень, у которого каждый кулак был величиной с детскую голову. – Но я бы такой камушек точно не стал отпускать далеко от себя.

– Верно, – согласился Папийон. Взгляд его упал на удочку Улье, прислоненную к большому камню. Поплавок удочки болтался где-то под водой, и его не было видно. – Марсель, дай-ка мне удочку...

– Зачем? – нервно спросил Леон.

– Вы же сами сказали, что мои коллеги распугали вам всю рыбу, – пояснил комиссар. – Все равно вы собрались уходить и удочку надо будет вытаскивать... Ну что там, Марсель?

– Зацепилась за что-то, патрон! – прокричал Марсель, сражаясь с удочкой. – Сейчас!

Леон помрачнел и отвернулся.

– В самом деле, как просто, – задумчиво заметил комиссар Папийон, закуривая папиросу. – Парня мы обыскали, его вещи обыскали, а ведь никто бы так и не догадался посмотреть, что находится на другом конце удочки, который не видно в воде.

– Вам бы романы писать... – со злостью выпалил Улье.

Он стоял нахохлившись, и в профиль было заметно, как он сердито оттопырил нижнюю губу. В то

мгновение репортер более всего был похож на обиженного школьника. Папийон посмотрел на него и улыбнулся в усы.

– Готово, комиссар! – крикнул Марсель.

– Ну и рыба... – проворчал второй помощник.

Потому что на другом конце удочки болтался не розовый бриллиант королевы Клод, о нет! Там был лишь грязный, мокрый, старый башмак, покрытый тиной. Марсель не без труда отцепил его от крючка и на всякий случай тщательно исследовал. Папийон поглядел на лицо Леона и отвел глаза.

– Ну что? – спросил комиссар.

– Ничего, патрон! – ответил Марсель. – Башмак, и больше ничего!

Папийон вздохнул, вытащил изо рта папиросу, скомкал ее и швырнул себе под ноги.

– Ладно, – вздохнул полицейский устало. – Пошли отсюда, ребята... Вы свободны, месье.

– Я могу идти? – пробормотал Леон.

– Да.

И, не сказав более ни слова, даже не извинившись, комиссар Папийон повернулся к нему спиной и зашагал прочь в сопровождении своих помощников.

Маленький поезд, пыхтя и пуская клубы дыма, подкатил к вокзалу, сипло засвистел и остановился. Амалия подняла голову от книги, которую читала, и поглядела на вокзальные часы.

– Это другой поезд, – бросила она Билли, который сидел возле нее и от нечего делать играл жилетной цепочкой. – Наш будет через двадцать минут.

Билли кивнул и поднялся с места.

– Тогда я загляну в буфет, – сообщил он.

– Только холодного не пей! – крикнула Амалия ему вслед. – Тебе вредно!

Она поймала себя на мысли, что разговаривает с молодым человеком, точь-в-точь как ее мать, прекрасная полячка Аделаида Станиславовна, которая всегда знала, что именно и как именно следует делать. «Амели, не сиди на солнце – загар к лицу только крестьянкам!» – «Не смейся так громко, в хорошем обществе не принято хохотать!» – «Не спорь со старшими, потому что это совершенно бесполезно!»

Чья-то тень легла на книгу, которую читала Амалия. Она подняла глаза – и увидела молодого человека, чьи светлые волосы торчали дыбом, как иголки ежа. Оттопырив нижнюю губу, он с любопытством разглядывал Амалию.

– Добрый день, сударыня, – сказал Леон Улье.

После чего без приглашения уселся на место, которое за минуту до того занимал Билли Мэллоуэн.

– Много рыбы наловили? – осведомилась Амалия, и даже человек, плохо знающий людей, смог бы ловить в ее фразе едкий сарказм.

Леон Улье вздохнул.

– Сдаюсь, – без обиняков заявил он.

– Простите? – Амалия подняла тонкие брови.

– Поначалу я решил, что меня объегорил кто-то из сыщиков, – доверительно сообщил Улье, не сводя с Амалии пристального взора. – Но потом понял, что им такое не под силу. Даже Папийону, а он далеко не дурак. Ведь комиссар догадался, куда я спрятал бриллиант.

– И куда же? – равнодушно спросила Амалия.

– Будто вы не знаете, – отозвался Леон Улье, он же знаменитый вор Валевский. – Кстати, я видел вашего сообщника. У него до сих пор волосы мокрые. Туман здорово ему помог, да?

– Не понимаю, о чем вы. – Тон Амалии становился все холоднее с каждой новой репликой.

– О том, что вы догадались, где находится бриллиант, – отрезал Валевский. – И послали своего... друга отцепить его и заменить дурацким дырявым башмаком. Но вы сделали одну ошибку, госпожа баронесса. Зря вы думали, что я не догадаюсь, чьих это рук дело.

– Да?

– Именно так. Теперь стоит мне шепнуть слово комиссару Папийону... одно только слово... и вы окажетесь в тюрьме. Во Франции, если вы не в курсе, очень суровые законы по отношению к тем, кто любит чужую собственность.

– Вы меня испугали, – сказала Амалия, однако в голосе ее не было даже намека на испуг. – Но, как истинный рыцарь, господин Валевский, вы, конечно, уже придумали, как избавить даму от неприятного испытания.

– Придумал, – необычайно легко согласился Валевский. – Продаем камень, а деньги пополам. Как вам такой расклад?

Амалия откинулась на спинку вокзального дивана.

– Боюсь, он меня не устроит, – после крошечной паузы ответила она. – Я обещала одному человеку сделать все, что в моих силах, чтобы выволить камень, и от слова своего отступить не намерена.

– А, – презрительно уронил Валевский. – Вы имеете в виду этого вашего царя?

– И вашего тоже, милостивый государь, – тихо напомнила баронесса.

– Нет, – отрезал Валевский. – Возможно, вам и льстит видение империи, которая раскинулась от Гельсингфорса^[2] и Варшавы до Владивостока, но мне – нет. Я патриот только своей страны и им останусь.

– Да, я помню то ваше ограбление на Варшавско-Венской дороге, – ласково ответила Амалия, и глаза ее замерцали. – Прекрасное проявление патриотизма, не правда ли?

До той поры Валевский даже не подозревал, что может возненавидеть женщину, но после ее слов он возненавидел Амалию так, как никого в своей жизни. Знаменитый вор стиснул челюсти, и желваки ходуном заходили по его скулам.

– Я полагал, что нам с вами удастся договориться, – придушенным от ярости голосом проговорил он. – Но, очевидно, я все же ошибался. – Молодой человек рывком поднялся с места.

– Вы еще можете пожаловаться на меня в полицию, – любезно подсказала Амалия. – Кого я вижу, однако! Вот и комиссар Папийон.

Валевский оглянулся и увидел, как Папийон в сопровождении Гиварша и двух своих помощников входит в зал ожидания первого класса. Ничуть не смущаясь, Амалия поднялась с места и помахала комиссару рукой.

– Ах, месье Папийон! Господин Валевский хочет вам что-то сказать!

– Я не Валевский, – возразил вор. – Я Леон Улье.

Он сделал движение ко второму выходу, но тут у него на пути вырос неведомо откуда взявшийся Билли, державший руку за отворотом сюртука, и Валевский благоразумно решил не искушать судьбу.

– Его разыскивают в России за железнодорожное ограбление, – говорила меж тем Амалия комиссару. – Арестуйте его. Наверняка бриллиант королевы Клод похитил тоже он.

– О да, конечно! – иронически отозвался Валевский. – Не слушайте ее, господин комиссар! Бриллиант у нее, она его украла!

Амалия неодобрительно подняла брови и покачала головой. Марсель быстро ощупал своими лапищами одежду Валевского – и извлек у него из кармана сверкающий розовый камень.

– Вот он, комиссар! – пробормотал Марсель, не веря своим глазам. – Вы были правы! Конечно же, парень его и сты...

В следующее мгновение Валевский рванулся что было сил и сделал попытку сбежать через окно, но успел сделать всего несколько шагов – его настиг пылавший жаждой мщения Гиварш. Инспектор повалил вора на пол и, возмущенно сопя, замкнул на его запястьях громоздкие наручники. Валевский выкрикнул несколько слов, обмяк и стих.

– Что он говорит? – любопытствовал Билли, подходя к Амалии.

– Так, – беспечно улыбнулась та. – Не обращай внимания.

– Мне кажется, я где-то уже слышал эти слова, – заметил Билли. – Причем совсем недавно.

– Наш поезд подходит, – сказала Амалия. – До свидания, господин комиссар.

Баронесса кивнула Папийону, забрала сборник рассказов Мопассана, который читала, и, взяв под руку Билли, мимо полицейских проследовала к выходу. Валевский с тоской глядел ей вслед.

– Это было очень рискованно, – укоризненно промолвил генерал Багратионов.

– О, ничуть, – отмахнулась баронесса Корф. – Просто с самого начала я предполагала, что граф Вермандуа может не согласиться продать мне камень. Конечно, я изложила ему все доводы, рассказала о том, как ван Марвийк обманул нашего Пирогова...

– Прошу вас, не защищайте Пирогова, – поморщился генерал. – Слов нет, как агент он попросту незаменим, но его пагубная страсть к игре уже не первый раз приводит к таким вот казусам. Казалось бы, чего проще: выкупить розовый бриллиант у вдовы виконта Лякомб, с которой уже все было оговорено, и привезти камень в Россию. Но нет, потянуло его в Монако... А что было дальше, вы знаете не хуже меня.

– Да, – сказала Амалия, – и я прекрасно представляла себе, какую ценность имеет розовый бриллиант. Поэтому с самого начала озаботилась насчет второго плана.

– И что же у вас за план был? – проворчал генерал.

– Украсть камень, – призналась Амалия. – Точнее, не просто украсть, а подменить его. Подмена наверняка обнаружилась бы не сразу, а мы потом успели бы свалить все на ван Марвийка. Мол, он продал нам настоящий камень, а графа бессовестно обманул. Ведь вы же и сами сказали, что скупщика хорошо было бы проучить как следует.

– Ну, допустим, – сказал Багратионов. – Значит, вы готовы были осуществить запасной план, когда...

– Когда маг в хитоне разрушил все мои планы. – Амалия рассмеялась. – Вы же знаете, ваше высокопревосходительство, что я очень не люблю, когда мне перебегают дорогу. Вдобавок фальшивый камень все еще был при мне, а комиссар Папийон – человек серьезный. Пришлось мне спрятать фальшивый бриллиант в мороженое, там его никто не догадался искать.

– А потом вы услышали о Валевском и поняли, кто вам нужен? Но как вы догадались, что Леон Улье – не тот человек, за которого себя выдает?

– Интуиция.

– Интуиция? – поразился генерал.

– Просто лжерепортер понял несколько слов, которые я произнесла при нем по-польски, – объяснила Амалия. – То есть, конечно, парень и виду не подал, но я по его глазам догадалась, что он понял. Тогда я не обратила на это внимания, но потом...

– И вы догадались, что он подцепил бриллиант на удочку и опустил ее в воду? Но как?

– Все та же интуиция, – отозвалась Амалия. – Как и в случае с моим мороженым: предмет находится у всех на виду, но там, где никому не придет в голову его искать.

– И тогда вы послали своего помощника...

– Да.

– Гм! – Генерал прошелся по кабинету и покосился на портрет царя Александра III, висевший на стене. – Насколько я помню, вы не очень любите действовать вместе с кем-то еще.

– О, ваше высокопревосходительство, можете быть совершенно спокойны, – ответила баронесса. – Этот мой помощник – очень надежный человек.

– Пусть так, – с сомнением в голосе ответил Багратионов. – Кстати, совсем недавно граф выяснил, что камень, который ему вернул Папийон, поддельный.

– Значит, Валевский его обманул, – равнодушно отозвалась Амалия. – Или, как я уже говорила, ван Марвийк продал графу подделку, а настоящий камень – кому-то еще. Или граф сам совершил подмену, потому что, насколько мне известно, бриллиант королевы Клод застрахован на большую сумму. Впрочем, я надеюсь, комиссар Папийон во всем разберется. Не зря же у него репутация лучшего полицейского Франции.

– Ну сам я знаю кое-кого, кто ничуть не уступает месье Папийону, – возразил генерал с улыбкой. – Хоть и работает тот человек не в полиции, а числится совершенно по другому ведомству.

Баронесса Корф улыбнулась.

– Все мы в какой-то миг оказываемся лучшими, генерал, – сказала она. – Главное, чтобы этот миг никогда не кончался... Кажется, вы хотели поговорить со мной о следующем деле?

И они, понизив голоса, заговорили о следующем деле – очень срочном, очень важном и, как водится, очень секретном. Но в нем уже не было ни бриллиантов, ни французских королей, ни ловких обманщиков, а была только скучная, рутинная и совершенно необходимая работа. А за окнами, окутанный белыми сумерками, шумел и грохотал имперский Петербург, как мираж, как сказка, как сон, который никогда не

повторится.

Дарья Донцова Балерина в бахилах

Как прекрасно солнечное лето, понимаешь в промозглом декабре.

Наступив в лужу, я обзлилась до крайности. Ну что это за погода такая? Через пару дней Новый год, а термометр показывает ноль градусов, с неба сыплется мелкий дождь, на асфальте потоки воды. Ну где хороший московский снегопад? Где ярко-голубое зимнее небо? Где «мороз и солнце, день чудесный»? И когда наконец я куплю себе зимние сапоги на меху? Почему Виола Тараканова носит в декабре в кроссовках? Только не подумайте, что у меня нет денег на приличную обувь: я прилично зарабатываю и трачу гонорары исключительно на себя. Вот недавно купила симпатичную малолитражку ярко-красного цвета. Далеко не всем нравится такой колер, а психологи утверждают, что человек, раскатывающий на автомобиле, похожем на пожарную машину, агрессивный и истеричный. Но это неправда! Я никогда не начинаю первая скандалить и ярко-алую тачку приобрела только по одной причине: она стояла в салоне, на ней можно было уехать сразу, а голубую, синюю, черную пришлось бы ждать три месяца. И потом, красный цвет антиаварийный!

Я пошла подальше, пытаюсь обходить лужи. Спросите у любого автовладельца, есть ли у него зимние ботинки, меховая шапка и длинное пальто на теплой подкладке, — уверена, большинство ответит: нет. Ушанка водителю ни к чему, в особенности если вы разорились на иномарку с климат-контролем, в шубе очень неудобно крутить рулем, а сапоги на толстой подметке мешают нажимать на педали. В толпе посетителей супермаркета или какого-нибудь учреждения зимой вы легко вычислите обладателя автомобиля. Среди людей, упакованных в теплые тужурки и замотанных в шарфы, водитель выделится коротенькой курточкой и почти летней обувью, и он будет синим от холода. Чтобы попасть в магазин, надо вылезти из теплого салона и отправиться в пешее путешествие. Я, например, совершенно не приспособлена для прогулок в дождливом декабре. И кому пришла в голову идея устроить парковку в полукилометре от здания клиники? Ясно же, что к больным пойдут родственники с туго набитыми сумками. Конечно, нынче у нас страховая медицина, но кормят тех, кто лежит в палатах, по-прежнему отвратительно.

Я сделала глубокий вздох. Спокойно, Вилка, не злись, никто не виноват, что ты влезла в лужу и промочила ноги, еще пара метров — и ты очутишься под крышей. Я сцепила зубы, бегом преодолела пространство, отделяющее меня от спасительного корпуса, вошла внутрь и натолкнулась на секьюрити.

— Наденьте бахилы, — велел он.

— Сколько? — спросила я, вытаскивая кошелек.

— Я не продаю тапки, — мрачно ответил парень.

— И где их взять? — пытаюсь подавить закипающее раздражение, поинтересовалась я.

— У ворот, — раздалось в ответ.

— Где? — ужаснулась я.

— На центральном входе, — уточнил охранник.

— Нужно идти назад почти километр за бахилами? Но почему их нет у вас? — закричала я.

— Не шумите, тетя, — зевнул юноша, — здесь свой порядок. Все знают: если идешь в корпуса, купи у входа бахилы.

— Я пришла первый раз!

— И чего?

— Мне никто не сказал, что одноразовые тапки надо брать черт-те где!

— Не ругайтесь! Все равно не пуцую, — уперся молодой человек, — тут больница! Стерильность! А будете кричать, главврачу сообщат, и вы ватке сюда никогда не попадете!

Я растерялась, потом отошла в сторону, где маячил газетный киоск, и чуть не заплакала. Переться назад по лужам, держа в руках туго набитые сумки, было выше моих сил.

— Девушка, — тихо окликнула меня продавщица, — вам бахилки надо?

— Да, — кивнула я.

— Сто рублей!

— Простите? — не поняла я.

Она прищурилась.

— Стольничек давайте, получите мешки на лапы.

— Бахилам красная цена десятка, — вздохнула я.

— Хозяин барин, — улыбнулась торговка, — валите на главную проходную, там за пятерку возьмете. Ой, какой ливень на улице начался! Прямо хлещет. Ну что за декабрь! Ни снега, ни мороза. А вы, вижу, елочку с собой притащили?

Я открыла сумку и протянула предприимчивой бабе розовую купюру:

— Держите.

Она нагнулась под прилавок, вытащила два ярко-оранжевых пакета и протянула мне.

— Вот.

— Это что? — изумилась я.

— Всовывайте туда ноги, ручки завяжите вокруг щиколотки и ступайте смело, — затараторила баба, — бахилы те, что на проходной, дрянь, сразу рвутся, а мешочки крепкие, хоть весь день в них ходи — не треснут.

— Меня пустят в отделение в такой обуви?

— Конечно, — сказала киоскерша, — главное, чтобы уличные ботинки прикрыть, верно, Коль?

Охранник кивнул:

— Точно!

Мне сразу стала ясна суть нехитрого бизнеса. Мало кому захочется бежать назад за пятирублевыми голубыми бахилами, вот секьюрити с газетчицей и пользуются этим; наверное, в конце дня они делают выручку.

Осторожно ступая ногами в оранжевых пакетах, я дотопала до лифта, поднялась на пятый этаж и вошла в палату к своей подруге Лене Фоминой.

— Привет, — зашептала Ленка, — ставь сумки на подоконник. Книжки принесла?

— Ага, — кивнула я, — а еще прихватила елочку, искусственную, сейчас нарядим.

— Тише, — одернула меня Фомина, — баба Таня спит.

— У тебя появилась соседка? — Я покосилась на ширму, разделяющую комнату.

— Вчера вечером привезли, — пояснила Лена, — она сломала, как и я, ногу, но только старуха...

Ленка замолчала и повертела пальцем у лба. Я заморгала, потом повторила жест подруги и уточнила:

— В смысле того?

— Ага, — понизив голос до минимума, ответила Фомина, — типа старческий маразм!

— Катюшенька, — раздалось из-за перегородки, — дай мне попить!

Ленка вздохнула:

— Ну вот! Теперь нам не поговорить! Бабка вчера весь день болтала! Ее из другой палаты ко мне перевели. Завотделением сам пришел и попросил: «Елена Васильевна, сделайте одолжение, разрешите, мы к вам Татьяну Петровну переведем?» Ну я, дура, и согласилась! С другой стороны, как отказать? Не в оплаченной палате лежу, сюда кого угодно подселить могут без всякого моего на то согласия.

— Катюша, дай мне попить, — вновь донеслось из-за ширмы.

— Кого она зовет? — спросила я.

Ленка пожала плечами:

— Понятия не имею, но если ты ее не напоишь, она не успокоится.

Я послушно откатила разделяющую кровати ширму и увидела маленькую растрепанную старушку, сидевшую на койке.

— Катенька! — обрадовалась она. — Почему мне постелили на кухне? Дай, пожалуйста, чайку! Хотя я могу и сама встать!

— Пожалуйста, не двигайтесь, — испугалась я, — у вас сломана нога.

— Нога? — растерялась баба Таня. — Чья? Ах да! Вот уж глупая старуха! Совсем забыла. Я в больнице! Спасибо, деточка, вы ведь не Катенька?

— Нет, меня зовут Виола.

— Виола, Виола, — растерянно забормотала бабуся, — ах, Виола! Дочка Лёни от первого брака! Вы такая хорошая девочка, замечательно поете. Как сейчас помню, в пятьдесят пятом вы поступили в музыкальное училище.

Я вздрогнула, вот уж не предполагала, что выгляжу как ровесница египетских мумий! В упомянутом году меня не существовало даже в проекте!

— Налей ей чаю, — вздохнула Лена.

Я напоила старушку и стала наряжать елку, одновременно мы с Фоминой пытались потреться, но очень скоро поняли, что это не удастся. Баба Таня без конца прерывала нас. Старушка производила впечатление абсолютно беззлобного существа, вот только язык у нее работал как молотилка.

— Елочка! Какая славная елочка! — умилилась она, рассматривая искусственное деревце. — Мы тоже

ставили елочку. А как лесная красавица пахнет хвоей!

Ленка хихикнула, я укоризненно посмотрела на нее. Старушка не поняла, что видит творение химической промышленности. Может, ее нос и впрямь уловил аромат хвои.

— А что там висит? — не успокаивалась баба Таня.

— Большой шар с нарисованной балериной, — ответила я.

— Плохо вижу, деточка, поднеси поближе! — попросила она.

Я сняла с ветки украшение и подошла к кровати старухи.

— Ах, Виолочка, какая красота! — всплеснула руками бабуля.

Я удивилась: однако у старухи все же есть память, она не забыла мое имя.

— Балерина! — восторгалась тем временем болтунья. — Обожаю Большой театр! В каком же году... э... в пятьдесят первом Олег получил квартиру. Я с тех пор каждое утро, встав с кровати, любовалась балериной. Такая потрясающая, нереальная красота! Подходишь к окну, а она там! Висит в воздухе, на одном мысочке на шаре стоит! О! Мне было ее жаль! В любую погоду танцевать! Даже в снег и дождь! Я с ней попрощалась, когда меня сюда повезли. Так глупо я упала! Дома! Споткнулась о ковер! Наверное, мне домой не вернуться. Говорят, в моем возрасте перелом ноги — смерть!

Лена многозначительно кашлянула, а я стала утешать заплакавшую бабу Таню.

— Всего-то лодыжка! Скоро побежите по коридору!

— Я вернусь к балерине? — с детской надеждой спросила старушка.

— Ну конечно, — хором ответили мы с Фоминой.

— Спасибо, вы милые девочки! — заулыбалась соседка. — Но что-то мне подсказывает...

Дверь в палату распахнулась, появилась медсестра.

— Татьяна Петровна, — весело сказала она, — как вам спалось на новом месте?

— Катенька? — неуверенно спросила старуха.

— Нет, Галочка Андреева, вы меня сейчас вспомните, я вам каждый день уколы делаю, — заулыбалась девушка. — Ой, какая елка! А я и Деда Мороза привела.

Из коридора в палату вошел лысоватый, полный дядечка лет сорока пяти. Его добродушное, слегка растерянное лицо украшали старомодные очки в пластиковой оправе. В руках незнакомец держал туго набитые сумки, на ногах у него красовались, как и у меня, ярко-оранжевые пакеты. Похоже, бизнес охранника и киоскерши процветал.

— Ну, — тараторила Галя, — узнали?

— Катенька? — прищурилась баба Таня.

— Мама, это я, — пропыхтел толстяк.

— Кто? — испуганно спросила старушка.

— Это ваш сын, Борис, — с жалостью объяснила медсестра, — он сюда постоянно ходит, уж целый месяц! Заботится о вас! Мало таких хороших сыновей.

— Борис? Борис... Борис... — забубнила баба Таня. — А фамилия ваша как?

— Ковалев, — устало ответил мужик и повернулся ко мне: — Вы разрешите на подоконник соки поставить?

— Конечно, конечно, — закивала я.

Борис стал опустошать сумки, медсестра вышла за дверь, а меня неожиданно царапнуло беспокойство, я передернула плечами. Мужчина заметил это движение.

— Форточку закрыть? — предложил он. — Вы не расстраивайтесь. Маму скоро увезут, ее уже из восьмой палаты переселяют, очень много болтает. Потерпите ее до понедельника.

— А что случится после выходных? — осторожно поинтересовалась я.

Борис грустно заморгал.

— Я договорился о переводе матери в частный дом престарелых. Дорого, конечно, но мне за ней не уследить. К сожалению, Катя, моя старшая сестра, некоторое время назад скончалась от инфаркта, она ухаживала за мамой. В том, что мать сломала ногу, моя вина, я оставил ее на целый день одну, и вот результат. Я хорошо придумал. Мама живет в тесной малогабаритной квартире на шумной улице, а теперь она поселится за городом, в лесу, у нее будет три комнаты и постоянная сиделка. Я стану ее навещать несколько раз в неделю. И как вам это?

— Я бы не отказалась пожить одна в просторных апартаментах на всем готовом, — вздохнула Ленка, — но моя судьба гнить в коммуналке.

— Ковалев? — вдруг ожила баба Таня. — Но я Редникова! И у меня никогда не было сына Бориса!

Мужчина тяжело вздохнул.

— Мамуля! Ты не взяла фамилию папы, оставила девичью, а я, естественно, был записан на отца!

— Но Катюша-то Редникова! — не успокаивалась баба Таня. — Позовите сюда мою дочь!

Борис быстро сунул матери чашку.

— Пей, это твой любимый. Клубничный!

— Пахнет вкусно, — одобрила старушка и стала пить.

Борис покосился на нас с Леной.

— Еще хорошо, что медсестра зашла, а то вы еще подумаете, что я невесть кто.

— Невесть кто не станет полные сумки жвачки таскать, — засмеялась Лена, — вы, похоже, на тысячу рублей еды принесли. И соки, и печенье, и сырки, и конфеты, и фрукты. Куда столько?

— Мама покушать любит, — пояснил Борис, — у старых людей аппетит хороший, а в больнице сами знаете как кормят.

— Боречка! — подпрыгнула старушка. — Боречка! Вспомнила! Вы же Боречка!

— Слава богу, — закивал толстяк, отбирая у матери чашку, потом он посмотрел на меня и тихо сказал: — Не хочется, чтобы мама сообразила, что Катенька умерла! Она считает, что дочь жива.

— Бедняжка, — пробормотала Ленка, — вообще-то она у вас такая милая!

— Ну да, — без особого энтузиазма отметил Борис и тут же спохватился: — Мама замечательная, я ее обожаю!

Меня снова царапнуло беспокойство, и я стала сердиться. Отчего я нервничаю? Ленка поправляется, через неделю ее отпустят домой, хотя, думается, ей лучше в двухместной палате, чем в родной коммуналке с пьяными соседями. Баба Таня тоже не выглядит умирающей. Ее сын, милый толстяк, очевидно, бухгалтер или научный работник, трепетно любит мать. А то, что он решил поселить ее в дом престарелых, вполне объяснимо: одинокому мужчине трудно ухаживать за не особо сообразительной старушкой, и, вероятно, Борис хочет завести семью, а наличие престарелой матери — явная помеха для его будущего счастья.

Дверь в палату приоткрылась, появилась Галя с худой женщиной.

— Здравствуйте, — сказала незнакомка.

— Ольга Сергеевна, — обрадовался Борис, — прошу, садитесь у маминой кровати.

— Она сможет подписать бумаги? — строго спросила тетка.

— Конечно, — пообещал Борис, — мама, тебе надо черкануть вот тут!

— Зачем? — справедливо спросила баба Таня. — Пусть Катя придет и посмотрит, что надо подписать.

— Мамочка, — запел Борис, — это... э... ну...

— Ваше согласие на переезд на дачу, — заулыбалась Ольга Сергеевна.

— Мы купили домик в деревне, — всплеснула руками баба Таня, — отлично! Где подпись ставить?

— Здесь, потом здесь, — объясняла Ольга Сергеевна, переворачивая страницы, — еще тут, потом наверху...

Борис отошел от кровати бабы Тани.

— Конечно, мама не совсем верно оценивает действительность, — шепнул он нам, — но без ее подписей в интернат не попасть. И я ведь не соврал. Дом находится за городом.

— Не нервничайте, — пробормотала Лена, — вы все делаете правильно, такого человека без присмотра нельзя оставить.

— Я хочу посмотреть на балерину, — вдруг сказала баба Таня, — в последний раз, можно?

В глазах Бориса мелькнула растерянность.

— Ты о ком говоришь, мама?

— О танцовщице, той, что за окном.

— А! Непременно, — пообещал сын.

— Она стоит на шаре, — заплакала баба Таня.

— Мамуля, все будет так, как ты захочешь! — начал успокаивать старуху толстяк.

— Я увижу танцовщицу? — старушка вытерла слезы.

— Завтра приведу ее сюда, — сказал сын.

Внезапно баба Таня сжалась в комок.

— Нет, нет! Вы кто?

— Борис. Твой сын.

— Нет, нет! Она не живая! Не живая, — затрясла головой старуха.

Борис взял Ольгу Сергеевну под локоток.

— Пойдемте, маме стало плохо. Я вас провожу.

Я невольно проследила взглядом за парой, которая, осторожно ступая ногами в оранжевых пакетах, двинулась к выходу. Однако газетчица и секьюрити совсем неплохо зарабатывают. Только с людей, которые сейчас находятся в этом помещении, они получили триста рублей, а сколько клиентов было утром и сколько

их еще придет вечером!

— Старость не радость, — прокомментировала ситуацию Галя.

— Балерина не живая, — повторяла баба Таня, — она в небе! На шаре! Я ее так люблю! Олег, мой покойный муж, всегда говорил: «Лялочка, она на тебя похожа».

— Теперь еще и Лялочка появилась, — вздохнула Галя, — Татьяна Петровна, лягте, поспите!

— Лялочка — это я, — начала кашлять старуха, — меня так Олег звал! Он, когда квартиру выбирал, имел варианты... у него балерина в душе запела... и... у Катеньки тоже! Она хотела танцам учиться...

Внезапно лицо бабы Тани стало краснеть.

— Катенька! Катенька! Она ведь умерла, так?

Галя попыталась положить ее на подушку, но Татьяна Петровна неожиданно вскрикнула и стала задыхаться.

— Чегой-то с ней? — напугалась медсестра.

— Скорее зовите врача, — приказала я, глядя, как лицо милой старушки начинает опухать.

Галя оказалась проворной, спустя пару минут в палату быстрым шагом вошел молодой мужчина в голубой «пижаме», бабу Таню прямо на кровати вывезли в коридор.

— Что случилось? — попыталась выяснить Фомина у Гали, которая вернулась в палату, чтобы дать Ленке валерьянки.

— Не знаю, — вздохнула девушка, — может, тромб оторвался? Случается такое с лежачими.

— Старушка умерла? — испугалась я.

— В реанимацию ее повезли, — пояснила Галя, — меня туда не пускают, у них свой средний персонал, такие неприветливые девки, считают себя элитой. Пейте лекарство и не переживайте, все утрясется!

Мы с Леной попытались поболтать, но разговор не клеился, я все время натыкалась взглядом на пакеты с соком и с печеньем, угощение, которое так и не успела попробовать баба Таня.

Вечером, около одиннадцати, я позвонила Ленке и спросила:

— Как дела?

— Телек смотрю, — бодро ответила Фомина, — баба Таня-то жива.

— Слава богу, — обрадовалась я.

— И не тромб у нее!

— А что? Инфаркт?

— Аллергия, — ответила Ленка, — она съела что-то или на лекарства плохо отреагировала. Семен Михайлович, врач, ко мне заходил и сказал: «Наверное, вы испугались? Не переживайте, Татьяна Петровна в удовлетворительном состоянии, скоро ее назад привезем. Зря люди в отдельные палаты просят. Если бы бабушка одна лежала, умереть могла. А так, вы зашумели, в больнице всегда лучше соседей иметь, медсестры за каждым приглядеть не в состоянии».

— Аллергия? — удивилась я. — Интересно!

— Что тебя заинтересовало? — фыркнула Ленка.

Я ответила:

— Просто странно. Неужели в карточке ничего не сказано про непереносимость препаратов? Такое маловероятно, люди отлично знают об особенностях своего организма и предупреждают медиков.

— Если учесть, что баба Таня с трудом узнала родного сына, который, по свидетельству Гали, ежедневно ей харчи таскает, то твое замечание меня умиляет, — засмеялась Ленка.

— Но Борис, укладывая мать в клинику, должен был сказать об ее аллергии, — протянула я, — и, мне кажется, у бабы Тани случился отек Квинке, это намного серьезней, чем банальная крапивница. Слушай, когда вы обедали?

— В час, — ответила Ленка.

— Я пришла в пять, слишком много времени прошло. Отреагируй баба Таня на пищу, это бы случилось минут через десять-пятнадцать после обеда. А чем вас кормили?

— Суп-пюре из капусты, жидкий и невкусный, гречка с курицей, — отрапортовала Ленка, — жилистый беговой цыпленок, умерший от слишком частых тренировок. Мы жратву почти не тронули, я потом чай пила и вафельный торт ела.

— А бабушка?

— Она сразу заснула.

— Странно.

— Ничего особенного, пожилого человека, да еще нездорового, часто на боковую тянет, — возразила Фомина.

— Значит, баба Таня, практически не попробовав больничных яств, мирно задремала?

— Да. И дрыхла до твоего прихода.

— А когда вам лекарство давали?

— Здесь дикие порядки, — стала жаловаться Фомина, — будят в шесть, суют под мышку холодный градусник. В восемь обход, через десять минут уколы и таблетки. Следующее опилюливание ровно в двенадцать сорок пять, ну а потом в семь вечера.

— Значит, ни больничная еда, ни медикаменты не могли вызвать отека, — констатировала я, — бабе Тане стало плохо около пяти.

— Может, в воздухе зараза пролетела, больница ведь! — предположила Ленка.

— Клубничный сок! — вдруг осенило меня. — Борис налил ей из пакета нектар. Татьяна Петровна его с жадностью выпила и спустя короткое время стала задыхаться. Спору нет, клубника полезная во всех отношениях ягода, но одновременно и сильнейший аллерген.

— Маловероятно, что сын дал бы матери запрещенный продукт! — воскликнула Фомина. — Хотя, может, он не знал про то, что баба Таня не выносит эти ягоды?

— Она что, никогда за всю свою долгую жизнь не пробовала клубнику? — усмехнулась я. — Разреши тебе не поверить.

— Ела, ела, ела, отравы в организме накопилась и подействовала, — заявила Ленка, — жаль старушку, она, несмотря на болтовню, мне показалась милой. Сейчас в палату тетка заходила, с четвертого этажа, хотела бабу Таню проведать. Очень расстроилась!

— С четвертого этажа? — переспросила я.

— Ну да. У нас вторая травма, а есть еще первая. Татьяна Петровна сначала там лежала, затем ее ко мне перевели. Бывшая соседка сказала: они даже подружились и не хотели расставаться.

— Но тебе сообщили, что в палате жаловались на болтливость старухи?

— Ну да, — удивленно подтвердила Ленка, — врач так сказал! А теперь соседка другое говорит. Чушь! Кто-то кого-то не понял!

Пожелав Фоминой сладких снов, я позвонила Майе Виноградовой и без предисловий спросила:

— Скажи, аллергия может накопиться?

— Это как? — удивилась подруга.

— Человек всю жизнь ел клубнику, и ничего, а потом попил сочку и попал в реанимацию.

— Всякое случается, — обтекаемо ответила Майка, — но такое развитие событий редкость. Сок был свежим?

— Нет, из пакета.

— Вероятно, производители добавили в него гору консервантов, организм среагировал на какие-нибудь «Е», — предположила Виноградова.

Я положила трубку на стол и уставилась в темное незанавешенное окно. На улице наконец-то пошел снег, неправдоподобно крупные снежинки медленно танцевали в свете уличного фонаря. Я молча наблюдала за балетом. Потом вздрогнула. Балет! Балерина! Танцовщица, которая парит в воздухе... Нет, Татьяна Петровна не сумасшедшая, она не все помнит, но маразматичкой ее никак нельзя назвать. Похоже, старушка на самом деле хотела проститься с девушкой на шаре, балерина существует в действительности, я могу ее отыскать. Вот только позвоню Лёне Котову, он архитектор, собирает книги по градостроительству, знает Москву как свои пять пальцев и непременно мне поможет.

На следующее утро, около двенадцати часов, я вошла в кабинет к заведующему травматологическим отделением и, улыбнувшись, сказала:

— Мой секретарь договорила о встрече. Спасибо, что любезно согласились уделить постороннему человеку пару минут.

На самом деле у меня нет ни агентов, ни помощников, я давно освоила простой трюк, набираю номер и говорю:

— Здравствуйте, вас беспокоит пресс-атташе писательницы Арины Виоловой.

Несолидно самой напрашиваться на разговор, ясное дело, у всех успешных людей есть шоферы, охранники, домработницы...

— Вы мне не посторонний человек, — заулыбался главврач, вставая из кресла, — почти у всех больных лежат детективы Виоловой на тумбочке. Я готов вам помочь. Надеюсь, в вашей семье все здоровы? Садитесь, пожалуйста, и излагайте свою проблему без стеснения.

Я опустила на стул.

— Сергей Андреевич, мой вопрос может показаться вам странным.

— Ничего, я привык, говорите.

— В первой травматологии у вас лежала Татьяна Петровна Редникова.

Сергей Андреевич нахмурился, щелкнул пальцами и ткнул в селектор.

— Вера! Все данные на большую Редникову.

Потом повернулся ко мне:

— Мы скоропомощная больница, людей очень много, увы, всех запомнить я не могу. Это ваша родственница?

В кабинет заглянула рыжеволосая девушка:

— Можно? Вот то, что вы просили.

— Давай сюда, — кивнул Сергей Андреевич, — ага, Татьяна Петровна... Лодыжка... в принципе, даже учитывая возраст, ничего ужасного. Состояние удовлетворительное, соответствует тяжести травмы. Остеопороз — бич пожилых людей, в особенности женщин, однако сейчас есть хорошие препараты. Они, конечно, дорогие, но вы сможете их приобрести. Кошелек успешной писательницы такие таблетки особого урона не нанесут.

— У меня вопрос не о лечении. Татьяна Петровна сначала лежала в первой травме, а потом ее перевели во вторую. Почему?

— Ну... лечащий врач у нее остался прежним.

— Какой смысл в смене палаты?

— Сейчас, тут должно быть отмечено. А! Понятно! На Редникову жаловалась соседка, просила их расселить. Татьяна Петровна своими разговорами мешала ей спать, целыми днями смотрела телевизор. Увы, иногда больные не находят общего языка, и мы их разделяем. Варькина Нина Тимофеевна осталась в первой травме, Редникову Татьяну Петровну перевели во вторую. Врач, повторяю, у нее остался тот же, просто палату сменили, положили туда, где имелось место. Деление на первую и вторую травму чисто условное, они обе входят в одно отделение. Да, вспомнил! Я вчера ходил к новой соседке Редниковой... э... э...

— Лене Фоминой, — подсказала я.

— Точно, — обрадовался заведующий, — просил ее проявить снисхождение к пожилой даме, которую скоро выпишут.

— Фомина — моя близкая подруга.

— Ясно, — поскучнел доктор, — придется старушку опять перемещать.

— Нет, нет, — успокоила я врача, — просто я хочу кое в чем разобраться. А где найти эту Варькину?

Сергей Андреевич снова ткнул в селектор:

— Вера! Помогите писательнице Арине Виоловой!

Через пятнадцать минут я выяснила, что Варькина завтра выписывается, и опроретью побежала на четвертый этаж. Слава богу, женщина была на месте.

— Я жаловалась? — изумилась Нина Тимофеевна. — Никогда! Наоборот! Просила оставить нас вместе, но мне сказали, что во второй травме есть какой-то суперлазер, которым будут лечить бедную Танечку. Редникова очень милая и несчастная!

Мы поговорили с Ниной Тимофеевной, я вышла в коридор, постояла пару минут в задумчивости и пошла назад, к Сергею Андреевичу.

Через три дня после вышеописанных событий Борис приехал за матерью. Я сидела у кровати Ленки и увидела, как толстяк, обутый в голубые бахилы, входит в палату.

— Боречка! — обрадовалась Татьяна Петровна.

— Собирайся, мама, — торопливо сказал он, — такси ждет!

— Мы едем домой, — захлопала в ладоши старушка, — там Катенька! Я по ней соскучилась!

— Угу, — кивнул Борис и стал складывать в сумку мелочи из тумбочки.

— Ах, как здорово, — ликовала старушка, — скоро я увижу балерину!

— Непременно, — пообещал Борис, усаживая мать в инвалидное кресло.

— Давайте помогу, — предложила я.

— Спасибо, я сам, — отрезал толстяк.

— Вам будет трудно, — настаивала я, — коляску надо толкать двумя руками, как сумку нести?

— Поставлю маме вещи на колени, — заявил Боря.

— Ну уж нет! — воскликнула я и схватила торбу.

Борис дернул щекой, но ничего не сказал.

У входа в корпус стояло такси.

— Куда вы направляетесь? — спросила я, глядя, как толстяк запикивает мать в салон.

— В Подмоскowie, — понизив голос, ответил Борис, — спасибо за помощь.

— Дайте мне адрес дома престарелых, — потребовала я.

— Зачем? — прищурился добродушный толстяк.

— Мы с вашей мамой подружились, хочу ее навестить.

— Истринский район, деревня Опушково, — отчеканил Борис, — телефон не помню.

— Сильно сомневаюсь, что, приехав в это самое Опушково, я найду там комфортабельное здание со счастливыми стариками, — вздохнула я, — вам придется задержаться!

— Что за чушь, — возмутился Борис, — отойдите от машины, мама пожилой человек, ей нужен покой.

Я махнула рукой, два парня в джинсах, мирно курившие на ступеньках у входа, разом бросили сигарки и приблизились к такси.

— Пройдемте, гражданин, — сказал один.

— Давайте без шума, — приказал второй.

— Боречка, — крикнула из салона Татьяна Петровна, — что случилось? Куда ты уходишь? Не понимаю! Вернись! Я хочу увидеть балерину!

Я заглянула в машину.

— Баба Таня, вы меня узнаете?

— Конечно, Виолочка, — улыбнулась она, — ты хорошая девочка, дочь Лёни от первого брака.

— Вы обязательно встретитесь с балериной, — пообещала я, — но чуть позднее, сейчас нужно вернуться в палату, врач забыл вам укол сделать.

— Охohoюшки, — запричитала Татьяна Петровна, — ну и дела! С врачом не спорят! Надо так надо!

В субботу мы с Ленкой сидели в просторной комнате с эркером, во главе стола улыбалась очень довольная баба Таня.

— Как только ты догадалась, что Борис мошенник, который решил оттяпать у Татьяны Петровны ее замечательную квартиру? — спросила Лена.

Я пожалала плечами:

— Меня насторожило несколько моментов. Первый. Тебе сказали, что Татьяну Петровну переселяют по просьбе соседки, но Нина Тимофеевна страшно расстроилась, когда узнала, что Редникова будет лежать во второй травме, где есть особый лазер. Про прибор ей сообщила медсестра Галина Андреева. Понимаешь, врачи очень заняты, им недосуг разбираться в дрызгах между больными дамами. С другой стороны, докторам не нужны скандалы, они доверяют среднему медицинскому персоналу, никаких сложностей у Галочки не было. Она сказала лечащему хирургу о трениях между Редниковой и Варькиной, и Татьяну Петровну мигом перевели.

— Но зачем понадобилось убирать ее из первого отделения? — задала справедливый вопрос Фомина.

— Варькина знала, что у бабы Тани нет сына Бориса, — мрачно ответила я, — у нее была только дочь Катя, умершая от инфаркта. Но Татьяна Петровна предпочитает считать ее живой и много рассказывала соседке о своей девочке, а вот о мальчике Боре не обмолвилась и словом. И он ни разу не навещал мать. А ты же ничего не знала! Воспомни, как обстояло дело! Появляется в палате медсестра Галя и говорит:

— А вот, баба Таня, ваш сын!

Старуха начинает возражать, но девушка ее перебивает:

— Он же к вам каждый день ходит!

И кому мы поверили? Полубезумной бабке или молодой сотруднице больницы, которая утверждала, что отлично знает Бориса? Тем более что Татьяна Петровна внушаема, меня она мигом стала считать «дочерью Лёни от первого брака». И Галя, и Борис были очень убедительны, но они сделали ряд ошибок, а я обратила на них внимание.

— Каких? — с любопытством спросила Ленка.

— Борис изображал любящего сына, напоил мать клубничным соком. Но любящий сын должен знать, что у матери аллергия на эту ягоду. Хотя отчасти произошедшее можно объяснить консервантами в пакете. Еще толстячок упомянул, что у мамы плохонькая квартирка, там тесно, душно, старушке намного лучше будет на свежем воздухе. Потом появилась «директриса» дома престарелых, и я сделала стойку. Не знаю, требуется ли от пенсионера, уезжающего в интернат, подписывать какие-либо документы, но навряд ли это будет целая пачка бумаг! А Татьяна Петровна на наших глазах ставила подпись многократно, и у меня зашевелились сомнения. Вечером я у окна смотрела на снег и вдруг вспомнила балерину, о которой упоминала Татьяна Петровна. И мне пришло в голову: вдруг старушка и впрямь каждый день видела танцовщицу на шаре. Вдруг она не бредит, а говорит о реально существующем факте? А Борис явно ничего не слышал ранее о балерине, он растерялся, когда «мама» завела о ней разговор. Я пораскинула мозгами и позвонила своему приятелю-архитектору, задала ему один вопрос:

— Есть ли в столице здание, украшенное фигурой балерины?

Лёня тут же ответил:

— Да, в самом центре, на Бульварном кольце, его построили в тридцатых годах прошлого века.

Девушка в пачке и пуантах стоит на шаре, скульптура установлена на крыше.

Дальше было совсем просто. Я поехала по указанному адресу, прикинула, из окон какой квартиры лучше всего видно украшение на соседнем особняке, отправилась в домоуправление и за небольшую мзду выяснила — четырехкомнатные апартаменты общей площадью двести квадратных метров принадлежат жене покойного академика Олега Редникова, Татьяне Петровне. Сейчас старуха в больнице, она сломала лодыжку. Никаких родственников у нее нет, дочь умерла. Представляешь, сколько стоят апартаменты на Бульварном кольце? Несколько миллионов долларов.

Фомина вытаращила глаза.

— Вилка! Ты гений!

Мне понравилось последнее высказывание, и я продолжила:

— Борис и Галя не первый раз проделывали подобный фокус. Медсестра за последний год сменила пять больниц, она выискивала одиноких стариков с хорошей жилплощадью, а потом на сцене появлялся ласковый толстячок с пакетами сока и нотариус. Все. Жилплощадь переходила в собственность «сыночка», просто и элегантно. А потом Галя увольнялась и начинала действовать в другой клинике.

— Но ведь стариков рано или поздно выписывали, — ахнула Ленка, — куда же они девались?

— Даже боюсь думать на эту тему, — вздрогнула я, — этим делом теперь занимается милиция, она выяснит, куда Борис увозил несчастных на такси.

— И все равно, что впервые натолкнуло тебя на мысль, что он мошенник? — не успокаивалась Фомина. Я улыбнулась.

— Бахилы. Борис утверждал, что он часто ходил к матери, но на его ногах оказались оранжевые мешки, которыми торгует по сто рублей газетчица. Все, кто является в корпус впервые, попадают на ее удочку, людям лень идти назад к центральным воротам! Но те, кто приходит второй раз, сразу берут бахилы у входа. Вот когда Борис прибыл забирать Татьяну Петровну, его ботинки были спрятаны в голубые чехлы. Все верно, он узнал о местных примочках и не захотел тратить зря сто рублей.

— Ты гений, — прошептала Фомина.

— Спасибо, но ты повторяешься, — засмеялась я, — теперь можешь называть меня просто: талантливая дочь Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Всякая новогодняя история должна иметь счастливый конец.

Татьяна Петровна теперь совершенно счастлива, Лена переехала к ней жить и трогательно заботится о старушке. Болтливость бабы Тани ее не раздражает, даже наоборот, та оказалась занятой собеседницей.

У Фоминой нет близких людей, она воспитывалась в приюте, Татьяна Петровна тоже одинока, и теперь они большие друзья. А хороший друг легко заменит вам сто племянников.

Екатерина Гринева

Рождество с привкусом нирваны

Я на минуту оторвалась от дороги и посмотрела на стрелку спидометра. Она уже зашкаливала за сто двадцать. Машин на дороге было немного, и поэтому я могла разогнаться, не опасаясь, что меня остановят бдительные сотрудники ГИБДД и выпишут квитанцию о штрафе.

Я действительно торопилась. Будь моя воля, я бы прибавила скорости еще, но все-таки осторожность удерживала меня от этого. Хотя по жизни я отчаянная и рискованная девушка, склонная ко всякого рода авантюрам, но это был явно не тот день. И не тот вечер.

Сегодня канун Рождества. Час дня. И еду я на свидание со своим женихом.

Сегодня он наконец-то обещал показать мне дом, который он ремонтировал и отделывал последние полгода. «Я хочу сделать тебе подарок. И не хочу торопить ни тебя, ни себя. Ты все увидишь, но чуть позже», – неоднократно говорил он. И такое заявление меня жутко интриговало.

С Пашей мы познакомились три месяца назад. И все завертелось со страшной силой. Классическую программу ухаживаний (кафе, конфеты-букеты и походы в кинотеатры) мы быстренько перескочили и приступили к более волнующей части. То есть к интиму.

Обычно я более осторожна в этом вопросе и сначала довольно долго вожу мужчин за нос, устраивая им что-то вроде пробного экзамена. Я не хочу разочарований, каких в моей жизни уже было немало. Мне хочется чего-то более устойчивого и надежного, чем спонтанные свидания и долгие ожидания звонков с переносами встреч. Такое в моей практике тоже случалось.

Но Паша покорила меня сразу. Он был весь как на ладони и не умел скрывать свои чувства. Вначале при разговоре со мной он даже слегка заикался от волнения. Эта его манера показалась мне очаровательным проявлением искренности. Не то что другие псевдомачо, которые сразу дают волю рукам и лезут под юбку. Нет, здесь все было по-другому. Даже когда мы уже стали любовниками, в Паше осталась некая старомодность и застенчивость. Что не могло не покорило мое сердце.

Мне стукнуло двадцать пять.

И моя мама говорила, что я никогда не выйду замуж.

У меня яркая, эффектная внешность, а ярких женщин мужчины всегда боятся, любит говорить моя родительница. «Вела бы ты себя, Яна, потише и поскромнее, глядишь, какой-нибудь серьезный парень бы и клонул. А то у тебя отношения с мужчинами никак не складываются, потому что ты как фейерверк – ослепляешь, и все. Вот с тобой и встречаются, чтобы почувствовать праздник. А для жизни мужчине нужна более спокойная женщина. Не такая взрывная и эмоциональная».

Я не любила такие разговоры и пресекала их, потому что в маминых словах была большая доля правды. Эта истина, что ярким женщинам мужчины предпочитают серых мышек, открылась мне не сразу. Я пришла к ней путем проб и ошибок. Стоило мне завязать с мужчиной серьезные отношения, как спустя какое-то время он норовил оборвать все контакты и оставить меня в гордом одиночестве. Он боялся, что я стану претендовать на большее, то есть на место его спутницы жизни. Я плакала, бесилась и сходила с ума от отчаяния. Пока не выработала определенную тактику поведения в отношении своих партнеров. Теперь я сама смотрела и взвешивала: стоит ли мне продолжать отношения дальше. Или помахать кавалеру ручкой на прощание: пригласить к себе на ритуал «последней чашки чая» и сказать, что отныне мы можем быть только друзьями. Успеть его опередить до того, как он бросит меня первым.

Я стала безжалостной, расчетливой и циничной. И такой меня сделала жизнь. У женщины всегда есть выбор: стать жертвой или победительницей. И что она выберет – зависит только от нее – от ее поведения и внутренних установок.

Я выбрала второе. Не то чтобы мне нравилась маска этакой гордой амазонки – я просто не видела другого выхода. Я должна выжить в этом безжалостном мужском мире, сохранить себя и ни в коем случае не позволять, чтобы об меня вытирали ноги. Как это было раньше, и не один раз. От меня уходили к другим женщинам или просто перешагивали и шли дальше в поисках новых приключений.

Но Паша покорила меня с первой встречи. Я познакомилась с ним в кафе. Хотя обычно я против таких знакомств. Мой опыт показал, что подобным образом обычно знакомятся те, кто ищет женщину для быстрого необременительного секса. Например, жена куда-то уехала на пару дней, или он с девушкой своей поспорил и нужно срочно заполнить брешь внезапного одиночества.

Я сидела в кафе и пила кофе, когда ко мне подсел незнакомый молодой человек.

– Столик свободен? – спросил он.

Я окинула его взглядом.

– Вы могли бы выбрать более удачную диспозицию, – холодно сказала я.

– Да... но... все столики заняты.

Я окинула взглядом зал.

– У окна – свободно.

– Я хотел посидеть с вами.

– А... это... – усмехнулась я. – Свободен, мальчик. Ищи другую девушку. Я тебе не подхожу.

– Я бы так не сказал.

– Тогда я неправильно сформулировала. Это ты мне не подходишь. Такая формулировка тебя больше устраивает?

Я залпом допила кофе и хотела уже встать со стула, как молодой человек отчаянно выпалил:

– Позвольте мне угостить вас коктейлем? Меня зовут Павел. А вас?

– Яна, – нехотя сказала я.

Не знаю, почему я согласилась на Пашино предложение. Хотя он был очень мил и очарователен. Особенно эти ямочки на щеках – я буквально сразу в них влюбилась. Высокий блондин с кудрявыми мягкими волосами, и это почти детское простодушие: скромная улыбка и ямочки. Н-да, подумала я, таких мужчин сейчас не часто встретишь в нашем мегаполисе. Они скоро совсем вымрут, как мамонты перед глобальным потеплением.

Мы стали встречаться. На первое же свидание Паша притащил огромный букет алых роз, на второе – плюшевого медведя с сердечком в руках. Я долго улыбалась, глядя на него. Паша мне и сам чем-то напоминал этого игрушечного мишку – бесхитростный, добрый, внимательный.

Стоило только мне озвучить свое желание, как Паша его немедленно исполнял. Он постоянно баловал меня и говорил, что я – принцесса.

Похоже, я и сама в это поверила.

Я полная противоположность Павлу. У меня темные волосы и ярко-изумрудные глаза. Мой первый мужчина часто говорил: прикрой свои глаза – а то я ослепну. Но ослепнуть он не пожелал и поэтому через два месяца нашего бурного романа женился на своей бывшей однокласснице – невзрачной блондинке с остреньким треугольным личиком и тонкими губами. Я прорыдала в подушку весь вечер, когда об этом узнала, и подумала, что красота, к сожалению, вовсе не гарантия счастья. Это аванс, который еще надо отработать.

Паша составлял такой контраст со всеми моими предыдущими кавалерами, что я не могла не оценить его, особенно его преданность и внимание. Когда он подарил мне кольцо с бриллиантом и сказал, что просит меня стать его невестой, я взяла Пашу за руку и пропела:

– Пашуня, ты прелесть. Я тебя обожаю!

– Я знал, что оно тебе понравится.

– Конечно, понравилось, – сказала я, подняв вверх руку и любуясь блеском камня. Это было первое кольцо, которое подарил мне мужчина.

В постели Паша был нежным и внимательным. Постепенно он изучил мое тело и знал, как доставить мне удовольствие.

– Слушай! – сказала подруга, когда я рассказала ей о Паше. – А тебе не надоест этот нудный тип, и довольно быстро?

– Он не нудный, – вступилась я за жениха. – Конечно, он не бурлит и не фонтанирует, как некоторые, но такими мужчинками я сыта по горло. Кроме трепя и «фастфудовского» секса, они предложить ничего не могут. Да и не хотят.

– Ну... повезло тебе, – с некоторой завистью протянула Ольга. – Добрый, внимательный, состоятельный. Ты говорила, он обеспеченный человек?

– Не бедный. Работает в финансовой сфере. В службе экономической безопасности крупного банка. Там у них все строго засекречено, даже мне он не имеет права разглашать ни место работы, ни чем он занимается.

– Получается – ты выиграла в лотерею?

– Похоже на то...

И вот Паша пригласил меня приехать к нему в загородный дом, который он только что отремонтировал, и отметить праздник. Я с радостью согласилась. Тем более что Паша расписывал свое гнездышко таким красивым и уютным, что я страстно мечтала наконец-то там побывать. Он пригласил меня туда в Рождество, так как хотел, чтобы все было празднично торжественным и таинственным. Обожаю сюрпризы, часто

говорил он. Здесь я была с ним полностью солидарна. Сюрпризы я тоже люблю. Правда, не все, а с хорошим концом.

Паша не стал заранее давать мне конкретный адрес. Он объяснил, что я должна ехать по Ленинградскому шоссе, а потом повернуть направо. Он обещал перезвонить и сказать, в каком месте поворот, когда я буду ехать по шоссе. Сам он в то время уже будет в доме. «С подарком-сюрпризом», – сообщил он. «Тогда гоню на полной скорости», – со смехом ответила я. «На полной не надо, – испугался Паша, – не дай бог, с тобой что-нибудь случится». – «Ладно, не буду, – пообещала я. – Постараюсь приехать в целостности и сохранности».

Паша позвонил и сказал, куда поворачивать. Он все перепутал. И поворачивать надо было не направо, а налево. Потом еще ехать около часа. Я подумала, что он забрался в приличную глухомань, но сейчас близ Москвы понатыкано коттеджей, как грибов после дождя, и многие состоятельные люди селятся подальше – чтобы насладиться тишиной и свежим воздухом.

С утра погода была неважной. Вот уже несколько дней не было снега. И от этого стало как-то неуютно и тоскливо. Зима без снега, без хрустящих под ногами снежных дорожек и волнистых пушистых сугробов, куда хочется плюхнуться, как в детские годы, а потом поиграть в снежки, – полный абсурд. И вот когда я была, по моим расчетам, примерно в полчасе от Пашиного дома – повалил снег. Сначала он шел робко, неуверенно, а потом посыпались большие мягкие хлопья, похожие на крылья экзотических бабочек, и я прибавила скорость, боясь, что снегопад усилится и скоро дорогу сильно заметет.

Когда я уже ехала по узкой боковой дорожке между высоченных темно-зеленых елей, которые своими тяжелыми лапами едва не касались окон машины, я набрала Пашин номер. Но он молчал. Не дождавшись ответа, я с улыбкой положила сотовый рядом на сиденье. Паша обожает сюрпризы, наверное, вышел к воротам встречать меня, а мобильный забыл дома. Иногда он бывал жутко растерянным и забывчивым. Но когда я мягко пеняла ему на это, обещал исправиться.

Вскоре я уперлась капотом в ворота и просигналила. Раз, другой...

Я вышла из машины и увидела, что ворота чуть приоткрыты. Я толкнула их и ахнула. Дом Паши был похож на дворец из диснеевских мультфильмов. Узкие башенки, маленькие окошки наверху, внизу крытая веранда...

Бросив машину, я быстрым шагом пошла вперед и увидела красные буквы из пластмассы, воткнутые в снег: «Добро пожаловать, любимая!» Снег уже замел буквы почти наполовину, но все равно они были видны издали.

Я вбежала на крыльцо.

– Паша! – крикнула я. Но мне никто не ответил.

Потянув на себя тугую дверь, я вошла в просторный холл, залитый огнями. Везде горели светильники, а посередине красовалась настоящая большая елка, пахнувшая хвоей и наряженная блестящими игрушками.

Старался мальчик сделать мне приятное, с умилением подумала я. Сейчас он выйдет и скажет, что все готово к рождественскому ужину, и мы будем встречать праздник вместе. Наше первое совместное Рождество...

Я обогнула елку. За ней тянулся красиво сервированный стол, тарелки с закусками, много фруктов. Паша знал, что я люблю фрукты. Даже клубнику достал: в небольшой фарфоровой миске лежали ярко-алые ягоды. Я взяла одну и отправила в рот. Только вина не было. И тут меня осенило: Паша отправился за вином. В последний момент он увидел, что не хватает спиртного, и решил срочно исправить свое упущение. Правда, мог бы позвонить. Или он надеялся успеть вовремя, но задержался. Я сняла полушубок и села на стул. Я хотела снова позвонить Паше, но тут вспомнила, что оставила свой сотовый в автомобиле.

Я услышала звук подъезжающей машины и рванула на улицу. Паша! Но во двор въехал черный «Мерседес», за рулем которого сидел незнакомый мужчина и махал мне рукой.

– Привет! Это Пашиный дом? – крикнул он, опустив окно почти до середины.

– Да, – ответила я надменно. – А... вы к кому?

– К Пашке. К кому же еще!

Машина остановилась, и из нее вышел молодой мужчина выше среднего роста, гибкий, с русыми волосами, почти доходившими ему до плеч, и с ярко-изумрудными глазами. У меня перехватило дыхание. Я считала себя обладательницей эксклюзивной пары изумрудных глаз. Во всяком случае, до этого момента. Он широко улыбнулся и медленно окинул меня взглядом с головы до ног.

– Герман, – представился он. – А вы Пашина герлфренд?

– Невеста, – холодно поправила его я. Такой тип мужчин был мне хорошо знаком. С парочкой подобных экземпляров мне уже приходилось иметь дело. Самцы, высокомерные хамы и неисправимые шовинисты. Женщина, по их мнению, это нечто среднее между бутылкой пива и рыбалкой. Некая

разновидность досуга. Отвлекся – и забыл!

– Вау! И он молчал! Узнаю тихоню Пашу!

Герман стряхнул снег с воротника темно-синей куртки и усмехнулся.

– И давно?

– Что – давно? – спросила я, внутренне закипая от бешенства.

– Давно вы невеста?

– Вас это не касается.

– Естественно. – Он снова широко улыбнулся и поднял вверх руки. – Ваши дела – это ваши дела. Я просто поинтересовался, между прочим... Девушка досталась Паше первый сорт, вот я и спросил. Он мне не сказал, что вы будете здесь, и я ехал сюда в полной уверенности, что меня ожидает пирушка двух холостяков.

– И совершенно напрасно. Кстати, я тоже ожидала ужина на двоих. Без посторонних, – подчеркнула я.

– Похоже, мы с вами просчитались. И Паша приготовил нам сюрприз. Кстати, где он? Сотовый заблокирован. Я звоню ему, звоню – и глухо.

– Н-не знаю. Я недавно приехала, а его нет. Наверное, поехал за вином. На столе нет ни вина, ни шампанского.

– О главном забыл. Растяпа! – И Пашин приятель расхохотался.

Ни слова не говоря, я развернулась и пошла в дом. Герман направился за мной. Войдя в холл, он воскликнул:

– Красотища! Как в лучших домах Испании и Франции.

– Будто вы там бывали! – не удержалась я.

– Между прочим, девушка, напрасно вы так. Бывал я там, и неоднократно.

– С чем вас и поздравляю.

Он снял куртку и повесил ее на крючок.

– Елка прикольная. Елочке, елочке холодно зимой, – пропел он. – Бедную елочку взяли мы домой... Бррр, замерз. – Герман потер руки.

Я подняла брови вверх. Все это время я чувствовала на себе его взгляд: пристальный, испытующий, проницательный. Он словно хотел проникнуть мне в душу. Я же сделала вид, что не замечаю его внимания. Ну просто в упор его не вижу.

– Тут еще и стол накрыт. А я проголодался.

– Давайте все-таки дождемся хозяина.

– Какая вы суровая девушка. Мужчина голоден, а вы его маринуете. Вас разве не учили, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок?

– Может быть, и учили, но эта премудрость не для данного случая.

– А что? – Герман, похоже, всерьез обиделся. – Я разве хуже Паши?

– Перестаньте устраивать балаган. Это уже действует на нервы.

– Учту. Какая вы чувствительная и тонкая натура. Стоп! Я тоже хорош. Я сейчас. Одну минуту, совсем забыл...

– Да хоть целый час! – брякнула я. Мое настроение понемногу сползло к нулевой отметке и грозило опуститься еще ниже. Эйфория, в которой я пребывала, когда ехала к Паше, постепенно сменилась раздражением. Надо же, смотался куда-то, не предупредив, и еще мобильный вырубил... Действительно, растяпа!

Герман вернулся с двумя бутылками вина.

– Чуть не разбил, пока шел, – доверительно сказал он. – Было бы обидно вылить в снег такое сокровище. Это элитные вина Европы. Одно – французское, другое – испанское. Давайте познакомимся поближе. Я поставщик элитных вин в лучшие рестораны страны. У меня свой бизнес, заниматься которым мне не только выгодно, но и приятно, и поэтому позвольте вас угостить отличным вином.

– Ну что ж, – тихо сказала я, – не откажусь.

К тому моменту мне было уже совсем паршиво.

– Вот и порядок. Сейчас мы с вами немного выпьем, развеемся, а там и Паша нагрянет. Это я вам обещаю. Мы его немножко поругаем, а потом простим. Правда? – И он мне подмигнул.

Я посмотрела Герману в глаза, но тут же отвела взгляд. Такое яростное изумрудное пламя полыхнуло в них, что я не смогла этого выдержать и стусевалась. Хотя подобное поведение было мне несвойственно.

– Вот и договорились. – Он сел рядом и придвинул ко мне рюмку.

– Отвлекись от проблем. А то я не могу смотреть, как ты... – Он перешел на «ты» и, не докончив фразы, налил мне вина. Золотисто-медовый напиток был очень вкусен...

– Букет очень хорош.

– Я же говорил...

Он налил мне вторую рюмку, наши пальцы встретились, и я поспешно отдернула руку, пролив немного вина на бирюзовое платье.

– Ой! – огорченно воскликнула я.

– Пустяки. До свадьбы отойдет. А когда у вас свадьба?

– Мы еще об этом не говорили.

Какое-то время мы сидели в молчании. Я все больше и больше испытывала неловкость в присутствии этого человека. Неловкость и волнение. И как я ни старалась справиться с собой, это у меня получалось плохо...

Герман же все больше мрачнел, пока наконец не выдохнул:

– Может, осмотрим дом? Вы здесь раньше бывали?

– Нет, – мотнула я головой. – В первый раз. Паша хотел сделать мне сюрприз.

– Похоже, ему это удалось, – хохотнул Герман. Но смех оборвался так же внезапно, как и начался. – Прости...

– Да ладно. А вы здесь бывали?

– Не-а. Я вообще давно с Пашей не виделся. Если быть точным – пять лет. Мы не были с ним близкими приятелями. Мы – бывшие одноклассники. После школы все разлетелись кто куда, первое время еще встречались, перезванивались. Потом паузы стали длиннее... Но мы с Пашей друг друга из вида не теряли. У него судьба такая... трагическая. В девятом классе у Паши мать умерла – в ванной инфаркт приключился. Вам он об этом не рассказывал?

Я покачала головой:

– Не рассказывал. Он только сказал, что родителей у него нет. Мать умерла, а отец их бросил, когда Паша был совсем маленьким.

– Верно, – кивнул Герман. – Все так и было. Пашка после смерти матери замкнулся, ушел в себя. Переживал страшно. Но спустя какое-то время отошел.

Герман рывком поднялся со стула.

– Предлагаю совершить экскурсию по его замку. Произвести, так сказать, осмотр владений. Думаю, хозяин будет не в обиде. Бросил гостей, и поэтому они вынуждены как-то сами себя развлекать.

Я поднялась за Германом. То ли от волнения, то ли от выпитого вина меня качнуло в сторону, и он придержал меня за талию.

– Осторожней, Яночка.

– Спасибо, – прошептала я.

– Да не за что.

Мы двинулись по коридору вперед. Дом был двухэтажный, около столовой наверх вела витая лестница. Герман встал на первую ступеньку.

– Руку, леди, так мне будет спокойней.

Я дала ему руку. Его пальцы на какую-то долю секунды разжались, а губы дрогнули. Но это было лишь мгновение, а потом он овладел собой и повел меня наверх. Я шла медленно. Почему-то мне хотелось, чтобы это восхождение длилось как можно дольше. Может быть, дело было в этом мужчине, чье прикосновение внушало мне покой и уверенность, но вместе с тем и волнение, которое вызвало покальвание в кончиках пальцев... А может, я просто слишком перенервничала...

Мы поднялись наверх.

– Куда теперь? – спросил Герман.

Я пожала плечами:

– Не знаю.

Я пошла впереди, и по моей обнаженной спине скользил мужской взгляд. Мне хотелось от него укрыться, запахнуться в накидку или шарф, которых у меня не было.

Я повела плечами.

– Замерзла? – тихо спросил Герман и положил руку мне на спину повыше лопаток. Боже, на мою холодную арктическую кожу легла его раскаленная ладонь!

– Нет. – Мой голос неожиданно сел, и я толкнула первую попавшуюся дверь. За ней была темнота. Я нашарила выключатель, и вспыхнул свет. Это была спальня. Свет был мягким, приглушенным – мерцающе-зеленым... Сверху под потолком горели три лампочки на тоненьких проволочках – люстра современного дизайна. Большая кровать с балдахином, две тумбочки с маленькими ночниками, шторы, опущенные на окна. Из-за плотных портьер в комнате царил темнота. Синие обои с золотистым тисненым рисунком. По

моему телу прошла невольная дрожь, и я резко развернулась, чтобы выйти отсюда, но уткнулась взглядом в зеркало и остановилась. В нем отражалась я: стройная, в бирюзовом платье, сильно декольтированном сзади и спереди, на шее – золотая цепочка с кулоном, темные волосы тяжелыми волнами лежат на плечах, полные, красиво очерченные губы и ярко-изумрудные глаза, которые горели огнем даже в этом полумраке. Герман стоял сзади. Он сделал шаг вперед, и теперь я чувствовала его дыхание на своей шее.

– Ты обратила внимание, что у нас одинаковые глаза? – хриплым шепотом спросил он.

Я повернулась к нему, и он подхватил меня, иначе я бы упала. Мой разум полностью отключился. Я не владела ни своим телом, ни мыслями. В данную минуту для меня не существовало ничего, кроме этого мужчины... Это был сон, наваждение, колдовство – я все понимала, тем не менее ничего не могла с собой поделать. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что я – невеста его друга и что я долго искала такого мужчину, как Паша: доброго, внимательного, заботливого. Но яростная волна снесла все и затопила меня. Я прижалась к Герману, и мое сердце бешено заколотилось. Только этот стук и был для меня реален в эту минуту, только эти губы и имели значение, только эти сильные руки стали для меня центром всей вселенной.

Мы не сказали ни слова. Его руки прошли по моему телу сверху вниз. И я освободилась от платья. Быстро, бесшумно. А потом и от белья. Оно было сорвано, скомкано и брошено на маленькую банкетку около зеркала, и теперь я стояла перед ним обнаженная, даже не пытаясь прикрыться. У него вырвался легкий вздох, и тут я положила руку ему на грудь и стала торопливо расстегивать пуговицы его рубашки. Нетерпение, овладевшее мной, было так велико, что я не могла себя сдерживать. Да и не хотела.

Мы упали на кровать. Я наслаждалась и упивалась каждой секундой этой фантастической близости. Я прекрасно понимала, что сошла с ума, – иначе нельзя было объяснить тот факт, что в ожидании жениха я позволила себе внезапную, необъяснимую вспышку страсти к человеку, которого видела впервые. Ну и что! Пусть будет это безумие! Я не собираюсь от него бежать. Устраивают же мужчины перед свадьбой мальчишники, может быть, и я...

Но додумать я не успела... Долгий, бесконечно нежный и волнующий поцелуй заставил меня забыть обо всем. О Паше, о себе, о Рождестве, которое мы хотели провести вдвоем... Я упивалась прикосновениями чутких пальцев Германа, которые то сильно сжимали мое тело, то нежно скользили по нему, как летний, едва уловимый ветерок.

Я закрыла глаза и ощутила, как его пальцы скользнули ниже, и застонала, принося губами к его груди. Мое сердце колотилось рядом с его; два обезумевших сердца бились в унисон...

Я медленно проваливалась в нирвану – запредельное состояние, когда стираются границы миров.

Когда все осталось позади и я медленно вынырнула из сладкого сокрушительного забвения, первое, что я увидела, – были изумрудные глаза Германа, неотрывно смотревшие на меня.

Я улыбнулась ему.

– Ты...

Но он рывком поднялся и так же молча оделся. Я нахмурилась. Он решил, что я – легкая добыча, и теперь считает ниже своего достоинства общаться со мной?

– В чем дело? – спросила я, приподнимаясь на локте.

– Ты – невеста моего друга, – глухим голосом сказал он. – А я полный идиот, раз позволил себе...

– Не надо, – оборвала я его. – Что случилось – то случилось.

Я хотела сказать ему: не порти эту минуту, помолчи, не надо никаких слов и объяснений. Ну почему мужчины все всегда портят упреками не по адресу и обидами на пустом месте. Они никогда не чувствуют момент, мелькнуло у меня в голове. Пройдет время, и мы оба с улыбкой вспомним об этом рождественском приключении, об этом безумии, внезапно поразившем нас, как пика матадора разъяренного быка.

Но я не успела ничего сказать, потому что внизу вдруг раздался какой-то звук, словно упал тяжелый предмет, и мы оба посмотрели друг на друга.

– Паша! – одновременно слетело с наших губ. – Паша вернулся, сейчас он поднимется вверх и...

Я торопливо оделась и пригладила волосы.

– Я... в порядке? – тихо шепнула я.

– Да, – припечатал он.

– Пошли быстро вниз. Слышишь, кажется, кто-то ходит на первом этаже.

Он кивнул и вышел из спальни. Я быстро поправила постель и окинула комнату взглядом. Теперь она была в таком же нетронutom виде, как и полчаса назад. Все было на своих местах, и ничто не напоминало о нашей недавней страсти.

Я закрыла дверь и повернулась к Герману.

– Он... там?

– Не знаю. Пойдем вместе и скажем, что осматривали дом.

– Хорошо.

Мы подошли к лестнице.

– Пашань! – крикнул Герман нарочито-бодрым голосом. – Ну ты даешь, старина. Пропал и не давал о себе знать. Где ты шлялся, скажи на милость! Мы тут сидим, скучаем. Твоя невеста мне всю плешь проела. Она у тебя ядовитая молодая особа. Даже не знаю, как ты с ней уживешься! – хохотнул он, не глядя на меня. Мне показалось, что в его последних словах прозвучали горечь и досада. Или это разыгралась моя фантазия? – Паш! Ау!

– Паша! – крикнула я. – Ты где? Почему не отвечал на мои звонки?

Мы дошли до конца лестницы, поминутно зовя хозяина дома. Но ответом было молчание.

– Что за хрень! – повернулся ко мне Герман. – Он что, опять вздумал нас разыгрывать? Это уже перебор. Раньше я за ним таких штучек не наблюдал. Может быть, ему хватит придуриваться? Паш! – заорал он. – Кончай бодягу. А то тебе не поздоровится.

Вокруг по-прежнему стояла тишина.

– Слушай! – сказала я с нервным смешком. – По-моему, здесь никого нет.

– Но мы же слышали какой-то звук. И шаги. Мы не могли оба ошибиться.

– Ну мало ли что упало. Давай посмотрим первый этаж. Если бы Паша был здесь, он бы уже давно откликнулся.

– Ты права. – Герман почесал подбородок. – Молчать в такой ситуации может только полный идиот. А Пашка на него не похож!.. Не разыгрывает же он нас.

– Вот-вот...

Мы миновали кухню и вышли в коридор, куда выходили двери нескольких комнат. Мы обошли их подряд в поисках хозяина и в конце концов оказались на веранде. И здесь я заорала, вытянув руку. Посреди веранды в кресле сидел мертвый Паша, свесив голову, и по подбородку его стекала тоненькая струйка крови.

Я рванула назад и очутилась в крепких руках Германа.

– Паша! Паша! – захлебывалась я.

– Яночка! – Герман крепко прижимал меня к себе. – Тише! Успокойся! Умоляю тебя... тише! Яночка... – Я не слышала его и захлебывалась в рыданиях. У меня началась самая настоящая истерика.

– Яна! – сказал он мне негромко в ухо. – Нам надо срочно уходить, потому что, раз мы слышали звук и чьи-то шаги... – Он не закончил, когда страшная догадка пронзила меня.

– Он еще здесь? – прошептала я, холодея от ужаса.

Герман кивнул.

– Возможно. Девочка моя, соберись, пожалуйста. Нам нужно уйти отсюда как можно скорее. – Герман взял стул, стоявший у стены, и швырнул его в окно веранды. Осколки стекла мгновенно усеяли пол. – Бежим к моей машине. Срочно уезжаем.

Мы перелезли через разбитое окно веранды и побежали по снегу к черному «Мерседесу», стоявшему во дворе перед домом.

– Лучше поедem на моей, – крикнула я на ходу. – На твоей разворачиваться долго. Здесь снегу намело и...

Мы были уже в двух метрах от машины Германа, когда он резко остановился. Я с размаху налетела на него.

– Что такое? Чего ты медлишь!

– Не получится, – прошептал он, – шины проколоты. – Быстро в дом. Иначе нас подстрелят, как уток.

И будто в подтверждение его слов над нашими головами просвистела пуля.

– Пригнись! – закричал Герман, увлекая меня за угол дома. – Живей обратно.

Мы влезли в разбитое окно, и я без сил сползла по стене. Меня била крупная дрожь, и я утратила всякую способность соображать. На расстоянии нескольких метров от меня сидел убитый Паша, а я была близка к обмороку, в который мне не дал упасть Герман, с силой тряхнувший меня за плечи.

– Ты что? Разве можно здесь оставаться! Надо где-то спрятаться. Этот полубезумный киллер сейчас будет рыскать по всему дому в поисках нас.

– Мне все равно, – выдавила я. – Я не могу двигаться.

– Это шок, – констатировал мой спутник. – Что ж! Бывает.

С этими словами он подхватил меня на руки и, открыв дверь пинком ноги, вынес в коридор. Несколько секунд он думал, куда идти, и наконец решительно ввалился в одну из дверей, выходящую в коридор.

Это была небольшая комната, скорее всего для гостей, с широким диваном, гардеробом и двумя

тумбочками, на которых лежали расчески и маленькие махровые полотенца с цветочным рисунком. Положив меня на диван, Герман в два прыжка оказался у двери и прислушался. Потом придвинул обе тумбочки к створке. Но тут же покачал головой.

Он вернул тумбочки на место и, подойдя к гардеробу, попробовал его сдвинуть. Шкаф чуть накренился в сторону.

– Черт! – прошипел он. – Не получается. Тяжелый, зараза.

Я села на диване, обхватив себя руками. Первый шок уже прошел, и я понемногу приходила в себя. Мой мозг, который еще недавно вообще ни на что не реагировал, стал активно оценивать происходящее.

– Ты хочешь сдвинуть этот шкаф, чтобы перегородить дверь? – спросила я шепотом.

– По-моему, я этим и занимаюсь. Догадаться, конечно, очень трудно.

Я прыснула. И смех вернул меня к жизни. Я поняла, что должна бороться и не поддаваться панике. Если я сейчас запаникую, это будет последнее дело. Я с благодарностью посмотрела на Германа, который действовал и соображал за нас двоих в то время, когда я подняла лапки кверху. Нет, так не годится. Я встала с дивана и направилась к нему.

– Ты что? – Он вскинул на меня глаза. Мои глаза. И в них я увидела страх, но одновременно надежду и радость. Страх за меня, радость за то, что я справилась с паникой, ну а... надежду...

– Слушай, – тихо сказала я. – Надо подложить коврик под шкаф, и тогда его будет легче сдвинуть с места.

Я схватила коврик, лежавший у дивана.

– Теперь поднимай. А я быстро суну его под шкаф.

Через несколько минут мы уже волокли гардероб к двери.

– Быстрее! – торопил меня Герман.

Я хотела спросить: почему, но вопрос застыл у меня на губах. Я услышала шаги по коридору. Кто-то приближался к нам.

– Давай! – скомандовал Герман. – Налегли.

Страх – лучшее подспорье в таких делах. Мы поволокли гардероб с утроенной силой и сноровкой. Подперев дверь, мы сразу, как по команде, повалились на пол и поползли к стенке. Пули прошли гардероб насквозь.

Затем раздался стук – убийца колотил ногами в дверь. Наверное, он был одет в тяжелые сапоги, потому что грохот был жуткий. Я закрыла уши руками. Убийца не говорил ни слова, и от этого было еще ужасней, еще страшней.

Герман сидел рядом. Он обхватил меня за плечи и прижал к себе. От него шел такой родной и знакомый запах, словно мы были знакомы уже тысячу лет.

– Ты знаешь, я поняла. Он играл с нами в кошки-мышки. Он был все это время в доме или совсем рядом, близко. Поэтому Пашин телефон сначала не отвечал, а потом заблокировался.

– Черт! – выдохнул Герман. – Мы забыли про мобильники. Давай звонить в милицию.

– Мой остался в машине, – одними губами прошептала я.

Герман похлопал себя по карманам.

– А свой я где-то выронил. Но где? Наверное, на веранде.

Мы замолчали.

– Окно! – сказал Герман.

Я посмотрела в направлении его взгляда и похолодела. Через несколько минут убийца может появиться со стороны окна и начать стрельбу или влезет в него и распотрошит нас, как беззащитных птенцов. И мы ничего не сможем сделать. Мы оказались в западне.

– Мы еще можем его опередить, – сказал Герман. – Давай побежим к воротам. А потом в лес.

Но я покачала головой.

– Не получится, – прошептала я, утыкаясь губами ему в плечо. – Мы будем там как на ладони. Если бы было чуть позже – мы могли бы рассчитывать на удачу. А так... Нас будет хорошо видно. Два темных пятна на снегу...

Звук удаляющихся шагов прозвучал для нас похоронным маршем.

– Я сбегаю на веранду за сотовым, – шепнул Герман.

– Ты не успеешь.

– Успею. Только помоги сдвинуть гардероб.

Мной овладело странное безразличие и оцепенение. Я подумала, что, наверное, пока не столкнешься со смертью лицом к лицу, никогда не узнаешь, как среагируешь на нее.

– Спасибо. – Я обхватила шею Германа руками и прильнула к его груди. – Спасибо за то, что я узнала,

что такое настоящая... – Я хотела сказать «любовь», но осеклась. Мы были почти незнакомы, и вряд ли это чувство можно назвать любовью. – Страсть, – закончила я.

Два изумруда рядом сердито сверкнули.

– Благодарить будешь потом! Я не хочу стать мишенью для бойни. Давай, двигай обратно этот чертов гардероб. Мы еще можем опередить киллера.

Герман потянул шкаф в обратную сторону. Мы поставили его к стене, и Герман рванул в коридор. Я молилась, чтобы он успел. Только бы успел...

Я села на пол. Около кровати четко выделялся квадрат темного цвета. Я встала и подошла ближе. Сзади послышались торопливые шаги. В комнату ворвался Герман с мобильником в руках.

– Успел! Давай перебежим в другую комнату и спрячемся там. Нам нужна фора во времени, чтобы успеть позвонить в милицию.

– Герман! – закричала я. – Смотри! Похоже, это замаскированная дверь в подвал.

Мы быстро отодвинули кровать в сторону и увидели маленькую металлическую ручку. Герман потянул ее на себя, и мы полезли в открывшееся отверстие – вниз вела железная лестница. Герман захлопнул за нами крышку люка.

– А если он влезет и сюда?

– Подожди, – ответил Герман, манипулируя с крышкой. – Здесь есть рычаг, блокирующий ее изнутри.

– Откуда ты знаешь?

В ответ он хмыкнул.

– Тут как в лучших подвалах Испании и Франции. Я знаком с устройством винодельческих погребов. Некоторые успешно запираются изнутри. Здесь примерно тот же механизм. Сделано! – услышала я его ликующий возглас. – Теперь он до нас не доберется. И у нас есть сотовый.

Он включил телефон.

– Да... – услышала я его растерянный голос. – Здесь связь не работает.

– И что теперь? – истерично рассмеялась я. – Так мы тут и просидим всю жизнь?

– Что-нибудь придумаем, – спокойно ответил Герман. И от его слов в меня вселилась уверенность. Я вдруг поняла, что все *на самом деле будет хорошо*. Есть мужчины, рядом с которыми невозможно почувствовать себя глупой курицей, паникершей или растеряхой.

– Я тебе верю, – сказала я и улыбнулась.

– Вот и хорошо. – Он подошел ко мне и крепко поцеловал в губы. Да так, что у меня захватило дыхание. Я вернула ему поцелуй.

– Теперь я вижу, что ты действительно пришла в себя. – Он провел рукой по моим волосам. И внутри меня зазвенели колокольчики. Так нежно, так бережно еще никто и никогда меня не гладил. – Яночка!

Какое-то время мы стояли, прижавшись друг к другу, и слушали удары собственных сердец. Герман провел пальцем по моему лицу.

– Какая ты красивая! – прошептал он.

Я перехватила его руку и прижалась к ней щекой. Мне было с ним так хорошо, несмотря на весь ужас нашего положения.

– Давай попробуем найти место, где можно посидеть, – предложил Герман, – а там что-нибудь сообразим. Разработаем план действий.

В подвале было почти темно. Я говорю «почти», потому что слабый свет просачивался откуда-то сверху. Мои глаза уже немного привыкли к темноте, и я разглядела гладкие серые стены, деревянные ящики, поставленные один на другой, стол у стены, пару стульев, подальше другой стол с телевизором и DVD-плеером.

Мы одновременно рванули к нему.

– Телевизор, – с недоумением сказала я. – Зачем он здесь?

– Похоже, тут у него была мастерская, – протянул Герман. – Какие-то инструменты, аппарат для выжигания по дереву, станок, верстак. Он что, был мастером по дереву? Изготавливал поделки и сувениры?

– Нет, – с удивлением сказала я. – Мне ничего об этом не известно.

Герман хмыкнул.

– Хорошо же ты знаешь своего жениха.

– Я познакомилась с ним недавно – три месяца назад, – вспыхнула я. – А ты что? Об увлечении своего бывшего одноклассника не знал?

– Пардон! Зачем мы будем спорить, – тихо сказал Герман. – Тем более говорить о... нем.

Мы оба замолчали.

– Я нашел коробки с барахлом, – услышала я через некоторое время. – Какое-то женское тряпье.

Кофточки, женское белье. Блин! Что это такое? Бутылки вина... Зачем он хранил их здесь?

Я стояла на месте, ощущая, что постепенно замерзаю.

– Нашел фонарик. – Герман подошел ко мне. Золотое пятно света прыгало по стенам и потолку. Герман посветил рядом с телевизором, и я увидела полку с дисками. – Похоже, он в подвале работал, а потом отдыхал. Не сходя с места. Два в одном флаконе. И рабочий уголок, и комната отдыха.

– Телевизор работает? – спросила я.

Вместо ответа Герман нажал на кнопку включения. Возникло изображение. Шел какой-то сериал.

– Сделай потише, – попросила я.

– Сейчас. – Герман уменьшил звук.

Мы пощелкали по каналам. Просмотрели кусок новостей.

– Интересно, чем Паша развлекался?

Герман включил DVD-плеер и вставил в него диск, который снял с полки.

– Садимся и смотрим кино.

Мы взяли стулья и придвинули их ближе к телику.

На экране возник Паша.

– Кино про себя, любимого, – хмыкнул Герман.

Я смотрела на Пашу и не узнавала его. На экране он был уверенный и развязный, не такой, каким я привыкла видеть его в жизни.

– Привет! – услышала я. – Снимаем кино. Дубль первый. Это я – режиссер фильма, а это – моя модель и актриса.

Камера скользнула вбок и остановилась на девушке, сидевшей на стуле. Ее руки и ноги были плотно к нему привязаны, а во рту торчал кляп. Она была полностью обнажена. Длинные белокурые волосы свисали спереди, закрывая половину лица.

Я инстинктивно прижала руки к горлу, словно удерживая в себе крик.

– Это – Лена. Красивая девушка. – Паша подошел к ней и отвел волосы назад. В глазах его жертвы мелькнуло выражение дикого ужаса. – Лена любит меня, правда? Она поссорилась со своим женихом и приехала сюда. Хотела найти утешение. Правда, моя хорошая? – Он потрепал ее по щеке. Лена дернулась изо всей силы назад, и если бы Паша не удержал стул, то девушка упала бы навзничь на пол.

– С-сука! Б...ь! – Паша изо всей силы ударил ее по лицу, из носа девушки струйкой потекла кровь. Камера скользнула по стенам.

– Это здесь... в подвале... – прошептала я. – Они были тут.

И в ту же минуту я вскочила со стула. Мне пришла в голову мысль, что, возможно, Лена сидела связанной именно на этом стуле.

Герман обхватил меня руками.

– Ну что, попалась? – издевательски прозвучал голос Паши с экрана. – Не рассчитывай на мое снисхождение, крошка! Ты умрешь, как и другие. Все вы, бабы, б...и и шлюхи. Вам бы только ноги раздвигать перед каждым мужиком, как моя мамочка! Вертела перед всеми задом, думала, я ничего не вижу. Ничего... я помог ей сдохнуть. Опустил фен в ванну, когда она там сидела, и все! Тю-тю, маман! Туда ей и дорога!

– Не смотри! – прошептал мне Герман. – Все!

Он схватил пульт и с силой нажал на него. Изображение исчезло. Меня била дрожь.

– Герман... я... я должна была оказаться на ее месте. Он все хорошо продумал. Он хотел сделать мне сюрприз – привезти сюда. Он специально не говорил, как ехать, чтобы я не могла никому об этом сказать. Поэтому он и тебе ничего не сообщил обо мне. Он думал уже разделаться со мной к твоему приезду. Вы бы сидели за рождественским ужином, в то время как я... здесь... в подвале...

– Прекрати! – Герман прижал меня к себе. – Ты со мной рядом... я тебя защищу. Он маньяк, Павел сошел с ума еще в подростковом возрасте. Он убил мать и чокнулся от этого. А потом стал убивать других. Лена – не первая в списке его жертв. Он сам в этом признался.

– Я, я...

– Ты со мной, и точка, – припечатал Герман. – И Паша тебя уже не достанет. Он – мертв.

– Но кто же его убил? – прошептала я, смотря Герману в глаза.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Может, у него был сообщник, и они что-то не поделили.

– Все равно мы отсюда не выберемся, – заплакала я.

– Я что-нибудь придумаю. Обязательно. Только не вешай нос.

– Не повешу, – пообещала я, и мы рассмеялись.

– Кстати, что убийца сейчас делает? – спросила я.

- Лучше об этом не думать. Здесь он нас не достанет.
- Ты уверен? – шепотом спросила я. Мне вдруг стало очень тревожно.
- Уверен.

Звук, который раздался в ту же минуту, словно хотел доказать мне обратное. Наш преследователь с такой силой колотил по крышке подвала, что грохот отдавался болью у меня в голове. Я заткнула уши руками и сжалась в комок. Герман присел на корточки и заглянул мне в лицо. Потом погладил по щеке и что-то сказал. Я отняла руки от ушей и переспросила:

– Что?

– Надо попробовать еще одну возможность. – Он показал вверх. – Оттуда идет свет – значит, есть выход на улицу. Возможно, там заработает сотовый.

Мы прошли вперед и увидели наверху отверстие, сквозь которое сочился свет. Это было что-то наподобие вентиляционного люка. Мы живо соорудили из ящиков постамент, и Герман взобрался на него, балансируя руками. Я стояла внизу и поддерживала ящики.

Через пару минут он обернулся ко мне и поднял вверх большой палец.

– О'кей. Работает.

– И что? – спросила я пересохшими губами.

– Буду звонить в милицию.

Закончив разговаривать с дежурным, Герман воскликнул:

– Скоро сюда приедут! Будем ждать.

От волнения я почувствовала, что силы покидают меня и я вот-вот грохнусь в обморок. Медленно я осела на пол, все расплылось перед моими глазами и превратилось в одно серо-черное пятно.

– Эй, девушка, – крикнул Герман, спрыгивая с ящиков. – Не падайте в обморок. Вы очень мне нужны.

Он подхватил меня на руки и прошептал в ухо:

– Янка! Держись. Ты нужна мне, Янка! Я тебя никуда от себя не отпущу. Никогда и никуда.

Милиция приехала через полчаса. Мы услышали топот ног, а потом голоса.

– Выходите!

Мы вылезли из подвала, и я первым делом спросила:

– Вы его поймали?

Майор – невысокий человек с усталыми глазами – кивнул.

– Да. Не волнуйтесь. Все в порядке. Вам уже ничего не угрожает.

Впоследствии выяснилось, что это был бывший жених Лены, той самой девушки, которую мы видели на экране. Она сказала ему, куда приблизительно едет, когда он позвонил ей, в очередной раз вымаливая прощения после ссоры. Лена решила его подразнить и проболталась о своем маршруте.

Когда она не вернулась, он прочесал все окрестности и спустя четыре месяца напал на Пашин след. Он знал, как выглядит Павел – так как видел его со своей бывшей невестой, – но не знал, где тот живет. Паша обычно знакомился с девушками, у которых на данный момент не было молодых людей. Но здесь он прокололся. И это стало его роковой ошибкой.

Ленин жених решил сам осуществить свою месть, не ставя никого в известность, по принципу «око за око». Он выследил Пашу и нагрянул к нему в коттедж, когда тот занимался приготовлениями ко встрече со мной. Павел, спасая свою шкуру, сказал, что сейчас к нему нагрянут гости: друг и невеста. Маньяк думал, что этой информацией он остановит своего карателя. Но просчитался. Мститель решил, что все мы тут заодно – шайка убийц и извращенцев, и поэтому устроил за нами охоту со стрельбой.

А в бутылках вина, стоявших в подвале, обнаружилось сильное снотворное. Паша не успел поставить их на стол. Ему помешали... Если бы этого не случилось, то дальше все развивалось бы по его хорошо продуманному сценарию. Я бы впала в крепкий сон, а когда проснулась, обнаружила бы себя в подвале... Но думать об этом мне совсем не хочется. И слава богу, что его сценарий не был воплощен в жизнь.

Но теперь это кошмарное Рождество позади...

С тех пор я никому не верю. И если человек очень много улыбается и смотрит на меня кристально-честными глазами, я сразу вздрагиваю и подозреваю его во всех смертных грехах. А если по телевизору идет какой-нибудь триллер, где один из главных героев – добродушный блондин с застенчивой улыбкой, я говорю, что злодей мне уже известен и фильм можно не смотреть. Герман понимающе смотрит на меня и молчит. А сын начинает шумно возражать. Мое десятилетнее сокровище отчаянно любит спорить и стоит на своем до последнего.

Но обладателю третьей пары изумрудных глаз я могу простить многое. В конце концов, он самый

лучший подарок на то страшное, безумное и одновременно прекрасное Рождество, который преподнес мне мой будущий муж. Хотя Герман утверждает, что наша встреча была предопределена свыше. И мы все равно обязательно бы пересеклись. Не в тот раз, так в другой. Я не спору. Зачем? Мой муж – лучший мужчина на свете, и ради него я могу лишиться раз промолчать.

А Рождество мы любим встречать не за городом, а в городской квартире. С искусственной елкой, яркими елочными игрушками, мерцающими гирляндами, уткой, фаршированной яблоками, и элитными винами из лучших погребов Испании и Франции. И конечно, с рождественскими подарками, которые мы за ужином вручаем друг другу.

Валерия Лесовская
Не ходите, парни, замуж!

Глава 1

— "Ой, Леха, Леха, мне без тебя так плохо, — надрывалось в машине радио. — На сердце суматоха, я точно говорю"

— Может, выключишь эту похабщину? — фыркнула сидевшая рядом девица с модной сумочкой на коленях, из которой торчала крохотная медно-рыжая собачья голова с большими ушами.

Наманикюренные пальчики пассажирки скребли песика за ушком, а тот от удовольствия или, может, из чисто животного любопытства тарашил во все стороны глаза.

— Ну, почему похабщина? — удивился парень, сворачивая во двор. — Между прочим, дорогая, хочу тебе напомнить, что меня тоже Алексеем зовут, Лехой.

— Фи, Алекс, как грубо! — фыркнула молоденькая блондиночка, лет двадцати. — Правда, мой мальчик? — обратилась она к тойтерьеру, и тот, подняв на свою хозяйку преданные глазенки-пуговки, звонко тьякнул. — Слушай, выключи уже Нам с Наполеончиком эта песенка не нравится, — засюсюкала блондиночка вновь.

— Все, приехали! — крякнул парень.

Алексей Горюнов остановился на новеньком "БМВ" прямо у своего подъезда и изобразил на лице расстроенный вид.

Увидев это, Ирочка раздраженно спросила:

— Ну, что еще?

— В холодильнике — голяк! — Алекс в задумчивости почесал затылок. — Надо в магазин заехать за продуктами, ужин приготовить

Девушка тут же перевела взгляд на свой роскошный маникюр:

— И кто будет готовить? Лично мне это делать совершенно не хочется! Может, снова закажем пиццу?

Горюнов мгновенно вспыхнул:

— Меня уже достала эта постоянная кулинария и полуфабрикаты

— А ко мне какие претензии? — хмыкнула Ирочка

— Тяф! — отозвался Наполеон.

Парень посмотрел со скучающим видом на тойтерьера, потом его глаза поднялись вверх и, упершись в роскошной бюст девицы, неожиданно озарились некой идеей:

— Может, жениться?

— На ком? — продолжая рассматривать свой французский маникюр, который так красиво смотрелся на фоне медно-рыжей шерстки любимой собачки, спросила красотка. — На поварихе?

— Почему же на поварихе? А ты пошла бы за меня?

— Я-а-а? — Видимо для нее это вопрос оказался неожиданным. — Даже не знаю Да я и готовить не умею!

— Научишься Главное ведь не это! — И парень с трепетом взял в свои руки ее маленькую ладошку. — Так ты пошла бы за меня замуж? — заглянул он в ее глаза с животной преданностью.

И девушка это, конечно же, заприметила:

— Тебе никто не говорил, что у тебя собачий взгляд?

От такого сравнения Алексей тряхнуло, словно машину на кочке, но, совладав с собою, он продолжил:

— Я серьезно!

Ирочка кокетливо улыбнулась:

— Ну не зна-а-аю Мне нравится моя жизнь! Я, Наполеон Он у меня такой красавчик! Ему девочка нужна — посмотрела девица ласково на свою животинку, прижав его ушастую головку к своей роскошной груди, и парень в очередной раз почувствовал укол ревности.

"Будто мне не нужна!?" — Леха в очередной раз оценил девичьи прелести и мысленно облизнулся.

Возможно, в этот момент, он был бы не прочь поменяться с песиком местами.

— Ах ты, моя прелесть, — блондинка мягко давила собачку силиконовым бюстом.

А Горюнова просто плющило от зависти:

— Не понимаю, что ты в нем нашла?

— Фи, Алекс, — фыркнула красотка. — Разве ты не любишь собачек? Они такие сладенькие! — чмокнула она песика в лобик.

"Жених" брезгливо поморщился:

— Видимо я их просто не умею готовить!

Ирочка подняла на него удивленный взор:

— Ты о чем-то другом, кроме еды, еще можешь думать?

— Прости, дорогая, — захотелось снова съязвить Алексею, — но я, как ты успела заметить, не тойтерьер, и иногда мне хочется есть, тем более, — посмотрел он изучающим взглядом на песика, — я просто уверен, что твой Наполеончик, несмотря на свой тщедушный вид, ест не меньше ротвейлера. По моему, его легче убить, чем прокормить!

Зачем он только это сказал? Ирочку охватил шок!

— Убить?! — проныла девица упадническим голосом, и, словно боясь за жизнь своего любимца, блондинка с неистовством прижала сумочку к груди, на какое-то мгновение, крохотная головка псинки, просто исчезла из виду. — Да как ты мне можешь такое говорить?! — девичьи щипанные бровки взлетели вверх. — Я — публичная личность! Я — модель и я — борюсь за права животных! — страстно махнула она рукою.

— Дорогая, — Алексей попытался поймать ее руку в воздухе, но Наполеончик, вынырнув из ее декольте, предупреждающе клацнул зубами.

— И, пожалуйста, не сломай мне ногти

Парень тяжело вздохнул и, заглушив мотор, вышел из салона.

— Здравствуйте, — раздалось за его спиной в тот самый момент, когда он открывал дверцу

Ире и ее песику.

Алексей оглянулся. Незнакомая девушка вышла из подъезда и, поздоровавшись с ним, последовала дальше.

— Здравствуйте, — сказал Горюнов уже ей в спину.

— Кто это?

— Понятие не имею, наверное, соседка! Не забывай, я только месяц тому назад въехал в этот дом.

— А она безвкусно одевается, — посмотрев вслед соседке, сделала Ирочка замечание. — И вообще, — заметила она некую старушку, сидевшую у подъезда, — зачем тебе нужно было продавать квартиру в элитном доме и переезжать в высотку эконом-класса? — направившись к подъезду, спросила Ирина. — Подумаешь, плохо идет бизнес. Мог бы взять кредит

Старушка тут же наострила ухо.

— Давай не будем при посторонних, — шикнул на нее Алекс.

— А я не посторонняя! — отозвалась вдруг бабуля. — Я тут живу!

Окинув ее надменным взглядом, Ира сунула сумочку с собачкой под мышку и решила проследовать мимо. Но не тут-то было.

— Что-то я не пойму, — обратилась к ней та самая старушка. — Где это вы, красавица, юбку потеряли?

— Что-о-о-о? — обернувшись на пенсионерке, девица вспыхнула пунцовой краской.

А старушка продолжила свою трескотню, смотря на парочку хитрым взглядом:

— Вчерашняя девица, была в юбке-то подлине и без собачки

Ирочка, нахмурившись, уставилась на жениха:

— Алекс, я требую объяснений!

"Еще мне тут разборки не хватало!" — подумал он.

— Путаете вы что-то, — буркнул Горюнов, подталкивая свою спутницу к дверям.

— Может, и путаю, — улыбнулась беззубым ртом старушка, — а может, и нет

— Склерозматичка, — выругался тихо на бабулю Алекс, проходя в подъезд следом за невестой.

Старушка закивала:

— И тебе здоровья. Привет от Люсеньки!

Глава 2

Горюнов не спал всю ночь. Этот противный тойтерьер постоянно лез к ним в кровать и Ирочка, не смотря на то, что еще в половине двенадцатого отдалась Алексу в страстном порыве, уже в начале первого предпочла Горюнову своего "бобика", впрочем, как и всегда.

— Милый, ему так одиноко, — сложила красotka губки бантиком. — Пусть поспит с нами!

Теперь это у них называлось "спать втроем"

Конечно, Алекс пытался разлучать Ирочку с собачкой, хотя бы по ночам, но все тщетно. Она не хотела расставаться со своим песиком на большее время, чем у них длился секс, а если вдруг Горюнов начинал на нее давить, Ирочка тут же становилась в стойку кобры и начинала шипеть:

— Ты мне не муж! Не имеешь права!

"Если дело только за этим"

Доведенный до отчаянья, Алексей был уже готов на все!

Итак, в один из вечеров, сразу после работы, Горюнов заехал в "Ювелирный" и полный мечтаний и надежд отправился на свидание с любимой Ирочкой.

— Опять эти пробки, — нервно бибикнул он зазевавшемуся на светофоре водителю. — Уснул что ли?

В салоне играло радио, и электронное табло показывала двадцать минут восьмого.

"Ох, и влетит же мне от Ирки за опоздание, — думал Горюнов, маневрируя между рядами. — Ей не моделью быть, а дрессировщицей!"

На переднем сидении лежали цветы и маленькая бархатная коробочка, и каждый раз, когда Алекс смотрел на нее, ему становилось немного тревожно. Когда-то он уже пытался сделать предложение одной девушке, которую безумно любил, но она так и не оценила его порыв, а, встав из-за столика, прямо посреди романтического ужина, без объяснений вышла из ресторана. Нет, она, конечно, этот свой поступок объяснила, но только потом и, звучало это примерно так:

"Прости, дорогой, но я не хочу надевать себе хомут на шею"

Между прочим, Алиса, так звали ту девушку, тоже была моделью. Так что диагноз Алексея Викторовича Горюнова, бизнесмена, владельца полиграфической фирмы, был налицо: любовь к красивым и длинноногим

Остановившись на светофоре в общем потоке машин, примерно в двадцати метрах от места назначенной встречи, Алексей вдруг увидел Ирочку. В руках ее была новая сумочка, с неизменным аксессуаром — Наполеоном!

Горюнов просто взвыл от бессилия:

— Я скоро из него сделаю торт!

Девушка-красавица стояла в легком платьице, с развевающимися на ветру волосами и

— Стоп! — скомандовал он себе. — А это что за хмырь? — наконец-то обратил он внимание на какого-то субъекта, переговаривающегося с ней из открытого окна автомобиля.

— Интересно, — напряг Горюнов зрение. — Что ему нужно?

Незнакомец вышел из машины и подошел к Ирочке. Алекс продолжил наблюдение. Этот хмырь явно не собирался отходить от его невесты. Мало того, она улыбалась ему, кокетливо поправляя растрепавшиеся пряди волос. Наполеон тоже оказался в центре всеобщего внимания и позволял себя гладиться непонятно кому.

Загорелся зеленый, и, припарковавшись к бордюру, Алексей решил позвонить своей благоверной:

— Привет! — продолжая наблюдать за невестой, поздоровался с ней Горюнов.

Алекс видел, как Ирочка замотала головой в поиски его машины:

— А ты где?

И кто его дернул соврать? Может, мужская интуиция?

— Да вот боюсь, что я совсем заработался Извини Я тебе позже перезвоню — и парень в раздражении нажал на сброс.

Но его невеста, видимо, не очень-то опечалилась. Она по-прежнему была бодра и весела с этим незнакомцем в джинсах и в бейсболке.

— И что я теперь буду делать? Сидеть и наблюдать, как какой-то параноик клеит мою девушку?

Алексей понимал, что это глупо, но ничего не мог с собой поделать. Какой-то непонятный страх снова оказаться обманутым приковал его, словно цепями, к сидению авто.

Ирочка и непонятно кто, продолжали о чем-то оживленно беседовать.

— Что-то он не похож на случайного прохожего? — парень чувствовал в себе просыпающийся азарт детектива и с нетерпением заерзал на месте. — О чем так можно долго говорить?

И вдруг незнакомец махнул в сторону своей машины, и Ирочка, кивнув ответно, поцокала за ним.

— Оба-на! — Алекс просто обалдел. — Она что, садится в его машину?

Горюнов уже хотел выскочить из своего "БМВ" и устроить публичный мордобой, но вдруг один случайный короткий взгляд на коробочку с обручальным кольцом, изменил ход его мыслей, и он снова взял в руки телефон:

— Алло, Ирочка, это снова я! — заговорил Алексей, еле сдерживая в голосе дрожь. — Я тут решил все бросить — и к тебе! Я мигом

Ирочка остановилась как вкопанная. Незнакомец сделал шаг в сторону.

"Ишь ты, вежливый какой"

— Знаешь что, дорогой, — вдруг замыкала Ирочка кошечкой, — если тебе нужно работать, то ничего страшного, можем встретиться завтра. — Жених нахмурился. — Я тут подружку встретила, так что

— Что-что? Подружку? — Алексею показалась, что у него начались слуховые галлюцинации. — Какую подружку? Это которая в джинсах и в бейсболке, в машину тебя к себе тащит?

От неожиданности Ирочка чуть не выронила из рук не только телефон, но и сумочку с Наполеоном:

— Ты где? Ты что, здесь? — Невеста принялась растерянно искать его глазами. — Я тебя не вижу

— Сейчас увидишь! — Алексей медленно покатиł вперед. — Я справа от тебя

Ира крутанулась вокруг своей оси и, увидев жениха, побледнела.

Остановив машину прямо напротив нее (и плевать он хотел на запрещающие знаки), Горелов взял букет, подарок и, сделав глубокий выдох, вышел из автомобиля.

— Я не думала, что ты приедешь, в общем Ты не так все понял, — пролепетала Ирочка, как только Алекс подошел к ней. — У него, — махнула она головой в сторону своего нового приятеля, — тоже тойтерьер, только девочка. Представляешь? Мы хотели договориться о случке!

— Ах, о случке Теперь это так называется! — сжимая коробочку в руке и еле сдерживаясь, чтобы не прибить всех разом, процедил сквозь зубы Алексей.

И тут девушка опустила глаза вниз, и увидела то, что предназначалось ей:

— Что это? — замерла она в недоумении. — Это мне? — И, взяв свободной рукою подарок, Ирочка приоткрыла коробочку: — Кольцо — выдохнула блондинка упавшим голосом. — Так ты что, действительно решил мне сделать предложение?

Незнакомец, который успел в момент их разговора уже отойти к машине, не выдержал и крикнул в их сторону:

— Ирочка, так вы едете со мной?

Ирочка вздрогнула, хлопнула крышкой коробочки и, вернув ее Алексу, сказала:

— Дорогой, это Петр

— Здравсте, — вальяжно отозвался тот тип. Горюнов промолчал. — Это что, твой парень? Ты же сказала, он не приедет?

— Как видите, я приехал! — огрызнулся жених и вдруг решительным шагом направился к Петру.

— Эй, мужик, ты че? — испугался тот. — Если ты ее парень, то

— Теперь ты ее парень! Поздравляю! — и Алекс сунул ошарашенному сопернику в руки букет цветов. — Желаю счастья вам и вашим собакам! — Горюнов бросил прощальный взгляд на совершенно растерянную Ирочку и пошел к своей машине.

P/S (от автора) Только кто бы мог подумать, что буквально через пару дней, Горюнов обнаружит в багажнике своего "БМВ" знакомый ему труп...

Анна и Сергей Литвиновы

Ревность

Частный бизнес погибал. Детективное агентство (квалифицированные специалисты, индивидуальный подход!) дышало на ладан. Настроение было ни к черту.

Клиенты как сквозь землю провалились. За весь декабрь – ни одного. (Поиск кота – счастливая хозяйка заплатила сто долларов – не в счет.)

Зарплату сотрудникам я как дурак платил из собственного кармана. Оттуда же брал деньги на оплату телефона и Интернета. И с оптимизмом бывшего комсомольца надеялся, что в новом году дела пойдут порезвее.

Но в канун католического Рождества меня вызвал Гордиенко, замдиректора нашего тухлого НИИ.

Я с порога поздравил его с «наступающими» (две «кристалловских» в непрозрачном пакете). Гордиенко ловко поместил подарок под стол. А вместо «спасибо» гнусно улыбнулся и заявил:

– Я вас, Павел Сергеевич, с Новым годом не поздравляю. Потому что новости у меня совсем не праздничные. Мы посоветались и постановили: теперь наш институт проводит политику из-бав-ле-ния от мелких арендаторов. То бишь, Павел Сергеевич, от вас.

Крупным арендатором меня действительно не назвать: мы с секретаршей Римкой занимаем две крошечные смежные комнатенки – ее предбанник и мой кабинет.

Я хладнокровно спросил:

– И чем же мы вам насолили, что вы от нас из-бав-ля-етесь?

Гордиенко принялся загибать пальцы:

– Денег с вас – кот наплакал (двести долларов в кассу и сто – лично ему в карман, ежемесячно). А хлопот – не по чину. Посетители к вам ходят, коридор топчут – раз. Подчиняться стандартному графику и работать с девяти до пяти вы не желаете – два. И электричества своим компьютером жжете больше, чем весь НИИ (местные инженеры компьютерами не пользовались – работали по старинке, на кульманах).

Я вздохнул и склонил голову, признавая поражение. Придется раскошелиться.

– Ну что ж... Давайте обсудим разумное вознаграждение... За ваши дополнительные хлопоты.

Гордиенко, нахал, отмахнулся:

– Да что с вас возьмешь? Лишние сто баксов? Говорю же, речь идет о принципиальных изменениях. Мелкие арендаторы нам не нужны. В принципе. Вот если вы готовы снять целый этаж – тогда присаживайтесь поудобней, я готов этот вопрос обсудить...

Этаж в нашем НИИ на выселках мне совершенно не нужен. А из родных комнатенок, значит, выгоняют... Ну и черт с ним, с этим убогим райончиком. Найдем что-нибудь получше. И подешевле.

– Когда нужно съехать? – пожал я плечами.

Гордиенко кровожадно улыбнулся:

– А к Новому году, к Новому году, Павел Сергеевич. Чтоб с очередным договором аренды не возиться, бумагу зря не марать.

– Ну нет. Так дела не делаются, – возмутился я. – Вы, между прочим, закон нарушаете.

– Да ну? – издевательски улыбнулся Гордиенко.

Я не сдавался:

– А вы возьмите договор аренды и прочитайте: НИИ обязан меня уведомить как минимум за три месяца. Чтобы мы могли спокойно подыскать себе новый офис.

– Хорошо. Уведомляю. Подыскивайте. Только с Нового года ваше помещение будет стоить... – Гордиенко помялся, – пятьсот плюс триста.

– В три раза дороже?

– А не нравится, – заржал Гордиенко, – как говорится, милости прошу вон! Прямо сейчас!

Очевидно, что до Нового года отыскать офис нам не светило. А временно развозить мебель по квартирам – своей и Римкиной – было попросту несолидно. «На январь остаемся», – решил я.

Выдал алчному Гордиенко восемь зеленых сотен.

И вошел в новый год не просто должником, а полным банкротом.

– Всеобщие праздники нас не касаются, – грозно сказал я Римке. – Начинаем работать с третьего января.

– А нас сюда пустят? – усомнилась секретарша.

В холле действительно висел красивый приказ: всему составу НИИ разрешили веселиться аж до старого Нового года. Правда, без сохранения содержания.

– Обязаны пустить, – нахмурился я. – Мы им такую аренду платим – вообще должны ковровую дорожку стелить.

Римка хмыкнула. На ее бесхитростной мордашке я прочитал: «Да хоть и ковер постели – все равно клиентов у тебя нету! И вряд ли они появятся – особенно третьего января...»

Но вслух она сказала:

– Хорошо, я приду.

* * *

Третьего января я был на месте в десять ноль три. Римка, как обычно, опаздывала.

Включил чайник (вода в нем осталась еще с прошлого года), опустился в кожаное кресло (эх, зачем я когда-то выбросил на него целую штуку баксов?!) и мрачно задумался.

Судя по всему, с частным бизнесом придется заканчивать. Закрывать контору, увольнять Римку и милую пожилую бухгалтершу... И рассылать резюме по крупным охранным агентствам. Снова идти под начальника, под его дурное настроение, под жесткий график... «Зато хоть зарплату регулярно будут платить», – утешал я себя. Но на душе все равно было паршиво.

Чайник закипел, щелкнул. Одновременно с этим зазвонил телефон. Я автоматически взглянул на часы: девять минут одиннадцатого. Наверняка это Римка: предупреждает, что задерживается.

Я снял трубку.

– Детективное агентство. Представьтесь, изложите суть дела.

Римка давно пыталась обучать меня «секретарской этике»: мол, по телефону надо говорить сладко-сахарно. Я же – коль приходилось самому выполнять роль секретаря – предпочитал звучать грозно. Как мой друг Вася Перепелкин из УВД.

В трубке молчали. Значит, звонит не Римка – та бы уже давно расхохоталась.

Я слегка сбавил тон:

– Детективное агентство. Чем могу вам помочь?

– Я... я хотела бы... в общем, мне нужны ваши детективные услуги, – прошелестел неуверенный женский голос.

– Какого рода?

– Что значит – какого рода? – еще больше смешалась дамочка.

Да, по телефону я разговаривать не умею.

– В чем ваша проблема?

– Ну... мне нужно проследить за мужем.

Обычно мы не вели дела с ревнивыми дамочками. Не наш профиль. Но сейчас я взглянул на бумажку, где вел учет доходов-расходов, и вздохнул:

– Приезжайте.

Клиентка явилась быстро. Уже через полчаса мне звонила вахтерша:

– Павел Сергеевич? К вам тут гостя. Только я ее без пропуска не пущу.

Еще одна новация проклятого Гордиенко: «*Все арендаторы обязаны заблаговременно предоставить в администрацию НИИ списки посетителей на текущую неделю*». Мои доводы о незапланированных, срочных встречах Гордиенко решительно отменил.

– Сейчас будет вам пропуск, – буркнул я и помчался на вахту.

Пропуском послужила шоколадка из Римкиных запасов.

– Режимное предприятие, – извинился я перед клиенткой.

Та скептически оглядела обшарпанное фойе и скривила губки. Ее норковая шуба и бриллианты в ушах смотрелись в нашем НИИ слегка неуместно.

Впрочем, мой кабинет с кожаным креслом, кажется, произвел на клиентку впечатление. Она удобно раскинулась на мягком гостевом стуле, внимательно разглядела мои дипломы-грамоты, для понтов развешанные по стенам. А тут и Римка явилась. Просунулась в дверь, подобострастно спросила:

– Чай, кофе? Минеральную воду?

– Эспрессо. Двойной, – надменно попросила клиентка.

– Будет исполнено, – вытянулась Римка.

А я мысленно похвалил себя, что в свое время приобрел кофеварку.

И приступил к делу:

– Ну, рассказывайте. Во-первых, как вас зовут?

– Ирэна Викторовна.

– И работаете вы...

– Господи, какая разница, где я работаю! На работе у меня все в порядке. Проблема – с моим мужем.

Проблема, по словам клиентки, состояла в следующем.

В конце ноября (время беспросветных ледяных дождей) ее муж вдруг решил вести здоровый образ жизни: «Раньше с работы придет – и на диван, а тут вдруг кроссовки купил, спортивный костюм от Таччини и говорит: перед ужином бегать буду. Каждый вечер – по пять километров».

– Муж у меня... – Ирэна Викторовна слегка замялась, – э-э, такой чудачок. У него вечно в голове идеи – одна другой хлеще. То берется китайский язык учить, то старинные автомобили реставрирует. Впрочем, хватает его всегда ненадолго. Я уже привыкла, никогда ему не перечу. Ну и тут – посмеялась и говорю: да бегай себе, мне-то что?

– А вместе бегать он вам не предлагал? – встрял я.

Ирэна Викторовна дернула плечом:

– Я хожу в фитнес-клуб. Три раза в неделю. Да и потом, ноябрь ведь! Дожди, слякоть!

Я промолчал.

– Ну, и начал он бегать. Каждый вечер, с семи до восьми. Возвращался весь мокрый, кроссовки в грязище. Сначала я думала – на два дня его хватит. Тут и снег еще выпал, похолодало... Нет, бегают. Одну неделю, другую... Похорошел, построил.

– Так, и в чем же проблема? – не вытерпел я.

Ирэна Викторовна вздохнула:

– Проблема в том, что сначала он усыпил мою бдительность. А теперь под видом своих пробежек ходит к любовнице!

– Почему вы так решили?

– По двум причинам. Во-первых, я не доверяю домработнице стирать дорогие вещи. А спортивный костюм у него дорогой. И раньше его приходилось стирать чуть ли не ежедневно. А тут беру и вижу: свежий! Ни грязинки, ни запаха. Хотя бегал, каждый вечер, негодяй, бегал.

Ирэна Викторовна всхлипнула. Кажется, она ждала утешений. Но утешать женщин я не умел. Потому спросил:

– А какова же вторая причина?

– Вчера я за ним проследила, – вздохнула она. – Вышла следом за ним из подъезда. И никуда он, конечно, не побежал. Не спеша дошел до соседнего дома. Зашел в подъезд. Сел в лифт. И вышел на шестом этаже.

– Откуда вы знаете, что именно на шестом? – удивился я.

Ирэна Викторовна всхлипнула:

– Я... я бежала за ним. За лифтом...

– Может, вы видели, кто отпирал ему дверь?

– Нет. Я осталась между этажами.

– Чьи-нибудь голоса слышали?

– Да нет же! – начала раздражаться она. – Я считаю, что каждым делом должен заниматься специалист. Следить, выяснять – это ведь не моя работа! Да и зачем мне братья за то, чего я не умею? Верно?

– Верно, – вздохнул я. Но все же не удержался от вопроса: – Но, может быть, вам стоило... просто спросить вашего мужа? Спросить напрямую?

Ирэна Викторовна посмотрела на меня с жалостью:

– Я никогда и никого не обвиняю. До тех пор, пока не соберу доказательств. А доказательства мне представите вы. – Она принялась загибать пальцы. – Во-первых, ее имя-фамилия. Во-вторых, адрес. Ну и желательно фотографии. Или аудиозапись. Ваша контора способна оказать такого рода услуги?

– Наша контора способна на все, – пробурчал я. – Две тысячи. Долларов. – А про себя добавил: «На аренду мне теперь точно хватит. Как, впрочем, и на зарплату».

Ирэна Викторовна не торговалась. Мне осталось только получить деньги, фотографию мужа, а также почти полный адрес любовницы: улица Металлургов, дом 40, подъезд 1. После чего я проводил Ирэну Викторовну к выходу, к шикарной «Ауди-А4», и вернулся в контору.

На рабочем столе меня ждала фотография: грустный муж. Уголки рта скорбно опущены, глаза печальные.

«К кому же ты бегаешь, а?» – спросил я и вызвал программу «Адрес Москва».

Через три минуты я уже разглядывал распечатку. Право слово, Ирэна Викторовна могла бы справиться с подобным делом и сама. Но что поделаешь, если обеспеченным людям некуда девать деньги...

На шестом этаже искомого дома располагались три квартиры. В них, соответственно, проживали:

Квартира шестнадцатъ. Лунченко Анастасия Михайловна, семьдесят восемь лет, Лунченко Елена Александровна, пятьдесят девять лет.

Судя по всему, мать и незамужняя (разведенная) дочь.

Квартира семнадцатъ. Семенюк Евгений Поликарпович, шестьдесят девять лет.

И наконец.

Квартира восемнадцатъ. Митькова Наталья Андреевна, двадцать шесть лет.

Несложно догадаться, куда бегают блудный муж.

Но на всякий случай – работать так работать! – я велел Римке:

– Сегодня домой пораньше не мылся. Будет сверхурочная работа.

– А сверхурочные выплаты будут? – нахально спросила секретарша.

– Но-но, – цыкнул я. – Кто сегодня весь день в «Колобок» сражался? Вместо того чтобы с архивами разобратся?

Римка сникла. Она думает, что я из своего кабинета не слышу отвратительных звуков, которые издают монстры, пожирая несчастного Колобка.

– Ладно, поработаю, – вздохнула она. И предупредила: – Только проституткой наряжаться не буду.

Я удивился:

– А с чего ты решила?..

Римка презрительно сощурила глазки:

– Ну эта, клиентка... она же мужа заказала отслеживать. Ведь так?

– Так, так, – вздохнул я. Иногда Римма отличается удивительной сообразительностью. Или просто подслушивает под дверью.

– Ну, – триумфально продолжала секретарша, – значит, она хочет под него девку подложить! И посмотреть, что будет!

– Нет, никуда подкладывать я тебя не буду, – успокоил я. – Задача попроще. Короче. У этой дамочки действительно загулял муж. Под предлогом вечерней пробежки ходит в соседний дом. В одну из трех квартир на шестом этаже. Твоя задача – выяснить, в какую именно. К девятнадцати ноль-ноль будешь стоять у подъезда. Дождешься, пока подойдет муж. Вот его фотография...

– Какой уродец! – отреагировала Римка.

Я продолжил:

– Вместе с ним зайдешь в подъезд. Скажешь, что тебе на седьмой этаж. Он, соответственно, выйдет на шестом. Ну а ты заводишься в лифте и проследи, в какую из квартир он позвонит. Ясна задача? Справишься?

– Делов-то, – фыркнула Римка.

– Ладно, не расслабляйся, – нахмурился я. – В девятнадцать тридцать, не позже, жду твоего звонка.

Римка позвонила даже раньше. Деловым тоном сообщила:

– Он пришел в шестнадцатую квартиру.

В шестнадцатую?!

– И кто же ему открыл? – спокойно спросил я.

Римка фыркнула:

– Какая-то бабка.

– Что значит – бабка? – раскипятился я. Малолетняя Римка и женщину лет тридцати готова записать в бабки.

– Ну, конкретная бабка! С морщинами, вся седая! И сыночком его назвала!

Я ошалело вернул трубку на рычаг. Кажется, дело запутывалось.

Шестнадцатая квартира. Две женщины: просто пожилая и старая. И муж Ирэны Викторовны, которого одна из бабулек называет сыночком...

На следующее утро я сделал с десяток телефонных звонков и наконец вышел на участкового, отвечавшего за сороковой дом. Участковый, судя по голосу, усталый и похмельный, ничего не имел против пива после работы.

– Пива я подвезу. Ящик! Любого, какого скажешь! – поклялся я. – Только можно информацию вперед?

Впрочем, никакой стоящей информации ментяра мне не сообщил. Старшая бабка – вдова, младшая – разведенка. На средний класс не тянут, живут плоховато. Зато тихо, без хулиганств и загулов.

– А какие-то родственники у них есть?

– Бес его знает, – вздохнул участковый. – Бывший муж вроде бы не показывается, а детей у них и не

было. Ну а насчет тетек-дядек всяких – извини, не в моей компетенции.

Интересно, зачем же «моему» мужу бегать к двум разведенным теткам? Бегать, судя по всему, каждый вечер? Или Римка все-таки что-то путает?

...Ровно в семь я стоял у искомого подъезда. Задумчиво курил, ждал мужа. Тот явился в начале восьмого. Выглядел он еще печальнее, чем на фотографии. Бросил на меня рассеянный взгляд. Мы вместе вошли в лифт. Он вежливо спросил:

– Вам какой?

– Седьмой.

– Мне ниже. – Муж вдавил кнопку шестого этажа.

И действительно, на шестом вышел. Только звонил он отнюдь не в шестнадцатую квартиру, не к старушкам. И не к молодой гражданке Митьковой, не в восемнадцатую.

Муж нажал кнопку звонка средней квартиры. Той, где проживал некто Семенюк Евгений Поликарпович, 69 лет от роду.

И снова я услышал:

– Здравствуй, сынок, наконец-то! Проходи!

Дело запуталось окончательно.

* * *

Я долго бродил по ледяным улицам. Думал, прикидывал, строил предположения... Но, похоже, напрасно надеялся, что свежий воздух прояснит мне мозги. Идеи приходили самые завиральные. Муж – шпион? Наркокурьер? Или, наоборот, альтруист, безвозмездно помогающий малообеспеченным пенсионерам?

Ерунда. Все ерунда.

Поземка злобно била в лицо, ноги заledenели, душу холодили тревога и запоздалое раскаяние: эх, зря я уже поделил полученные от клиентки две тысячи долларов. Рано начал прикидывать, на что их потрачу... Похоже, раскрыть дельце будет совсем не просто. А то и вовсе не по зубам окажется. Или у меня информации пока мало?

Да, нужно побольше узнать – и о моей заказчице, и о ее муже. И о пенсионерах, к которым бегает супруг.

Я тоже хорош, болван: думал влегкую сыграть. Клиентку опросил по минимуму. Только и получил с нее – фотографию мужа да почти полный адрес любовницы, которая на самом деле вовсе и не любовница... А, ну еще свой она мне адрес сказала... Где-то, кстати, совсем рядом они живут. Интересно, где?

Повинуясь непонятному инстинкту, я прошелся по неприветливой улице Metallургов. Забрел я, к счастью, недалеко и в искомый двор вернулся быстро. Вот он, сороковой дом, где живут загадочные пенсионеры. А вот и сорок третий – жилище заказчицы. Прямо напротив сорокового.

В голове робко забрезжила разгадка... Так-так... Ирэна Викторовна, кажется, упомянула, что их квартира – ага, двадцатая. Тоже, стало быть, в первом подъезде. На седьмом этаже.

Я без труда вскрыл допотопный домофонный замок и прошел в подъезд заказчицы. И понял: ее окна – как раз напротив окон пенсионера из семнадцатой квартиры! Их разделяют всего-то метров сто двора и пара чахлах берез! А занавески, интересно, у Ирэны Викторовны задернуты?

Я скатился во двор и задрал голову. Без труда разглядел: тюль на окнах прикрыт только наполовину, а плотных портьер нет и вовсе. Даже снизу видны край массивного телика, антикварное бра, угловатый бок шкафа... Больше ничего не просматривается, но при наличии даже самого захудалого бинокля...

Перед глазами всплыла фотокарточка мужа: затравленный взгляд, вялый рот... Этот хорек что, тоже за ней следит?!

* * *

Через минуту я уже звонил в квартиру пенсионера.

– Евгений Поликарпович? – строго спросил я. И, нарушая закон, помахал перед носом пенсионера фальшивой красной книжицей: – Старший уполномоченный Синичкин. Разрешите войти?

Дед – кажется, он испугался – проблеял:

– Да-да, конечно... Проходите.

Я уверенным шагом двинулся в единственную комнату. Дед слабой грудью перегородил мне дорогу, заискивающе предложил:

– Пойдемте лучше на кухню! Чайку, коньячку...

– При исполнении, – сухо сказал я. И легко сдвинул препону в виде хрупкой фигурки деда.

Подзорная труба располагалась на самом видном месте – у единственного окна. Ее окуляр был направлен, разумеется, на дом номер сорок три.

– Так, – грозно произнес я. – А ведь это статья, дедушка! Вмешательство в частную жизнь. Срок наказания от...

Дед задрожал, запричитал, перебил меня:

– Я... я астроном! Я смотрю на звезды!

– Евгений Поликарпович, – вздохнул я, – давайте не будем усугублять ситуацию. Звезд отсюда не видно. А вот квартира Ирэны Викторовны прекрасно просматривается... Так что советую вам искренне, как друг. Чистосердечное признание – и на душе сразу станет легче.

И несчастный дед раскололся. Речь его получилась длинной и путаной. Он долго разорялся на тему, какой муж умница, и как он любит Ирэну Викторовну, и как волнуется за нее, и как ревнует...

– А она, – в словах деда сквозило неодобрение, – совсем не ценит его любовь. Насмехается над тем, что он всего лишь ученый и получает гроши... Ей нужны другие мужчины, на «Мерседесах»... Они часто привозят ее домой... Вот мы и решили – то есть ее муж решил: сначала выработать привычку бегать – каждый день, в определенное время. А потом, когда супруга к его пробежкам привыкнет, – посмотреть, чем она занимается в его отсутствие...

Плечи старика поникли.

– Ну что ж, давайте, кстати, посмотрим, – предложил я. – Заодно и проверим вашу аппаратуру.

Я без приглашения подошел к подзорной трубе.

Квартира Ирэны Викторовны просматривалась изумительно. Я еле удержался, чтоб не присвистнуть – настолько четко все было видно. И подозвал пенсионера.

– Ну-ка, Евгений Поликарпович, взгляните...

Дед сменил меня у окуляров и через пару секунд со стоном опустился на пол.

– Это она, она! – хрипло повторял он.

Я тоже прекрасно узнал свою заказчицу, Ирэну Викторовну.

Она лежала в гостиной на полу, на роскошном ковре. Под ее головой отчетливо просматривалось озерцо крови...

* * *

Мои показания обеспечили мужу как минимум «пятнашку».

Приехала опергруппа. Возглавлял ее мой приятель из ОВД Вася Перепелкин.

– Опять ты в самой гуще! – досадливо проворчал он.

– Дурачок! – ласково парировал я. – Да с моими показаниями тебе вообще ничего делать не надо!

И я рассказал Васе про визит Ирэны Викторовны. Про то, как женщину обеспокоили вечерние пробежки мужа. Про то, что она поручила мне выяснить, к кому он бежит. И про то, как я сначала зашел в тупик, а потом блистательно раскрыл это дело.

Довольный Вася только кивал.

– Складно, складно болтаешь... Одного я не понимаю. Зачем он в шестнадцатую-то квартиру ходил? Или твоя секретарша чего напутала?

Я пожал плечами:

– Нет, он правда туда ходил. Там две бабки живут. Одни, без мужчин. Семенюк утверждает, что муж помогал им карниз прибивать.

Вася тут же парировал:

– Странное занятие для снайпера.

– А он и не снайпер, – хмыкнул я. – Он дилетант. И недоумок. Очень грубо сработал. Грубее и не придумаешь.

– Так нам же оно и лучше! – хохотнул Вася. – Ладно, Синичкин. Отдыхай.

И я ушел отдыхать. Вернулся домой и тут же завалился в койку.

Когда засыпал, перед глазами проплыла печальная физиономия мужа. Глаза смотрели скорбно, уголки губ печально опущены. Казалось, он растерянно спрашивает: «Ну как вы могли?! Это не я!»

Я строго ответил видению:

– Ты, ты, голубчик. Думал наследство хватануть, а не вышло!

И провалился в сон.

Снился мне новый офис – двух тысяч, полученных от Ирэны Викторовны, хватит надолго.

...Впрочем, часть гонорара пришлось потратить на менее важные вещи.

На следующий день мне позвонил Перепелкин. Сказал в телеграфном стиле:

– Освобожусь в шесть. Без руля. Не обедал.

Отказать голодному Васе значило как минимум лишиться лицензии на детективную деятельность. И я покорно сказал:

– Пойдем в «Дрова». Там хавчик – съешь сколько влезет.

А качество хавчика Васю никогда особо не волновало.

В «Дровах» Вася выбрал самую большую тарелку. Перемешал корейскую морковку с селедкой и свиным рубцом. Тянул добрый стопарик, заел огурчиком, накинулся на еду. Я вяло жевал невкусные пирожки, водку хлебал по глотку и терпеливо ждал, пока Перепелкин утолит первый голод.

Ждать пришлось долго. Наконец Вася откинулся над пирогом с вязигой и сообщил:

– Не колется твой муж. И так с ним, и сяк – на своем стоит. Говорит, только следил, а убивать – это никогда, ему без нее жизни нет. Ирочка, мол, единственный свет в окошке. Всю ночь рыдал, спать людям мешал. Сокамерники ему по зубам надавали.

– Артист, – пожал я плечами.

– Семенюк тоже не колется, – продолжал Вася. – Что следили – признался. Трубу свою подозрную сдал.

А про убийство молчит.

– Ну и молодец. Не хочет соучастником идти.

– А он и не соучастник. – Вася снова хватанул водочки и приступил к пирогу с вязигой. – Эксперты сказали, что стреляли, скорей всего, не с шестого, а с чердака.

– Да ну! – я аж водкой поперхнулся.

– Вот тебе и ну. – Вася налил себе еще стопку. – Проверили чердак. Картина маслом: свежие следы, открытое окно. И самая песня – винтовочка... Новенькая, чистенькая, нигде не светилась. Два выстрела. Оба в цель.

– А отпечатки?

– Обижаешь. Ни одного. Даже следов – и тех не установили. Убийца, судя по всему, шел в целлофановых бахилах, какие посетителям больниц выдают.

– Значит, муж хитрей, чем казался. Вышел от Семенюка и отправился на чердак. Два выстрела – это пять минут. А Семенюк подтвердил его алиби.

– Складно, – похвалил Перепелкин. – Только тут еще соседка нарисовалась. Ну та, из шестнадцатой квартиры. Которой он карниз прибивал. Заявила, что видела в подъезде незнакомого человека. Вчера, около семи вечера. Говорит, поднимался он пешком и пытался прятать лицо. Но она его все равно хорошо разглядела. Фоторобот составили.

– Покрывает мужа, – нахмурился я. – И фантазирует.

А Вася только руками развел:

– Покрывает – не покрывает, а мы на всякий случай начали рабочие связи этой Ирэны разрабатывать. Выяснять, что у нее за бизнес, с кем ссорилась, кому дорожку перешла...

Он снова сходил к стойке и притащил себе очередную порцию резиновых пирожков. Я подозвал официантку и попросил еще водки. Девушка просияла: спиртное здесь стоило по-королевски, наверно, дороже, чем в «Метрополе».

– А завещание у нее было? – спросил я.

– Было, – кивнул Вася. – Могу процитировать: *«Хочу особо подчеркнуть: единственный наследник – это мой муж. Любые претензии со стороны остальных моих родственников прошу считать неправомерными».*

– А ты, значит, будешь искать врагов у нее на работе! – хмыкнул я.

– Придется, – вздохнул Перепелкин.

* * *

...Труп исполнителя нашли в Лосиноостровском парке тем же вечером. Он был убит единственным выстрелом в голову.

По приметам убитый походил на фоторобот, составленный со слов старушки из шестнадцатой квартиры.

Бабке предложили проехаться в морг. Та охотно согласилась и уверенно опознала убийцу в ряду схожих по половозрастным характеристикам тел.

Перепелкин форсировал поиски заказчика. Выяснилось, что не так давно Ирэна Викторовна «проглотила» небольшую фирмочку, а ее бывшего президента выставила вон с волчьим билетом. Президент же – сначала ему обещали место в совете директоров – принес публичную клятву мести.

Сейчас искали и его, и еще пару-тройку людей, обиженных Ирэной Викторовной.

Оказалось, что моя заказчица в средствах не стеснялась. «Кидала» партнеров по бизнесу как могла. То вставляла в договор еле видимое глазу грабительское примечание, то «крутила» чужие деньги...

– Зарабатывала, короче, мужу на новые носки, – прокомментировал Вася. И со вздохом добавил: – В общем, заказчика мы найдем. Может быть. А мужа придется выпускать.

* * *

Едва выйдя из СИЗО, муж явился ко мне в агентство. Я стыдливо прикрыл рекламные проспекты с фотографиями офисных помещений. Мелькнула трусливая мыслишка: «Может, он свои деньги хочет обратно потребовать?»

Но муж никаких претензий не высказывал.

Он грустно притулился на краешке стула, отказался от кофе и жалобно попросил:

– Пожалуйста, Павел Сергеевич... Расскажите, что она вам говорила?

Его глаза заблестели. Он извинился, извлек из кармана платок в крупную клетку, смахнул слезинки...

Проговорил чуть не шепотом:

– Я любил ее! Я так ее любил! И так боялся потерять... Ведь кто я – ноль! Ученый с крошечным окладом! А она... она занималась серьезным бизнесом. И ее постоянно окружали мужчины. Много красивых, состоятельных, уверенных в себе мужчин!

– А Ирэна Викторовна вас тоже любила? – перебил его я.

– Любила? Не знаю... Я так на это надеялся. Хотел бы надеяться. Она называла меня *бельчком*. Говорила, что я – ее уютный бельчонок. И очень любила, когда я перед сном ее укрывал и гладил по голове...

– Раз она ревновала вас – значит, тоже любила, – утешил его я.

– Вы думаете? – расцвел несчастный муж. – Спасибо! Спасибо вам, Павел Сергеевич!

Странно было слышать такие слова от человека, который по моей милости два дня просидел в СИЗО, получил от сокамерников по зубам и едва не пошел по статье за убийство...

Муж еще долго рассказывал мне, какой замечательной была его Ирэна. Как она вкусно готовила, «если вдруг выходило окошко в ее делах». Какие дельные советы давала, когда он рассказывал ей об интригах в родном университете. Какой была стройной, и легкой, и ясноглазой...

Я еле дождался, пока он наконец выговорится и отправится восвояси.

– Спасибо еще раз, Павел Сергеевич, – пролепетал он и, волоча ноги, побрел к входной двери.

Рядом с дверью висело зеркало. Муж мельком взглянул в него, и я перехватил его взгляд.

Скорбно опущенные уголки губ распрямились. Печаль из глаз исчезла. Теперь они сияли торжествующими искрами. А лицо кривила довольная ухмылка победителя.

Лицо мужа вопило, орало, кричало: «Я сделал это! Я победил! И теперь я богат и независим!»

Впрочем, он тут же отвернулся от зеркала. Задержался на пороге и снова обернулся ко мне: печальный, с потухшими глазами, в грошовом костюмчике – вылитый Корейко из «Золотого тельника». Грустно сказал:

– Я очень надеюсь, что милиция найдет того, кто *ее* заказал.

– Я тоже надеюсь, – с нажимом ответил я.

Муж не разобрал намека в моих словах.

И ушел – сутулясь и шаркая, словно настоящий подпольный миллионер.

Елена Михалкова

Черная кошка в белой комнате

Маша открыла дверь своим ключом, и до нее донеслись голоса из комнаты. Макар что-то размеренно объяснял, время от времени его прерывал низкий голос Сергея.

– ...потому что правилами это запрещено, – услышала она обрывок фразы перед тем, как заглянула в гостиную, где ее муж и Макар Илюшин сидели перед доской с нардами, один с напряженным выражением лица, другой с беспечным.

– Машка! – Сергей вскочил, заметив жену. – Я и не услышал, как ты вошла.

– Привет! – Она чмокнула мужа в щеку, с облегчением опустилась в кресло и вытянула ноги, уставшие от тувель. – Наконец-то я дома... Макар, ты его обыграл?

– Если бы! – отозвался тот, ухмыляясь. – Пытаюсь для начала объяснить ему правила. Как вечеринка, Маш?

Она покачала головой.

– Даже не знаю, что ответить. Я боялась худшего, но все прошло неплохо. Если не считать...

Она замолчала, глядя на доску, на которой были расставлены синие и зеленые камешки, взятые из ее вазы.

– Камешки вернем, – заторопился Сергей. – Ты не договорила. Если не считать – чего?

– Загадки, – ответила Маша, отводя взгляд от камешков. – Одной простой загадки. Ерунда, конечно, но ее никто не отгадал.

– Что за загадка? – заинтересовался Илюшин. – Кто такой маленький, серенький, на слона похож?

– Нет. – Маша невольно рассмеялась. – Кстати, кто это?

– Не скажу. Сначала твоя загадка.

– Загадка такая... – медленно протянула она. – Человек зашел в пустую комнату, держа в руке толстую тетрадь. Провел там десять минут. Затем вышел, но тетради при нем уже не было. И в комнате ее не нашли. Вопрос – где была тетрадь?

Макар с Сергеем переглянулись.

– Я думал, у тебя настоящая загадка... – разочарованно протянул Сергей. – Хочешь, я тридцать тетрадей спрячу в нашей комнате, и ты ни одну не найдешь?

– Нет, ты не понял. Комната была совершенно пустой. Только стены, и еще...

– И еще?

– И еще рулон обоев вдоль одной стены, и старый трельяж возле другой. Даже не старый, а старинный. Но в нем ничего не было, мы его тщательно осмотрели...

Маша замялась, провела тонкими пальцами по вискам.

– Я и в самом деле не могу понять, куда можно было спрятать тетрадь в пустой комнате, – призналась она, поднимая на мужа серые глаза. – Не поверишь – думала об этом все дорогу. И не могу перестать думать до сих пор. И ведь спор-то глупый, детский...

– Значит, был спор?

– Да... Что-то вроде пари...

– Знаешь, Машка... – Сергей решительно захлопнул доску, и камешки загромыхали внутри. – Расскажи все сначала. Макар, ты не против?

– Нет, мне тоже интересно. В нарды я тебя успею обыграть.

Маша внимательно посмотрела на обоих, убедилась, что они не шутят, и сказала:

– Вечеринка была у Гроздевых. Они своеобразные люди...

Вечеринка была у Гроздевых. Их считали своеобразными людьми – конечно, исключительно из-за Алевтины Гроздевой, супруги Анатолия Ильича. Ее своеобразия хватало на двоих, и, пожалуй, даже к лучшему было, что Анатолий Ильич не претендовал на собственную оригинальность. «Моя жена вегетарианка, – любил цитировать он известный фильм, объясняя новые затеи супруги. – Это и меня в какой-то степени делает вегетарианцем. Помните, откуда это?»

Обычно никто не помнил.

Анатолий Ильич, сорокатылетний краснолицый мужчина, массивный, как перекормленный боров, был похож на мясника. Он действительно умел и любил разделявать мясо и держал в квартире для этой

цели несколько качественных дорогих ножей, к которым не допускал утонченную супругу. Впрочем, Алевтина Дмитриевна и не покушалась на ножи, равно как и на разделку мяса. Она была убежденной вегетарианкой. Анатолий же Ильич в противовес любимой цитате увлечение жены вегетарианством не только не разделял, но и всячески высмеивал и по вечерам с удовольствием демонстрировал ей собственноручно пожаренные бифштексы, из которых при надрезе вытекала розоватая жидкость. Когда он, шевеля мясистыми ноздрями, водил лицом над тарелкой, изображая экстаз, Алевтина презрительно морщилась и выходила в другую комнату. Анатолий Ильич, оставшись один, не торопясь съедал бифштекс, смакуя каждый кусочек, и не отказывал себе в удовольствии сытно рыгнуть, проходя мимо супруги. И, разумеется, извиниться с самым покаянным видом.

Роль страдалицы, вынужденной терпеть плебейские повадки супруга, Алевтина Дмитриевна играла безупречно. Номер с выходом «под бифштексы» Анатолий Ильич исполнял три раза в неделю, и три раза в неделю неподдельное искреннее удивление, сменяющееся брезгливостью, отражалось на лице его жены. А затем, когда супруг дефилировал мимо, демонстрируя всеми доступными способами удовлетворение от ужина, она утомленно прикрывала глаза на три секунды, и случись в эти три секунды рядом благодарный зритель, он оценил бы и страдальчески сведенные брови, и презрительно изогнутую нижнюю губу, и небрежный жест рукой: «Пшел вон, мужик».

Подруги деликатно сочувствовали Алевтине Дмитриевне. Но только вполголоса и только изредка, когда она сама поощряла намеком их сочувствие. Все знали, что Анатолий Ильич, бывший, как ни странно, вовсе не мясником, а партнером юридического агентства «Гроздев и Калугин», обеспечивает супругу и ее родителей, а также Алевтининого младшего брата с женой, живущих в другом городе. За это, полагали подруги, Анатолию можно простить и плебейство, и отказ исповедовать вегетарианство, и его грубоватые насмешки над супругой. К чести Алевтины стоит сказать, что она придерживалась такой же точки зрения.

Сама Алевтина Дмитриевна была женщиной утонченной. Ей нравилось, когда о ней так говорили, и для полного соответствия этому образу она постоянно сидела на диетах, добиваясь аристократической худобы. Собственно, причиной ее вегетарианства была исключительно забота о фигуре, и Анатолий Ильич, к ее большому огорчению, об этом догадывался: хотя Алевтина не оставляла попыток убедить его, что лишь переживание за животных заставляет ее отказываться от котлет, мясных супов и отбивных.

Выйдя замуж за Гроздева десять лет назад, она оставила нелюбимую работу и занялась тем, к чему у нее действительно лежала душа, – получением удовольствия от жизни. Занятие это, кажущееся на первый взгляд легким, на практике осваивают далеко не все. Но у Алевтины обнаружились способности. Она с удовольствием обустроивала квартиру, с удовольствием ухаживала за собой, с не меньшим удовольствием посещала театры, концерты и выставки и в целом вела ничем не отягощенную жизнь обеспеченной дамы, считающей себя интеллектуалкой.

Дом был обустроен с учетом ее требований, которые Анатолий называл капризами, а сама Алевтина – необходимыми условиями для комфортной жизни. Именно из-за них ее считали оригиналкой. Алевтина терпеть не могла технику в любом виде, начиная от микроволновых печей и заканчивая компьютерами, и настаивала на том, чтобы их не было в квартире. Машину ей приходилось терпеть как меньшее из зол, и со временем она даже научилась сносно ее водить. Но огромный плазменный телевизор, уродовавший гостиную, был спрятан за вращающейся панелью, стоившей едва ли не больше, чем сам телевизор.

– Все, что работает на электричестве, оказывает отрицательное воздействие на мозг, – объясняла Алевтина любопытствующим. – Я на себе неоднократно убеждалась. Почитайте рассказ Стивена Кинга «Баллада о гибкой пуле», он очень верно об этом написал.

Алевтина Дмитриевна не любила прогресс и не раз говорила, как хорошо было жить в восемнадцатом веке, когда не существовало современного технического безумия вокруг. В этом она не была бы оригинальной, если бы не следовала в жизни некоторым правилам: никогда не летала на самолетах, предпочитая поезд либо морское путешествие, упорно избегала современных материалов, в том числе в одежде, и даже писала не шариковой ручкой, а перьевой. Служить культу утонченного эстетизма рядом с мужем, который чавкал над бифштексами, было непросто, но Алевтина Дмитриевна держалась.

– Алька – чудачка, – говорила о ней Марина, одна из двух близких ее подруг. – Но она всегда такая была. И ведь идут же ей ее чудачества!

В этом Марина была права. Алевтине – высокой, гибкой, надменно-томной – шли ее чудачества. Возможно, именно привлеченный сочетанием старинной романтичности и хватки, и женился на ней в свое время Анатолий Ильич. Он ценил в жене то, что она не играла в декаданс, а искренне старалась жить им, и, грубовато подсмеиваясь над ней, в то же время соглашался прятать ноутбук в ящик, обитый специальным материалом, экранировавшим неведомо какое излучение.

Вечеринка, на которую пригласили Машу, была посвящена двум поводам сразу – переезду Гроздевых в

новую квартиру и дню рождения Алевтины. Первое для Гроздевой было куда важнее второго, потому что квартиру она подыскивала долго и тщательно. Обязательным условием был парк неподалеку – по утрам она любила гулять, во время прогулки сочиняя стихи.

Результатом ее поисков стала пятикомнатная квартира в новостройке возле одного из больших московских парков. Новостройки Алевтина тоже не любила, но расположение дома было таким удачным, что она смирилась. Квартиру не успели толком обставить, и одна из комнат стояла совершенно пустой, но решением Анатолия Ильича вечеринку не стали переносить.

– Пока ты, дорогая, обставляешь спальню, пройдет еще полгода, – прямо сказал он супруге. – Так что созывай, кого хочешь, но сейчас. Подходящего стола на кухню нет? А мы на чем едим? Что значит старый, неподходящий? Закрой скатеркой, будет подходящий.

Алевтина закатила глаза, но спорить с мужем не стала.

Вот потому новоселье у Гроздевых отмечали в полупустой квартире, а горшки с цветами, подаренные Алевтине (срезанные цветы она не любила, считала мертвыми), ставили на все свободные поверхности. В столовой Маша пару раз задела конусовидную темно-зеленую башенку, похожую на можжевеловый, и переставила ее на полку в коридоре, поборов в себе желание встать рядом и превратиться в какой-нибудь кактус, чтобы никто ее не замечал и не трогал.

С Алевтиной ее познакомила общая приятельница, и Гроздева, узнав, что Маша пишет стихи, тут же пригласила ее на новоселье. Маша не обольщалась по поводу того, что приглашение вызвано личной симпатией. Алевтина Дмитриевна хотела разбавить прозаичных гостей, большинство из которых были коллеги Анатолия Ильича, творческим человеком. «Вы же поэт, – улыбаясь, сказала она Маше. – Мне будет очень интересно поговорить с вами о поэзии, поверьте».

Маша не собиралась разговаривать с Алевтиной о поэзии, потому что терпеть не могла подобные разговоры. И сама она не считала себя поэтом. Маша писала исключительно стихи для детей, никогда не покушаясь на «взрослую» поэзию, но Алевтина не сочла нужным принять это во внимание. Пишет стихи? Пишет. Значит, поэт!

Маша сама не заметила, в какой момент ее так взяли в оборот утонченными руками, что отказаться стало невозможным, и вот неделю спустя была вынуждена улыбаться и делать «поэтическое лицо» перед гостями, сплошь незнакомыми, а также поддерживать интеллектуальную беседу.

Приглашенная компания быстро разбилась на две части. Во главе одной были Алевтина и Анатолий, в другой заразительно смеялся и рассыпал вокруг себя шуточки бывший партнер Гроздева, оставивший совместное дело пару месяцев назад, чтобы начать собственный бизнес, – Павел Калугин. Он был высокий, синеглазый, шумный, единственный из мужчин не в костюме, а в свободной рубашке навыпуск. Было в нем что-то пиратское. Маша мысленно закрыла Калугину левый глаз повязкой, посадила крикливого попугая ему на плечо и осталась довольна увиденным.

Уйдя из фирмы, Калугин отношений с Анатолием не испортил, и потому напряженности между ними не наблюдалось. Скорее уж, заметила Маша, она чувствовалась между супругами Гроздевыми. Высокая Алевтина в шелковом синем платье, прекрасно сидевшем на ее худощавой фигуре, ходила следом за мужем. А тот, переходя из комнаты в комнату, иронически комментировал затеи супруги «по декораторской части». В маленькой проходной комнатке, которую в будущем планировали использовать под библиотеку, он остановился над коробкой, в которой лежали книги и тетради, достал одну из них, начал о чем-то спорить с Алевтиной, которую поведение супруга окончательно вывело из себя...

И вот тут-то все и произошло.

Павел Калугин, к тому моменту дурачившийся вместе с остальной компанией, забежал в будущую библиотеку, быстро огляделся, с преувеличенным поклоном выхватил из рук Анатолия тетрадь и бросился, хохоча, удирать по коридору. Остальная компания с восторгом подхватила забаву, потому что разговоры Алевтины о поэзии сквозь сжатые зубы изрядно утомили изысканное общество. Общество, улюлюкая и свистя, помчалось догонять Калугина, благо в полупустых комнатах можно было не опасаться разбить ценную вазу или опрокинуть хрупкий стеклянный шкафчик.

– Маринка, загоняй его в библиотеку!

– Коля, слева, слева заходи!

– Ату его! Ату!

Спрятавшись в одной из комнат и переждав, пока вся компания проскочит мимо, Калугин пробежал по коридору обратно – мимо слегка опешившей Маши – и сшиб локтем переставленный ею цветок-башенку. Почти догнавшему его мужу Марины пришлось затормозить, на него налетели остальные, и в коридоре образовалась куча-мала.

– Не обращайтесь на них внимания, – посоветовала Алевтина Маше, выходя в коридор. – Павел у нас –

носитель вируса коллективного безумия. Кстати, куда он делся?

– Пусть тетрадь отдаст! – прогремел Анатолий, тщетно пытаясь перешагнуть через сидящих на полу людей. – Что за шутки?

«Пират» обнаружился возле закрытой двери. Прислонившись к стене, он небрежно помахивал тетрадью, на обложке которой была нарисована черная кошка. Дождавшись, пока все соберутся рядом, он объявил:

– Предлагаю пари! Давайте спорить, что я за пять минут спрячу тетрадь в комнате так, что вы ее не найдете! Нет, не за пять – за десять!

Пухлая маленькая Вика, приятельница Алевтины, подошла к двери, заглянула в комнату.

– Здесь почти ничего нет! – Голос ее гулко отдавался от стен. – Просто белая комната. Только трельяж какой-то старый.

– Не старый, а старинный, – возразила недовольно Алевтина. – Я все хочу его отреставрировать, да не успеваю.

Павел осторожно оттеснил Вику от двери.

– Не подглядывать! У меня есть одно место на примете, не хочу, чтобы его обнаружили раньше времени. Десять минут, все помнят?

Анатолий оценивающим взглядом окинул тетрадь, которую Калугин держал над головой.

– Некуда ее прятать, – уверенно сказал он.

– Ничего, я попробую.

– Рискнешь сотней?

– Сотней? Маловато. Давай на триста.

Гроздев довольно хохотнул, качнул лобастой головой.

– Сделаю я тебя, Павлуша, на триста зеленых. Может, передумаешь?

– Кто кого сделает – большой вопрос! Про десять минут не забыл, нет?

– А искать могут все?

– Те, кто согласится на пари.

Калугин усмехнулся, глядя на недоверчивое лицо бывшего партнера, обдумывавшего, где же в его предложении подвох. Комнату Анатолий помнил и был уверен, что толстую общую тетрадь в ней спрятать негде.

– А мы ведь тебя обыщем, когда ты выйдешь, – протянул он.

– Да пожалуйста.

Догадка о том, что собирается сделать с тетрадью Павел, мелькнула на лице Гроздева, и он подавил усмешку. «Думаешь, Пашка, что всех перехитришь?»

– Согласен, – решительно сказал он.

– И я тоже! – подал голос веселый кругленький человечек с не подходящим ему именем Рудольф.

– А дамы могут принять участие в пари?

– Разумеется, Оленька, зачем спрашивать?

– Тогда и я хочу!

– И я! Люблю искать спрятанное.

– Натренировались, наверное, на супруге – да, Ксения Ильинична?

– Ну тебя, Рудик! А ты ему не поддакивай!

Маша с улыбкой смотрела, как разгоряченные от выпивки и бега мужчины один за другим подключаются к пари, предложенному «пиратом». Женщины раздумывали дольше, но, в конце концов, двое согласились.

– По рукам! – объявил Павел. – Итак, господа, засекайте время! И не вздумайте подсматривать!

Он уже собирался скрыться за дверью, но тут Анатолий, подмигнув Маше, шагнул к нему и придержал дверь рукой.

– Не торопись, Павлуша! Сначала мне нужно кое-что включить...

Он быстрыми шагами подошел к подоконнику и почти сразу вернулся обратно. Плотно захлопнул дверь, и изнутри донесся тихий писк, быстро оборвавшийся. Анатолий расхохотался, не сдерживаясь и не беспокоясь о том, что его голос слышен в комнате.

– Что смешного? – нахмурившись, спросила Алевтина.

– Да то, что Пашка наверняка решил тетрадь из окна выкинуть. Окна-то на парк выходят, он думает, никто ее потом не найдет между деревьев. Потому и торопился – боялся, что мы кого-нибудь вниз отправим, под окна.

– Нечестно!

– Да, так не договаривались. Надо ему сказать, что это будет считаться проигрышем.
– А то он сам не знает!
– Давайте его с поличным поймаем, когда он станет тетрадь бросать.
– Не успеем.
– Спокойно, спокойно. – Гроздевы вытер с красного лица выступившие капельки пота. – Не нужно лишней суеты. Все предусмотрено заранее.
– В каком смысле?
– В таком, что в комнате – сигнализация. Я ее только что включил.
– Отключит!
– Тем более она на открывание окон изнутри не сработает.
– Нет, детки, вы не поняли, – очень довольным голосом пояснил Анатолий. – Эту сигнализацию так просто не отключить. И срабатывает она не просто на размыкание створок окон, а на изменение давления воздуха в комнате. Так что стоит нашему Павлуше открыть окошко или дверь, как она тут же заверещит диким голосом.
– Аля, как ты на это согласилась? – удивленно спросила Марина. – Техника! В твоём доме!
– Временная мера, – поморщилась та. – К тому же вопрос безопасности для меня важен. Не забывай – второй этаж, ловкий вор может легко сюда залезть. А решетки поставить пока не успели.
– Господа, время-то идет! – напомнил кто-то. – Осталось пять минут!
– Предлагаю пока решить, кто первый начнет искать.
– И кому, получается, достанутся триста долларов просто так? Не согласна!
– Нет уж, давайте договоримся....

– А дальше все было просто, – сказала Маша внимательно слушавшим Макару и Сергею. – Они быстро решили, кто будет искать первым, и, после того, как Павел вышел и выключили сработавшую сигнализацию, начали обыскивать комнату все по очереди.

– То есть первый ничего не нашел?

– Никто ничего не нашел. Время поисков тоже сократили до десяти минут и через час пошли искать все вместе.

Маша вспомнила, какие недоумевающие лица были у гостей, когда один за другим они выходили из комнаты и разводили руками. В конце концов, увлекшись поисками, они осмотрели всю комнату, прощупывая каждый дюйм белых рифленых обоев, похожих на песчаный берег, с которого откатилась волна. Тетради не было.

– Забавно, – сказал Макар.

– Машка, что было в комнате?

– Оставшийся после ремонта рулон обоев, – повторила Маша, – и древний трельяж.

– Зеркала в трельяже целы? – заинтересовался Илюшин.

– Да. Все три. Только они очень старые, с разводами, и на левом зеркале трещина.

– А что внутри? – спросил Сергей, доставая из ящика тетрадь и карандаш.

– На полочке за правым зеркалом – духи. Два флакона. Алевтина сказала, что не пользуется ими, а потому поставила в первое попавшееся место. На самом трельяже лежала книжка, Пауло Коэльо, а за левым зеркалом стояла маленькая шкатулка с кольцами Алевтины и валялась старая визитница.

– В выдвижных ящиках?

– Ничего не было. Так же, как и за дверцами нижнего отделения.

– Нарисуй, пожалуйста, план комнаты и покажи, где что стояло, – попросил Сергей, протягивая жене тетрадь и карандаш.

Хмыкнув, Маша изобразила неровный прямоугольник. По двум меньшим сторонам расположились окно и дверь, в углу – конус, подписанный «рулон», по правой длинной стене – маленький квадрат, разделенный на три части и изображавший трельяж.

– И все? – усомнился Сергей.

– Нет, еще кое-что забыла! На подоконнике стоял небольшой серебристый ящик. Кажется, Анатолий называл его датчиком объема воздуха. Он объяснял, что из-за него Павел не сможет открыть окно.

– Правильно объяснял. Значит, тот и не открывал?

– Во всяком случае, датчик не срабатывал.

– Глупо спрашивать, раскатывали ли рулон, – вмешался Макар.

– Четыре раза, – подтвердила Маша. – И осматривали с двух сторон. И даже отрезали кусок.

– Отрезали-то зачем?

– Кто-то предположил, что обои – двойные и в середину можно было спрятать вырванные из тетради листы.

– Ерунда.

– Когда отрезали, то убедились, что ерунда, – кивнула она.

– Значит, двадцать человек искали тетрадь в пустой комнате, и никто не смог найти, – протянул Сергей. – Подумаем, подумаем... Под подоконником смотрели?

Маша укоризненно взглянула на него.

– Сережа, мы обшарили всю комнату, – раздельно сказала она. – Разве что не разобрали несчастный трельяж. Убедились в том, что в датчике нельзя было ничего спрятать. Ощупали каждую паркетную доску. Обхлопали стены. Открыли окно, чтобы послушать, как вопит датчик.

– А дверь простучали?

– Простучали.

– А книжку пролистали?

– Пролитали.

– А мужика-то хорошо обыскали? – вспомнил Макар.

– Ага. Даже заставили его снять ботинки. Хотя тетрадка была толстая и в ботинках он никак не смог бы ее спрятать. Да и не влезла бы она.

Сергей с Илюшиным переглянулись.

– Под плинтусом? – неуверенно предположил первый.

Макар покачал головой.

Сергей вскочил, принес общую тетрадь и положил перед собой. Все трое уставились на обложку, на которой была нарисована бодрого вида лошадь с крыльями.

– На всякий случай скажу, что плинтус тоже осмотрели, – уныло сказала Маша, глядя на ухмыляющуюся лошадь. – А подоконник изучили сверху и снизу. Представляю, как все до сих пор мучаются. И тетрадь пропала...

– Подожди... – Макар нахмурился. – То есть этот тип ее не вернул?

– В том-то и дело, что нет. Тип сбежал.

– Как – сбежал? – хором спросили Илюшин и Сергей.

– А вот так. Сначала он стоял рядом со всеми, загадочно улыбался и подшучивал, а потом сказал что-то вроде «ну, ребята, это у вас надолго», и ушел. Поначалу никто даже и не заметил. Уже потом вспомнили, когда стали его искать, чтобы спросить, где же тетрадь.

Сразу двое принялись звонить Калугину по телефону, но он не отвечал. Все дружно развели руками, переглянулись и с чувством, что их оставили в дураках без всякой компенсации, принялись доедать остатки с фуршетного стола.

– Но что-то я не заметила, чтобы кто-нибудь из них ел с аппетитом, – сказала Маша. – Несколько самых упорных еще раз проверили комнату. И ничего не нашли, конечно же. Поэтому, когда мы расходились, настроение у всех было такое... странное. Как будто нам рассказали только половину шутки, и мы уже начали смеяться, хотя вся соль шутки во второй половине.

Сергей встал, потянулся, посмотрел на чертеж комнаты и покачал головой:

– Ставлю на трельяж. Методом исключения получаем, что больше тетради быть негде. Второе дно у одного из ящиков, или какой-нибудь хитрый фокус с зеркалами...

– Чтобы сделать хитрый фокус с зеркалами, они должны быть расставлены особым образом, – напомнил Макар. – Что касается второго дна, думаю, хоть один из двадцати искавших сообразил бы проверить ящики.

– Проверили, конечно, – кивнула Маша. – Трельяж отодвинули от стены, обнюхали сверху, снизу и сбоку.

– Ты сама сказала, что он старинный. Значит, вполне может быть с секретом. Интересно было бы на него посмотреть...

– А мне интересно посмотреть на того, кто спрятал тетрадь, – неожиданно сказал Макар. – Калугин, да? Зачем человек сбегает незадолго до мгновения своего триумфа? Ведь он выиграл пари, должен был получить деньги... А он исчезает, причем не отвечает на звонки. Вот это гораздо интереснее, чем старинный трельяж, в котором якобы имеются потайные ящики.

– Чем же интереснее? – спросил уязвленный Сергей.

Макар помолчал, разглядывая план комнаты, затем задумчиво сказал:

– В любой истории нужно отталкиваться не от предметов, а от людей. Быстрее найдешь ответ. Если мы перебрали все предметы в комнате и не нашли, куда можно спрятать тетрадь, значит, нужно перебрать

людей.

– Здесь я не могу помочь, – развела руками Маша. – Я их всех впервые видела, кроме Алевтины и ее подруги Марины, которая нас познакомила.

– Но ты – сценарист. Тебе нравится наблюдать за людьми, ты придумываешь им образы, фантазируешь, сама не замечая этого. Помнишь, ты рассказывала, как мысленно пририсовала Калугину повязку пирата? А с другими гостями ты проделывала что-нибудь подобное?

– Нацепила вуаль Алевтине, – чуть смутившись, призналась Маша. – Ей она очень пошла. Но Алевтина – не гость...

– Неважно. Ее супруг?

– Дровосек.

Сергей хмыкнул, Макар понимающе кивнул.

– Остальных я не придумывала, – извиняющимся тоном сказала Маша. – Только этих. Как-то само собой получилось.

– Просто они были самыми яркими, – предположил ее муж. – Но я до сих пор не понимаю, чем это может помочь.

– Может быть, и ничем... – пробормотал Макар. – Может быть, может быть...

Он посмотрел сквозь Машу и вдруг усмехнулся:

– А ведь дело-то получается куда интереснее, чем мне показалось вначале. Действительно, хорошая загадка. Маленький, серенький, на слона похож...

– Ты так и не сказал, кто это, – напомнил Сергей. – Заяц?

– Нет, не заяц.

– Червяк?

– А почему тогда серенький?

– Умер.

– Нет, не червяк. К тому же мы решаем не эту загадку, а ту, которую загадал господин Калугин, спрятав черную кошку в белой комнате.

Илюшин легко вскочил, прошелся по комнате до окна и обратно, остановился над Сергеем, растянувшимся на ковре.

– Итак... Человек решает поиграть и берет тетрадь, с которой бежит к единственной комнате, где совершенно нет мебели. И вообще ничего нет. Через десять минут он выходит оттуда без тетради. Ждет, пока начнутся поиски, и уходит. Добавим к условиям, что выкинуть тетрадь из окна он не мог. И вынести на себе, очевидно, тоже.

– Говорю же, в трельяже спрятал, – пробурчал с пола Бабкин, открывая доску и начиная выкладывать на ковре рисунок из зеленых и синих стеклянных камешков. – Или под паркетом.

– А я говорю, что мы осматривали трельяж и паркет! – подала из кресла голос Маша, зарыв пальцы в длинные рыжие волосы. – Ну не было там тетради, не было!

– Плохо искали!

– Хорошо!

– Мы делаем ту же ошибку, которую делали до нас, – перебил их Макар. – Идем по тому же следу. Только у искавших было то преимущество, что они находились, так сказать, на месте событий. А мы далеко от него и не можем проверить возникающие идеи вроде потайного ящика в трельяже или крысиной норки под плинтусом.

– А у нас может быть другой след? – усомнился Сергей.

– Да. Например, тот, который ведет *обратно*.

Маша подняла голову и уставилась на Макара, Сергей перевернулся на спину, глядя на приятеля снизу вверх.

– Что значит – обратно? – спросил он. – В каком смысле?

– Представь себе, мой недогадливый друг, белку, которая бежит с орехом в лапах. Подбегает к дуплу, ныряет в него, выскакивает и удирает уже без ореха. Мы начали искать орех с того момента, как белка остановилась возле дерева. Правильно?

– Правильно. А при чем тут...

– Подожди. Но если идти по беличьему следу обратно, то сначала мы придем к тому месту, где она взяла орех. А потом уйдем в глубь леса – туда, откуда она прибежала. Понимаешь? С той точки, откуда начались поиски, след ведет в две стороны, а искали только с одной.

– Разумеется, с одной. Потому что нам нужно идти в определенном направлении, куда ведет след к дуплу.

Макар покачал головой.

– На первый взгляд – да. Но во всей этой загадке есть что-то такое, что делает ее не такой простой, как кажется на первый взгляд. Я только пока не понял, что именно.

Он уселся на ковер, скрестив ноги по-турецки, и сгреб в кучку стеклянные камешки, разложенные Сергеем в блестящую дорожку.

– Мы не знаем, кем раньше работал Калугин, – подала голос Маша. – Может быть, он имел дело с техникой вроде того датчика, который стоял на подоконнике, и просто отключил его. Это кажется мне более правдоподобным, чем потайной ящик или фокусы с зеркалами.

Илюшин покачал головой.

– Ты сама сказала, что Калугин и хозяин дома были партнерами по бизнесу. В таком случае с большой долей вероятности Гроздев знал, чем раньше занимался его партнер, и не был бы так уверен в том, что тот выкинет тетрадь в окно, отключив датчик. Твоя загадка, Маш, нравится мне все больше и больше.

Он подумал и прибавил:

– Ты можешь вспомнить подробнее, что было до того, как Калугин объявил о споре?

– С какого момента?

– С того, когда он выхватил тетрадь. Кстати, а почему именно тетрадь, а не что-то другое?

Маша нахмурилась, вспоминая.

– Это получилось как-то само собой. Алевтина и Гроздев спорили в маленькой комнате, она сначала попыталась отобрать у него тетрадь, но он ее не отдал. Хотел зачитать гостям вслух какие-то стихи из тетради, которые она писала в юности. А в соседней комнате дурачились остальные вместе с Калугиным. Затем он что-то крикнул, кажется «догоняйте», и вбежал к нам.

– А ты где стояла?

– В дверях. Я стала выходить, когда...

Маша остановилась.

– Когда что? – нетерпеливо спросил Макар.

– Когда мне совсем перестало нравиться происходящее между Алевтиной и ее мужем, – чуть удивленно ответила та, осознав реальную причину своего ухода. – Он хотел зачитать всем стихи, которые она придумывала еще девчонкой, а я очень не люблю такое грубое выставление напоказ чужих секретов. И видно было, что он настоит на своем, прочитает. Вокруг них собралось человек шесть, и все с нетерпением ожидали, чем все разрешится.

– Но тут вбежал Калугин и испортил хозяину удовольствие от издевательства над женой, – заметил Сергей. – Так?

– Так. А потом он побежал по коридору, а остальные – за ним. Чуть меня не смели. Я вжалась в стенку, а Павел второй раз пробежал с тетрадкой мимо меня, уже обратно, и уронил горшок с цветком. Большой такой горшок... Правда, он не разбился. И всем пришлось остановиться, пока они поднимали цветок и убирали просыпавшуюся землю.

– Почему цветок стоял в коридоре, а не на окне? – спросил Макар. – Там светло?

– Нет, там для него темно, но это я его переставила. – Маша недоуменно посмотрела на него. – Там, где горшок сначала стоял, его чуть не опрокинули, а полка в коридоре была свободна. Вот я и задвинула его в глубь полки, чтобы никто случайно...

Она замолчала, потому что Макар стукнул одним камешком о другой.

– Ты задвинула его в глубь полки? – переспросил он.

– Да, – чуть растерянно отозвалась Маша, вспоминая, что намеренно выбирала место для можевельниковой башенки там, где ее точно никто не уронит. – Подождите! Но как же тогда...

– Вот именно, – сказал Илюшин. – «Как же тогда».

– Значит, нарочно, – пробасил Сергей, поняв, о чем они говорят. – Или, выражаясь официальным языком, умышленно.

– Получается, что да. Маш, ты можешь вспомнить точно...

– Не мог он задеть куст случайно, – сказала Маша, не дослушав Илюшина и мысленно прокручивая перед глазами побег Калугина. – Только нарочно дернув локтем в сторону полки.

– Отлично! Чего добился господин Калугин, уронив горшок с растением?

– Выигрыша во времени, – в тон ему отозвался Бабкин. – Это несколько меняет дело. Машка, куда этот хитрый товарищ потом подался?

– Не знаю. Все столпились возле цветка, и пару минут его никто не догонял.

– Пару минут?

– Может быть, и меньше.

Макар взял синий камешек, покатав его в ладони.

– Не очень понимаю, что можно успеть сделать за полторы минуты, – признался он. – Отключить датчик? Вряд ли. И ведь зачем-то ему нужны были потом десять минут в пустой комнате...

– Поставим вопрос иначе, – предложил Сергей. – Где он мог быть в те полторы минуты, на которые задержал остальных гостей?

– Это просто, – оживилась Маша. – Из этой части коридора был вход в три комнаты – одна из них белая, а две другие – гостевая спальня и личный кабинет Алевтины.

– Зачем ей личный кабинет? Что в нем?

– Ничего особенного. Обычная комната в синих тонах. Алевтина сказала, что она уходит туда, когда хочет спокойно посидеть с книжкой, потому что эта комната наиболее удалена от гостиной, в которой Анатолий любит включать телевизор на большую громкость. И там нет никаких бытовых приборов, кроме осветительных.

– Никаких бытовых приборов... – пробубнил Сергей, уцепившись за эту фразу. – Никаких бытовых приборов... А что, если там стоял второй датчик давления, отключенный, и наш пират схватил его, перетащил в белую комнату, датчик из белой комнаты вернул в кабинет хозяйки, а потом изобразил...

Он осекся, поймав насмешливый взгляд Макара.

– Ладно, ерунда, – нехотя согласился Сергей. – Но, черт возьми, куда же еще можно было спрятать тетрадь в пустой комнате? Нет, все-таки секрет в трельяже.

– Ага, – подтвердила Маша. – Под книжкой Коэльо находилась потайная кнопка, которая открывала дверь в соседний кабинет. Не зря книжку оставили на трельяже. Казалось бы, кто станет читать сказочника Коэльо в пустой комнате, где даже не на что сесть? Вот в этом и заключается разгадка – читать его никто не собирался! Он нужен был только для того, чтобы...

Илюшин медленно стал подниматься с ковра, не сводя глаз с камешков.

– Макар, ты что?

– У него должен быть хвост, – отчетливо сказал Илюшин.

– Что?

– Хвост. И тогда это все объясняет. Если у него нет хвоста, я признаю себя полным дураком, ничего не понимающим в логике других людей. Потому что иных вариантов у меня нет.

Сергей уже собирался пошутить на тему плавящихся мозгов, но Маша неожиданно поняла.

– Хвост! – ошеломленно повторила она. – Да, есть у него хвост! Макар, как ты догадался?!

– Вы о чем?! – взмолился Бабкин, переводя взгляд с жены на Илюшина. – У кого хвост? Была собака? Кошка?

– Не было никакой собаки! А хвост был у Калугина!

– Так я и думал, – с облегчением кивнул Макар. – Очевидно же, что у нашего пирата должны быть длинные волосы. Вот я и предположил, что они будут убраны в хвост.

Он усмехнулся, покачал головой и прошелся по комнате.

– Ты хочешь сказать, он спрятал тетрадь в волосы? – недоверчиво сказал Сергей. – Не может быть.

– Не может, конечно. Он не прятал тетрадь в волосы.

– Тогда где она, черт возьми?!

– И при чем тут его волосы?

Илюшин посмотрел на наклонившихся к нему в нетерпеливом ожидании Машу и Сергея и сказал:

– А это, друзья мои, довольно занимательная история. Которая сама по себе гораздо интереснее, чем вопрос, как можно спрятать черную кошку в белой комнате.

– При чем тут история? – рявкнул Сергей.

– При том же, при чем и старая детская загадка. Маленький, серенький, на слона похож... Ответ очень простой, напрашивающийся сам. Именно поэтому дети отгадывают ее чаще, чем взрослые. И здесь ответ напрашивался сам собой. Если никто не нашел в комнате тетрадь, значит, ее там не было.

– Что?! – не поверила Маша. – Как это не было?!

Сергей поначалу опешил, затем открыл рот, чтобы возмутиться, но посмотрел на уверенное лицо Илюшина и передумал.

– Не было, значит... – Он тяжело вздохнул. – Ладно. О чем тогда твоя история?

– О мужчине и женщине, разумеется. Как всегда. Вся наша загадка – вовсе не загадка о хорошо спрятанной тетради, а история о банальном любовном треугольнике, в котором один человек вызывает мое искреннее восхищение.

– Калугин, – утвердительно проговорил Сергей.

– Да. Нельзя сомневаться в том, что у него отличная реакция. Он шумит и дурачится в комнате и в то

же время слышит начинающийся за соседней дверью семейный скандал. Впрочем, Алевтина Гроздева никогда бы не устроила прилюдного скандала – она для этого слишком хорошо воспитана. Но он понял из обрывочных реплик, что сейчас ее супруг откроет тетрадь и прочитает то, чего читать ни в коем случае не должен. И тогда наш пират забегает в комнату, выхватывает тетрадь из рук бывшего партнера и убегает с ней.

– И куда же он ее потом прячет?

– Хороший вопрос. Самым простым решением для него было бы убежать из квартиры. Но тогда не избежать подозрений. И за несколько секунд он придумывает отличный план – говорю вам, у него блестящая реакция! Калугин опрокидывает горшок с цветком, задерживая преследователей на короткое время. Но ему и не нужно много – за полторы минуты он успеваает забежать в кабинет Алевтины, а затем...

Илюшин замолчал. Маша с Сергеем, затаив дыхание, ждали продолжения.

– Что – затем? – не выдержала Маша. – Макар, да говори же!

– А затем отрывает обложку от тетради, – пожав плечами, сказал тот. – Это ведь очень просто – оторвать бумажную обложку от общей тетради. А обложка была именно бумажная, потому что ты, Маш, сказала, что на ней была нарисована черная кошка.

Сергей изумленно присвистнул.

– Итак, он отрывает обложку и прячет тетрадь... не знаю, где он ее прячет. Это для него не имеет значения – главное, чтобы содержимое не попало никому на глаза. Затем он хватается со стола или с полки подходящую книгу – это оказался Коэльо – и вставляет ее между листами обложки, держа их так, чтобы не было видно, что внутри – книга. Ему нужна была относительно тонкая книга небольшого формата, а Коэльо издается именно в маленьком формате. Дальше, как выражается Сергей, дело техники. Калугин останавливается возле двери в белую комнату, предлагает всем собравшимся дурацкое, заведомо проигрышное пари и провоцирует самоуверенного Гроздева на то, чтобы заключить его. Тот уверен, что Калугин собирается выкинуть тетрадь в окно, и легко соглашается. Все ждут десять минут, и за это время наш пират бросает книгу на трельяж – затем он и выгнал любопытствующих, чтобы никто не запомнил, была ли на трельяже книга, – и прячет обложку от тетради, на которой нарисована черная кошка. Спрятать обложку нужно очень тщательно, а его будут обыскивать, и я никак не мог сообразить, что же придумал Калугин, пока не вспомнил, что Маша назвала его пиратом.

– При чем здесь это?

– Не так давно в кинотеатрах показывали фильм, в котором главными героями были пираты. И у половины из них, разумеется, были серьги в ушах и волосы, собранные на затылке в хвост. В серьгу спрятать обложку нельзя, а вот в хвост – можно. Я уверен, что именно это и сделал Калугин.

Маша, издав невнятный звук, вскочила из своего кресла, вышла из комнаты и вернулась спустя полминуты с обложкой от старой тетради сына. Быстро свернув ее в тонкую трубочку и сложив вдвое, она перекинула волосы вперед, наклонив голову, и перехватила их резинкой.

– Можешь не стараться, – прокомментировал Сергей. – В твоих волосах книжку можно спрятать.

Маша откинула голову назад, помотала ею в разные стороны.

– Видно?

– Нет, – хором ответили ее муж и Илюшин.

– И я уверен, что никому не пришло в голову осматривать волосы Калугина, – добавил Макар.

– Нет, конечно, нет. Я помню, что его заставили снять ботинки, но никто и не подумал о волосах.

– На это он и рассчитывал. После того как первый из спорщиков зашел в комнату, Калугин выждал некоторое время, а затем ушел по-английски. Разумеется, прихватив с собой тетрадь. Теперь он спокойно мог это сделать, потому что отвлек внимание всех отличным способом. Думаю, господин Калугин даже посмеивался про себя, потому что видел некую иронию в том, что двадцать человек будут искать один предмет, вовсе не понимая, зачем они ищут его на самом деле.

– Пусть так... – проговорила несколько ошеломленная его выводами Маша. – Но что же было в тетради?

– Я могу предположить, что в ней были стихи, как и объявил во всеуслышание Гроздев. – Стихи, написанные его женой. Но только не старые – или, во всяком случае, не только старые. Потому что компьютером она не пользовалась, а где же еще записывать романтической даме лирические стихи, как не в собственной тетради?

– И ты думаешь, что они были посвящены Калугину? – недоверчиво произнес Сергей. – В это я могу поверить, но неужели Гроздева стала бы держать тетрадь на видном месте?

– А она и не держала. Тетрадь при переезде была спрятана в ящик вместе с остальными ее вещами. Но ящик попался на глаза Гроздеву, тот схватил то, что лежало сверху, и собирался предать огласке юношеские

стихи супруги. Кстати, я не уверен, что там были именно стихи. Судя по тому, что рассказала Маша, с Гроздевой станется вести дамский дневник с подробным описанием своих переживаний.

– И ее любовник знал об этом. – Маша вспомнила веселого синеглазого Калугина, замкнутую Алевтину, старательно скрывающую раздражение на супруга, самого Гроздева, который ее утомлял так, как может постоянный ровный шум утомлять человека, привыкшего к тишине.

– Конечно. Не исключено, что решение начать собственный бизнес было связано с его отношениями с женой партнера. Но это только предположение и ничем не подтвержденная фантазия. А вот во всем остальном я уверен. Калугин спасал Алевтину – отсюда побег с тетрадью, пари и последующее исчезновение.

– Почему тогда он не отвечал на звонки? – поинтересовался Сергей.

– Но это совершенно очевидно! Калугин продумал все, кроме одного – объяснения, куда же на самом деле он спрятал тетрадь. И пока не найдет такое объяснение, он не будет брать телефон. Думаю, он выкрутится: например, скажет, что действительно отключил датчик и выбросил тетрадь в окно. Только для этого ему предстоит найти человека, который покажет ему, как отключать этот самый датчик. И, полагаю, решением именно этой проблемы и занят в настоящее время господин Калугин. Должен сказать тебе спасибо, Маш, – твои ассоциации были хорошей подсказкой. Ты вообразила Калугина пиратом, то есть человеком, грабящим других. Закрывает вуалью лицо жене Гроздева – только маска могла бы явственнее сказать о том, что ты представляешь ее скрывающей свои чувства. А самого Гроздева назвала дровосеком.

– Дровосека не могу объяснить, – признался Сергей.

– Дровосек рубит деревья. Гроздев был тебе неприятен, Маш?

– Да. – Она кивнула. – Неприятен. Он из породы самоуверенных вульгарных людей, которые подавляют всех вокруг себя.

– Ну, разумеется. И ты любишь деревья. Какая-то деталь вызвала у тебя эту ассоциацию – человек, который уничтожает то, что тебе нравится. Может быть, тот можжевеловый, который ты переставила на полку? Впрочем, это неважно. В результате получился дровосек. Но пират, отбирающий у хозяев их имущество, был самым ярким образом. После него сложилось и все остальное.

В комнате наступило молчание. Маша вспоминала людей, с которыми провела три часа, и думала о том, что будут делать дальше эти трое, разыгравшие сегодня сцену, в которой непонятно было до конца, кто кого обманывал. «Калугин убедительно расскажет, как именно он отключил датчик, и покажет, куда выкинул тетрадь. Ее, конечно, не найдут, и Алевтина будет выговаривать ему за глупые шутки. А Гроздев будет смотреть на них своими выпученными, как у быка, глазами, и неизвестно, что он подумает обо всем этом. Наверное, неправильно, что все мои симпатии не на его стороне, а на стороне того, кто так изобретательно защищал свою женщину, но я ничего не могу с этим поделать. Одно я знаю точно – больше я не пойду на вечеринки к Гроздевым. Пусть загадывают свои загадки без меня».

Илюшин выложил из камешков кошачью морду с разноцветными глазами – одним синим, другим зеленым – и посмотрел на друга. Сергей сидел, нахмурившись, и что-то обдумывал.

– Серега! – позвал его Макар. – У тебя кожа на лбу шевелится от напряжения. По-моему, мы все логично объяснили. Что тебя тревожит, мой глубокомысленный друг?

– Не могу отгадать твою идиотскую загадку, – буркнул тот. – Маленький, серенький и на слона похож – кто это такой?

На лице Макара промелькнуло изумление, а в следующую секунду он расхохотался.

– Так вот над чем ты думаешь! – проговорил он сквозь смех. – Ладно, скажу, как ни велико искушение заставить тебя провести бессонную ночь. Это слоненок.

– Сло-не-нок? – по слогам переспросил Сергей, не веря своим ушам. – Слоненок?!

– Ну конечно! Он маленький, серенький и похож на слона. Все логично.

Глядя на лицо мужа, оскорбленного такой разгадкой, Маша рассмеялась вслед за Макаром.

– Иногда, ей-богу, не нужно искать черную кошку в белой комнате, – посоветовал тот, превращая кошачью морду с разноцветными глазами в кучку камешков и высыпая их в коробку. – Даже если тебя будут уверять, что она там есть.

Наталья Солнцева

Колье от «Лалик»

- Он безумен!
- Он гениален...
- Я бы не рискнул с ним связываться.

– Он делает эксклюзивные вещи, каждая из которых – единственное в своем роде произведение искусства. В нашем каталоге нет ни одного украшения, достойного лежать в одной витрине с его изделиями. Времена изменились, дорогой Алекс, состоятельные люди больше не желают покупать безвкусные серьги и броши. Им подавай *изюминку*, нечто уникальное. Ценность нашей продукции сегодня определяется не каратами, а оригинальной эстетикой.

Глава ювелирной фирмы «Юбер» говорил с сильным акцентом. Русский по происхождению, он родился и вырос во Франции, в Тулузе, где его семья почти столетие занималась ювелирным делом. Господин Спиридов всегда мечтал открыть несколько салонов на исторической родине и решил начать с Москвы.

– Нам следует сразу представить требовательной публике... э-э... изысканную и дорогую коллекцию, – наставлял он своего российского партнера. – Этот показ должен стать событием. Понимаешь? Может, стоит пригласить моделей... девушек, которые наденут на себя лучшие украшения и продемонстрируют их... э-э... живьем.

Спиридову не всегда удавалось находить нужные слова, и он делал длинные паузы.

– Или нет. Пожалуй, пригласим... э-э... выдающихся женщин. Бизнес-леди, популярная певица, актриса, балерина... телеведущая... известная спортсменка э-э... красуются в изделиях от «Юбер», – самая лучшая реклама.

– Этих дам гораздо труднее будет уломать на импровизированное дефиле, даже в бриллиантах, – засомневался Алекс. – Моделям заплатил, и дело в шляпе.

– В какой... *шляпе*? – не понял Спиридов.

Его русский был вполне сносным, но некоторые пословицы и выражения граждан Франции так и не усвоил.

Алекс перестал возражать и кивнул. Львиную долю денег в совместный проект вложил Спиридов, ему и карты в руки.

– Хорошо. Значит, мы его берем? – вернулся он к началу разговора.

– Непременно берем! И положим большую зарплату.

– Это еще зачем?

– Чтобы человек творил и не заботился о хлебе насущном. Чтобы ему не пришлось в голову искать... э-э... более щедрого работодателя.

Алекс презрительно фыркнул:

– Он должен быть счастлив, что его поделки попадут в наш салон.

– *Поделки*? Неподходящее слово... Этот мастер – настоящий кудесник. Пока он... э-э... прозябает в безвестности. Но едва вышедшие из его рук вещи получают признание взыскательных покупателей, его тут же... э-э... переманят конкуренты. Поэтому пусть он будет доволен своим положением, сидит в захолустье и...

– Носа не высовывает! – подсказал Алекс.

– Да-да... *носа не высовывает*. Правильно, мой друг.

Речь шла о ювелире, которого Спиридов откопал где-то в провинции и уговорил выполнять заказы для его фирмы под чужим именем. «Он не совсем здоров... психически. Но не является опасным для общества, – объяснил партнеру Спиридов. – Будь он э-э... полноценным, то ни за что не согласился бы на наши условия. В сущности, мы его покупаем, ведь, по условиям контракта, талант мастера перейдет в нашу собственность. Его изделия станут лицом нашего бренда, а имя ювелира останется тайной. Нашей тайной, Алекс!»

– Я тут подумал – не пригласить ли нам на презентацию Софью Зарудную? – робко предложил Алекс. И воодушевился: – Это произведет фурор! Представляю обложку популярного глянцевого журнала с его портретом: великая актриса в колье от «Юбер»! Многие пожелают приобрести нечто подобное для себя или... для своих дам. По слухам, Зарудная обожает уникальные украшения.

– Прекрасная идея.
– Но она ненавидит фотографироваться!
– Это я улажу. Вызову из Тулузы собственного фотографа, который сумеет подобрать нужный ракурс, свет, а оставшиеся... э-э... приметы возраста госпожи Зарудной устранил при помощи компьютера. На ее звездном лице... э-э... не будет ни одной морщинки.
Алекс скептически поджал губы. Непредсказуемый характер актрисы давно стал притчей во языцех.
– Я знаком с ее мужем, – объявил Спиридов. – Милейший человек. Президент фонда «Геликон». Я сделаю благотворительный взнос и привлеку его... э-э... на нашу сторону.

* * *

Бекетову часто снился этот сон...

На склоне, между низкорослых яблонь, траву не успели выкосить. Восхитительно сочная, свежая, она была горячей от солнца. Запах меда и горечи смешивался с ароматом мяты, с густыми испарениями земли.

Лежа на спине, мальчик любовался колокольчиками на тонких стеблях, кашками и лютиками. Вот пролетел полосатый шмель, вот изящный кузнечик перепрыгнул со стебля на стебель, вот, перебирая лапками, ползет по листку божья коровка, вот...

– Андрю-у-у-ша! – звала его мама.

На завтрак она готовила кашу или пышки с вареньем. Андрей гадал, что будет сегодня. Если каша, то он лучше останется здесь, среди цветочного царства, – созерцать дивную прелесть этого совершенного, упоительного, душистого мира.

– Андрю-у-у-ша...

Надо идти, а то отец сделает ему строгий выговор. Мальчик боготворил отца. Более красивого мужчины ему нигде не доводилось видеть – ни в жизни, ни по телу. Идеально сложенная фигура, сильные руки с длинными пальцами, волнистые волосы, благородные черты лица, высокий лоб и смелый взгляд делали его похожим на рыцаря Айвенго. Именно таким Андрюша представлял себе героя из книжки, которую мама иногда читала ему вслух. Она старалась привить сыну любовь к литературе, а он предпочитал бездумные развлечения: часами валяться в траве, сидеть на берегу речки или наблюдать, как снуют в воде мелкие рыбки. Вместо того чтобы плескаться, как другие дети, мальчик зачарованно следил за стрекозами и лягушками.

У него была своя тайна – маленький плоский футляр из потертого бархата, внутри которого спала Она: женщина с кожей из опала и перламутра, с волосами из золота, с венком из самоцветов. Он боялся дышать, глядя на Нее. Она пробудила в нем желание... и определила его судьбу. Увидев Ее, он уже не выбирал, кем станет. Его предназначение – создавать такие же чудесные творения из драгоценных металлов и камней, которым не грозит плен. Его бабочки, пчелы и кузнечики будут жить вечно, его цветы никогда не увянут, а капли росы на их лепестках никогда не высохнут...

Мальчика никто не учил чувствовать гармонию красок, линий и форм. Он родился с этим интуитивным ощущением пропорций и цвета, с безукоризненным вкусом и способностью создавать в своем воображении прихотливые образы, черпая вдохновение у природы...

Просыпаясь, он долго смотрел в потолок, медленно возвращаясь из волшебного прошлого в унылое настоящее. В том безвозвратно ушедшем времени осталась его душа. Здесь же он мог только пытаться воспроизвести, запечатлеть неуловимое мгновение...

Его кумиром был Рене Лалик – французский ювелир, дизайнер и предприниматель, – который каждое ожерелье, брошь, браслет или предмет интерьера превращал в произведение искусства. Он противопоставил эстетике помпезных украшений с большими камнями изысканную, утонченную красоту композиций, смелость замысла и необычные материалы, заставив заносчивых снобов преклоняться перед своим мастерством. Доказал, что слоновая кость, хрусталь, панцирь черепахи, эмаль и рог, яшма, жемчуг и лунный камень в соседстве с золотом смотрятся не хуже, чем традиционные алмазы, сапфиры, изумруды и шпинель ^[3].

Лалик snискал себе мировую славу и признание, встав в один ряд с Фаберже, Картье и Тиффани. Его заказчиками были императорский двор в Токио, русская государыня Александра Федоровна и лучшие салоны Европы. Мастер умер в 1945 году, но фирма «Лалик» продолжала работать: открывать магазины в разных странах, представлять новые коллекции.

Бекетов мечтал делать такие же прекрасные вещи. Он упивался своими мечтами и не сомневался, что они осуществляются. До мельчайших подробностей запомнился ему первый визит в Москву. Человек, от

которого зависела судьба Бекетова, подвел его к выставленным в витрине ювелирным украшениям и спросил:

– Сможешь сделать что-либо подобное?

– Я могу лучше.

Он не стал кокетничать, прикидываться скромником, смущаться и краснеть. Он верил в свои силы, в то, что не разочарует нового знакомого – господина Спиридова.

Неизгладимые впечатления детства раз и навсегда определили его призвание. Смутная жажда красоты превратилась в желание творить эту красоту своими руками, как только он открыл бархатный футляр и увидел мерцание миниатюрного опалового тела женщины, ее запрокинутую голову, струящиеся золотые волосы, веночек из блестящих листьев и кабошонов^[4]. Он заболел этой женщиной, ее груди из аметистов помutilи его сознание... Он чуть не рехнулся, когда футляр опустел.

Ночью в дом прокрался вор и похитил драгоценное кольцо. Пропажу обнаружила мать Бекетова и долго рыдала: кольцо досталось ей от дальней родственницы как свадебный подарок.

Отец был взбешен. Он походил на рыцаря Айвенго в гневе – недоставало только лат и длинного железного меча. Милицию не вызывали, потому что никто толком не знал, когда украшение исчезло из футляра. Кроме маленького Андрюши. Но мальчик промолчал. У него появилась вторая тайна...

* * *

Этой весной знаменитая актриса Софья Зарудная впервые за годы успешной театральной карьеры отказалась от гастролей.

– Я опустошена, – призналась она мужу. – Совершенно выжата. Я не могу выходить на сцену, во мне не осталось ничего, кроме тоски...

«Играет, – подумал господин Донатов. – Она пропитана театром насковзь, как мумия бальзамирующим составом. Чего же она хочет: уйти на покой? Поселиться за городом, выращивать цветы и писать мемуары? Нонсенс. Начнет сходить с ума уже через пару месяцев. Ей нужны драмы, страсти, аплодисменты и восхищение зрителей. Поклонники, наконец. Она привыкла к лестии, к охапкам роз в гримерной, к шампанскому... и щедрым подношениям от почитателей ее таланта. О ней сплетничают, ей завидуют. Это воздух, которым она дышит».

Приглашение на презентацию ювелирного салона «Юбер» пришлось как нельзя кстати. «Это встряхнет ее, – решил Донатов. – К тому же она питает страсть к драгоценностям».

– За кого они меня принимают? – возмутилась Софья. – За манекенщицу?

– За известную и красивую женщину, – ответил муж. – Они хотят поместить твой портрет на обложке популярного глянцевого журнала.

Актриса презрительно фыркнула.

– Господин Спиридов обещал подарить изделие, которое ты выберешь для демонстрации.

– Я не нуждаюсь в подачках!

– Почему ты не хочешь поспособствовать продвижению новой коллекции? – не отступал супруг. – Они прислали каталог. Взгляни хотя бы! Вещи уникальные, в стиле модерн – он тебе нравится. Кстати, Сара Бернар когда-то дала путевку в жизнь Рене Лалику, став его заказчицей.

Упоминание о знаменитой французской актрисе возымело действие.

– Ладно. Давай каталог, – благосклонно кивнула Софья.

Она приняла участие в показе и вернулась домой с великолепным подарком от «Юбер», но вместо восторга погрузилась в депрессию.

«Что с ней? – недоумевал Донатов. – Она была великолепна и на портрете вышла потрясающе. Настоящая дива, затмевающая собой бриллианты».

Он считал, что мероприятие удалось. Спиридов оправдал свою репутацию – его салон, равно как и ювелирная коллекция, превзошли ожидания. Классическая «золотая» гамма внутреннего убранства, блеск хрусталя и камней, отраженный в зеркалах, бархат витрин, эксклюзивные изделия, разодетая публика – все, как подобает. Чем же Софья недовольна? Ей не угодишь!

Спрашивать жену о причинах дурного настроения было бесполезно. Софья наглухо закрывалась, замыкалась в себе и через некоторое время будто бы напрочь забывала о неприятности. Ее отец был подводником, и она иногда употребляла выражение «задраивать переборки». Чтобы лодка оставалась жизнеспособной, следовало изолировать поврежденный отсек.

Спустя неделю Софья пожелала ехать на дачу.

– Я в городе ни дня не останусь, – твердила она. – Зачем ты потащил меня на эту презентацию?

Настроение Зарудной не поддавалось описанию. Все стало ей немило, все вызывало безотчетную тревогу.

Супруги приехали на свою подмосковную дачу. Двухэтажный дом пустовал всю зиму, и только в конце апреля сюда отправили домработницу Зину: проветрить, навести порядок, все высушить, вычистить, снять с мебели чехлы, вымыть окна.

В комнатах пахло лавандой и воском – в поселке иногда отключали свет, и приходилось проводить вечера по старинке, при свечах. На столе в гостиной стояла ваза с ландышами. Домработница хлопотала на кухне.

– Ну вот, у меня разболелась голова! – с трагическими нотками в голосе воскликнула Зарудная, точно барыня из какой-нибудь чеховской пьесы. – Пойду, подышу воздухом.

Донатов сокрушенно вздохнул. Он дорожил женой, гордился ее дарованием, с удовольствием появлялся с ней в обществе... но наедине она его слегка раздражала. Капризы, странные прихоти, резкие перепады настроения – то взрывы хохота, то беспричинные слезы или «черная меланхолия» – действовали ему на нервы. Он не понимал этого вечного надрыва, приступов отчаяния, переходящих в апатию. Софья как будто жила в постоянном страхе, что красота ее увянет, талант иссякнет, и она окажется выброшенной на обочину, никому не нужной и не интересной.

– Тебе не о чем беспокоиться, – не раз говорил ей Донатов. – Я прилично зарабатываю, и ты ни в чем не будешь нуждаться.

Но Софья боялась не безденежья, – ее потребности были довольно умеренными. Ее пугала старость, уход со сцены, забвение. Ведь она родилась, чтобы блистать!

– Я никогда не соглашусь играть старух! Никаких свاخ в жутких шляхах с кистями, никаких пожилых матрон в чепцах! Никаких мамаш! Лучше уйти сейчас, умереть в расцвете славы.

Муж был старше ее на пятнадцать лет, не так давно он сменил место чиновника среднего ранга на должность президента солидного гуманитарного фонда и не волновался о завтрашнем дне.

Зарудной перевалило за сорок, но она все еще была хороша, стройна и необыкновенно чувственна. Тонкое лицо, выразительный, болезненно горящий взгляд, копна черных волос придавали ее облику неповторимое очарование. Она нравилась мужчинам, но Донатов не ревновал. Софья весь свой пыл тратила на флирт и, добившись, чтобы мужчина увлекся ею до потери памяти, сразу остывала. Ей приписывали множество романов и любовных приключений, смолоду она слыла женщиной, разбивающей сердца. Однако к тридцати годам актриса взяла в ней верх над кокеткой. Зарудная отдавалась сцене с неистовой страстью, выкладывалась без остатка. Те немногие, кто входил в круг близких Софьи, были осведомлены, что мужчины занимают далеко не первое место в ряду ее увлечений. О ней продолжали судачить, а она только загадочно улыбалась, не опровергая, впрочем, даже самые фантастические слухи. Настоящий роман у нее был с театром, и Донатов об этом знал.

Упадок духа, который она переживала, на сей раз затянулся. Обычно ее меланхолия обострялась ранней весной, когда сходил снег и всюду стояли в черной воде голые деревья. К маю Софья оживлялась, по-детски радовалась первым цветам, зеленым листочкам, синему небу и ласточкам. В ней просыпалось воодушевление. Но этот май она встретила унынием и заразила им Донатова.

Он вдруг вспомнил о своих болезнях, о первой жене, которая год назад умерла от рака, о детях. Сын – лентяй, прожигатель жизни. Дочь учится в Лондоне, звонит, когда ей нужны деньги. С обоими Донатов не сумел найти общего языка. Он даже не представлял, какие дети могли бы быть у них с Софьей. Хорошо, что она не захотела.

Во дворе хлопнула калитка, и он выглянул в окно. Даже на даче великая Зарудная оставалась верна себе – дорогое платье, туфли на каблуках, немислимая шляпа с полями. Две дворняги подбежали к ней и застыли – словно в немом изумлении. А она, выпрямившись и гордо подняв голову, зашагала по пыльной дороге к лесу.

«Обычная хандра. Пусть проветрится, – думал супруг, наблюдая за Софьей. – Шум сосен успокаивает».

Он позвал домработницу и спросил, что будет на обед.

– Суп молочный, как Софья Петровна любят, ботвинья, говядина, тушенная с овощами, и творожная запеканка на сладкое.

– Лимоны у нас есть?

– Как не быть.

– Нарезь потоньше.

Господин Донатов улегся на диван – ждать обеда. Мысли о вкусной еде примирили его с жизнью. Рюмочка коньяка, кофе, сигара – и серый день обретает розовые краски.

Крайняя улица дачного поселка тянулась вдоль леса. Тропинка петляла между деревьев, а потом спускалась к реке. На пологих берегах росли старые березы – раскидистые, кудрявые.

Было тепло. Зарудная с наслаждением сбросила туфли и опустилась на мягкую траву. Черт с ним, с платьем, она давно собиралась его выбросить, чтобы не напоминало о лишнях килограммах. Еще в марте сидело, как влитое, а теперь вот стало тесновато в талии. И это при том, что у нее совершенно пропал аппетит. Чашка кофе утром, легкий салатик в обед... только вечером после спектакля она могла съесть отбивную с картошкой, кусок пирога с чаем. А обильные вечерние трапезы губительно сказываются на фигуре.

С печальным вздохом она закрыла глаза. В молодости никакая полнота ей не грозила, любое количество пищи мгновенно сжигалось, и тело оставалось худым, гибким, изящным. Неужели годы берут свое?

Невыносимая мысль о старости вызвала душевный стон. Недолго ей осталось покорять зрителей, заставляя их плакать, замирать, восторженно выкрикивать «браво!» и засыпать сцену цветами... Почему нельзя быть вечно юной и прекрасной? Зачем жизнь подарила ей красоту и талант, если скоро придется с ними расстаться? Порой она задавалась вопросом: а дар ли это? Может быть, ей просто позволили временно попользоваться привлекательной внешностью и способностью перевоплощаться в обмен на...

Что? Что она должна будет отдать? Или уже отдала?

Софье показалось: кто-то приблизился к ней и остановился. Она приподняла поля шляпы и взглянула вверх. Перед ней, засунув руки в карманы, стоял молодой мужчина в светлых брюках и безрукавке из хлопка. Но одежды на нем как будто не было – так явственно читались под ней развитые плечи и грудь, поджарый живот, стройные ноги. Его лицо – с неправдоподобно совершенными чертами – смело можно было бы чеканить на монетах, изображать на античных геммах и камеях.

– Вы... кто? – растерянно спросила она.

– Я ваш сон...

– Нет, серьезно?

– Разве в этом мире есть хоть что-нибудь серьезное? – усмехнулся он.

– Вы здесь живете? Или снимаете дачу?

– Отдыхаю...

Ее смятение улеглось. Конечно же, это сосед по даче! А она что подумала?

Он наклонился и галантно протянул ей руку. Софья встала и отряхнула платье, забыв, что она босиком, – рядом в траве лежали маленькие туфли из светлой кожи. Поля шляпы скрывали ее порозовевшие щеки, и молодой человек видел только подбородок и накрашенные губы.

– Я вас узнал. Вы – Софья Зарудная? Я смотрел по телевизору фильм «Княжна Тараканова», вы там играли главную роль.

«Мне тогда было всего двадцать четыре! – подумала она. – Слава богу, я надела эту шляпу: не видно моего лица без грима со следами прожитых лет».

Софья редко соглашалась сниматься в кино. Ее звали, но сценарии предлагали все какие-то пошлые, в духе «мыльных» сериалов. Играть такое Зарудная считала ниже своего достоинства. Ей хотелось оставить след в истории театра, как Ермолова, Стрепетова... Она – драматическая актриса, и не станет размениваться на всякие третьесортные роли. «Понижать планку ради денег? – восклицала она. – А смысл? Мастерство не терпит фальши. Компромиссы здесь неуместны». Донатов ее поддерживал: «Ты и так много работаешь. Если еще съемки добавятся, я тебя вообще дома не увижу».

– Вы надолго приехали? – спросил молодой человек.

– Решила развлекаться, – неопределенно ответила Зарудная. – Сцена безжалостна к своим пленникам: она выпивает их до дна. Необходимо восстанавливать силы.

Собственная откровенность удивила ее – она не привыкла изливать душу первому встречному.

Как-то само собой получилось, что дальше они пошли вдоль реки вдвоем: молодой человек и стареющая актриса. Он стремился казаться старше и солиднее, она – моложе и непосредственней. Ее вдруг увлекла незамысловатая беседа ни о чем, пустая болтовня, которая раньше вызвала бы раздражение.

– Я вас знаю, – повторил он, беря ее за руку. – Когда-то давно вы приезжали сюда и тайно встречались с молодым любовником под сенью этих берез...

Он наклонился к ней, и его дыхание обжигало ее губы.

Софья почувствовала себя героиней любовной драмы, которую всегда мечтала сыграть, – загадочной,

мрачной, иступленной, со страстью, вспыхнувшей внезапно и неотвратимо, поразившей, как небесный огонь.

Мужчина прижал ее к себе, скользнул губами по ее уху, шее... «Что он делает? – пронеслось в ее помраченном сознании. – Что со мной?»

Опомнилась она лежа на траве, вся в истоме, безвольная, с расстегнутым на груди платьем, в жару от его поцелуев, ласк...

Вокруг шумели деревья, в слепящей синеве проплывали облака, пахло измятой травой, цветами, медом... Молодого человека рядом не оказалось, – он исчез так же, как и появился: растворился в солнечном свете, подобно лесному духу, Фавну в человеческом обличье. «Может, ничего и не было, – лениво, со сладостным вздохом подумала она. – Меня разморило, я забылась... и увидела чудный сон!»

Но растерзанное платье и следы поцелуев говорили обратное. Она потянулась, приподнялась, с порочной улыбкой разглядывая свою грудь, – еще свежую, упругую, с маленькими темными сосками. Тело увядает медленно, она еще успеет сорвать последний цветок ускользящего женского счастья.

Софья спустилась к реке, попробовала воду – слишком холодная для купанья. Но все же умылась, привела в порядок одежду. Что за наваждение она испытала? За этот миг любви на лоне природы она стала другой – *прежней*: юной, безрассудной, безоглядной. Той, которая, как она думала, умерла в ней много лет назад.

По мере того как она приходила в себя, хмельные мысли сменила привычная трезвость. Что за дикость отдаться незнакомому мужчине прямо в лесу, на траве, вблизи тропинки, где в любую минуту мог пройти кто угодно? Ее муж мог отправиться за ней – звать обедать. Она потеряла стыд. Она сошла с ума...

Странное, смутное воспоминание шевельнулось в ее сердце и... погасло. *Когда-то давно она приезжала сюда и тайно встречалась с молодым любовником... под сенью этих берез...*

Неужели... Нет! Невозможно. Это признаки помешательства, которому особенно подвержены творческие натуры. У нее чрезмерно развитое воображение, болезненные фантазии, обостренные чувства...

Софья торопливо, почти бегом, вернулась домой. Заглянув в гостиную, она увидела дремлющего на диване мужа и с облегчением перевела дух. Зина в кухне накрывала стол к обеду, оттуда доносились запахи тушеной говядины и творожной запеканки.

Никто не заметил, как хозяйка закрылась в ванной, вымылась, переделась.

Обедали молча. Говорить было не о чем, да и лень. Солнце проникало в кухню через легкие занавески, было светло и жарко, как летом. Донатов пил коньяк, Софья неодобрительно хмурилась. «Тебе нельзя», – едва не вырвалось у нее. Она сдержалась – кровь бросилась ей в лицо при возникшей в уме картине того, что произошло в лесу. Слова застряли в горле, она с трудом отдышалась.

– Надо починить бойлер, – позже, за десертом сказала она Донатову. – Вода едва теплая.

– Конечно, дорогая. Завтра же займусь, вызову мастера. Как прогулка? Ты не скучала одна? Прости, что не составил компанию. Прилег и будто провалился. Завтра пойдем вместе.

– Нет уж, – отказалась Софья. – Бродить одной, дышать соснами – это то, чего мне не хватало. Дачников нет, тишина, покой, кукушка кукует. В траве полно фиалок.

– Как скажешь. Вижу, чистый воздух тебе на пользу. Щеки порозовели, глаза блестят!

Она опустила ресницы. Блеск зрачков чуть не выдал ее.

Супруг зевнул, прикрыв рот рукой. Взгляд Софьи задержался на его пальце с обручальным кольцом. Сегодня она изменила Донатову, впервые за годы их брака. Что бы там про нее ни говорили, все вольности остались в прошлом. Возраст и театр усмирили ее натуру. На стороне ей вполне хватало флирта, в семье – умеренного супружеского секса. В последнее время она ощущала себя выстуженной, словно ее сердце покрылось коркой льда. Даже на сцене она не загоралась... и это пугало.

Они с мужем уже полтора года спали порознь: из-за разного ритма жизни. Донатов страдал бессонницей, он принимал снотворное и рано ложился. А Софья приезжала затемно, возбужденная после спектакля, она ужинала, а потом долго стояла у окна или сидела в кресле при включенном торшере, пытаясь что-нибудь читать. Утром она отсыпалась, а супруг собирался на работу, завтракал, стараясь не потревожить ее, и уходил, бесшумно закрыв за собой дверь.

Эту ночь Софья провела без сна. Впору было самой принять снотворное. Обрывки любовного свидания с Фавном теснились в ее сознании...

* * *

В понедельник Донатов собрался в Москву.

– У тебя отпуск, а я на работе, – сказал он, целуя жену в теплую щеку. – Зина остается, вам будет не скучно вдвоем. Погода чудесная. Завидую...

– Когда ты вернешься?

– В пятницу. Если не случится ничего непредвиденного.

– Мне страшно, – сказала она, глядя мимо него. – Не уезжай.

– Это нервы, дорогая. Побольше гуляй на воздухе, и все как рукой снимет.

При словах «побольше гуляй» Софья кожей ощутила дыхание молодого мужчины, губами – вкус его губ. Ее тело содрогнулось.

– Ночью кто-то ходил по саду, – шепотом произнесла она. – Я видела тень. И ветки хрустели – те, которые ты велел срезать.

– Глупости. Ты переутомилась. Ветки Зина убрала и сожгла.

Софья покачала головой: она знала, что муж ее не поймет, и упрямо повторила:

– Кто-то ходил...

– Тебе показалось. Дачники еще не съехались, поблизости все дома пустуют. Кому ходить-то? Разве что собаки бродили в поисках объедков. Скажи Зине, пусть выносит отходы за забор, а то бросает им чуть ли не у крыльца. Вот они и рыскают!

Софья смотрела, как Донатов садится в машину и выезжает за ворота. Забор надо было выше делать, основательнее, а то перемахнуть через него – проще простого.

После завтрака она отправилась на прогулку – только уже не в лес, а по улице. Ей доставляло удовольствие разглядывать чужие дворы, окна с резными наличниками, застекленные веранды. Муж был прав – дачи выглядели пустыми, неприветливыми.

Она подошла к дому с двумя башенками и мансардой – Садовая, одиннадцать. Дом казался нежилым: ставни закрыты, тропинка засыпана прошлогодней листвой. Софья все стояла и стояла, прильнув к забору, вдоль которого густо разросся шиповник. Что она надеялась увидеть?

Бабка в замусоленном ватнике вела на веревке козу. Поравнявшись с Софьей, она окинула женщину подозрительным взглядом.

– Купить хотите?

– А продается?

– Кажись, да. Дом хороший, хозяйка его сначала сдавала, а теперь решила продать. У ей мужик давне-е-енько помер, а сама-то не управляется. Небось деньги нужны. Тут приезжали некоторые, глядели, да отступились.

– Почему?

Софья с беспокойным любопытством расспрашивала бабку. Коза мирно щипала траву.

– Дак... дорого просит.

– А отчего хозяин умер?

– Порезался косой, заразу внес, ну и не спасли. Жалко. Молодой мужик был, красивый. Загляденье!

– Вы ничего не путаете?

– Я старая, но из ума не выжила, – обиделась бабка и потянула козу за веревку. – Пошли, Мушка.

Софья застыла, провожая ее взглядом, задумалась. Коза упиралась, не желая идти. Бабка ругалась на всю улицу, понося Мушку последними словами.

Софью пробрал озноб. Она отшатнулась от забора и побрела вниз, к реке. Мысль о Фавне, как она окрестила лесного незнакомца, молнией вспыхнула в уме. Не такой он и незнакомец. Сознание ее раскололось на две половинки: одна отторгала Фавна, другая страстно призывала. «Что, если я опять встречу его? – мнилось ей. – Что, если он опять...»

Она застонала и закусила губу до боли, до крови. Прошлое, от которого она, казалось, надежно отгородилась, проснулось в ней, отозвалось мучительной тоской.

В лесу, на том месте, где они с Фавном предавались любовному опьянению, время остановилось... или вернулось. А может, оно вообще не шло?..

Софья прерывисто вдохнула и опустила на траву, безжалостно сминая колокольчики и кустики земляники. Она забылась мгновенным или невероятно долгим сном, а когда открыла глаза, над ней склонился Фавн. Он не спрашивал, зачем она пришла снова. Она не задавала вопросов, кто он и откуда взялся. Разве не все равно иссушенному жаждой путнику, из какого источника пить наслаждение?

Это сладостное странное колдовство длилось всю неделю, до приезда Донатова. Сама природа подыгрывала любовникам, – за пять дней не выпало ни капли дождя. Софья ощутила в себе желание опять выходить на сцену, потрясать зрителей и высекать огонь из их сердец.

Муж привез с собой господина Спиридова. Тот был польщен приглашением и не скрывал восхищения

хозяйкой, рассыпался в любезностях и комплиментах.

Зина накрыла праздничный стол. Софья вышла к обеду в умопомрачительном туалете, – длинном красном шелковом платье струящегося покроя с глубоким декольте, с подчеркнутой талией. На ее шее сияло подаренное на презентации кольцо.

Гость оценил любезность госпожи Зарудной.

– Вы еще более э-э... необыкновенны, чем я мог вообразить, – с акцентом говорил он. – Вы загадочная, чудная... э-э... любые камни меркнут в вашем присутствии.

– Вы вернули меня к жизни этим подарком, – улыбалась она, трогая пальчиком украшение. – Это был намек...

Спиридов, испытывая неловкость, искоса бросил взгляд на хозяина дома: тот занимался сочным куском мяса на косточке и не участвовал в разговоре. Софья флиртует? На здоровье. Значит, она в хорошей форме, полна сил и творческих планов. Ее еще не скоро удастся потеснить на театральном Олимпе.

– Вы русская Сара Бернар! – неуклюже, со смешным пафосом воскликнул гость. – Наша фирма... э-э... будет счастлива видеть вас... э-э... в числе главных клиентов.

– Я не покупаю драгоценностей. Предпочитаю, чтобы мне их дарили.

– О-о... да, да! Вы совершенно правы. Но... я надеюсь, вы будете заказывать что-нибудь у нас.

– Как Сара Бернар! – поддела его Софья.

Спиридов не заметил сарказма, с готовностью подхватив ее мысль:

– Великая французская актриса заказывала у Рене Лалика... э-э... украшения для своих выступлений, – радостно затараторил гость. – Она первая... э-э... угадала в нем талантливое художника. Она...

Владелец «Юбер» превозносил хороший вкус «настоящих актрис, которые везде слынут законодательницами моды», а Софья от души потешалась над его грубой лестью. Она переглядывалась с мужем, и тот едва заметно качал головой: проказы жены не должны перейти грань гостеприимства.

– Вы не поняли, – прятала усмешку она. – Я и есть Сара Бернар! В новом воплощении. И я по-прежнему обожаю украшения от Лалика. Вот это кольцо, например, истинный шедевр.

Спиридов смущенно отвел глаза. Колье изготовлено провинциальным ювелиром. О каком Лалике идет речь? Неужели она не понимает...

– Софья шутит, – положил конец его замешательству Донатов. – У нее тонкое чувство юмора.

Обед шел своим чередом. На десерт, уважая вкусы уроженца Тулузы, Зина подала коньяк, фрукты и сыр. Гость, однако, потерял лоск и уверенность в себе. При любом удобном случае он незаметно вглядывался в украшение на шее актрисы. Черт! Ему действительно стало казаться, что изделие немного отличается от того, которое... «Это суший бред, – убеждал он себя. – Хотя камни не совсем совпадают по цвету и золото иного оттенка, и...» Он насчитал столько отличий, что покрылся испариной.

– Вам душно? – сочувственно спросил Донатов. – Открыть окно?

– Нет... нет... все в порядке. Простите...

Зарудная упивалась произведенным эффектом. После обеда она удалилась к себе в спальню отдохнуть, а мужчины остались курить сигары.

Вскоре гость сослался на головную боль и откланялся.

«Коньяк оказался слишком крепок для французского подданного, – рассудил Донатов. – В следующий раз куплю белое вино».

* * *

– Кто-то бродит ночами вокруг дома, – повторила Софья наутро.

Донатов после коньяка и снотворного никак не мог сообразить, чего она хочет.

– Дорогая, я...

– Заряди ружье, – сказала жена. – То, с которым ты ходишь на охоту. Я боюсь! Все-таки мы с Зиной ночуем в доме одни, когда ты уезжаешь.

– Ты же не умеешь стрелять.

– Ничего, напугаю хотя бы.

– Кого?

Софья не дала вразумительного ответа. Она и сама не знала, чего боится.

Муж отправился в Москву, а Софья два дня просидела дома, сцепив зубы, а на третий не выдержала, побежала в лес, к Фавну. Он словно все это время поджидал ее.

Софья готовилась к этому свиданию – надела кое-что под тонкую блузку с длинными рукавами.

- Что это? – изумленно прошептал он, скользнув рукой в вырез блузки.
- Подарок... господина Спиридова.
- Покажи.

Она с вызовом расстегнула пуговицы. Фавн совсем как мужчина из плоти и крови, а не лесной дух, усталый на дорожное украшение.

- Откуда оно у тебя?
- Это не ты, – с дрожью в голосе вымолвила она. – Это не можешь быть ты!
- Я! – горячо возразил он. – Это я!
- Нет... – простонала она. – Нет! Я ходила туда, к тому дому. Он пуст.
- Я там живу, но скрываюсь от всех...

– Ты лжешь...
– Спроси у своего мужа! – глаза Фавна лихорадочно блестели. – Он видел меня, когда приезжал в первый раз. Мы познакомились.

- Познакомились?
- Да! Что тебя удивляет?
- Прошло столько лет... а ты... не изменился?

Они как будто говорили о разных вещах.

- Я изменился, – сказал Фавн.
- Не верю тебе... Не верю!

Его нечеловечески прекрасное лицо потемнело.

– Твой муж нанял меня, – засмеялся он, показывая безукоризненно ровные, белые зубы. – Чтобы я тебя соблазнил! Предложил деньги. Много денег... Я отказался. Но потом увидел тебя и передумал.

В груди у Софьи что-то оборвалось.

- Он... заплатил тебе? – выдавила она. – Заплатил, чтобы... Ха-ха! Ха-ха-ха...

Ее хохот перешел в рыдание. Сказочный сверкающий мир, полный любви и вдохновения, в который она окунулась, дал трещину, раскололся, взорвался. Задыхаясь, она подняла руки к горлу, рванула колье с такой силой, что застежка открылась, бросила украшение ему в лицо.

– Считаю, ты заработал гораздо больше, чем было обещано! Эта побрякушка стоит кучу бабок! Какие же вы... – у нее не хватило воздуха. – Какой же он негодай! А ты – еще хуже... Ублюдки! Два подлых ублюдка!

Сцены безудержной страсти пронеслись в ее сознании, раздувая пожар гнева и ненависти, приправленных стыдом за собственное заблуждение. Слезы застилали ей глаза, бешенство затопило разум.

- Омерзительно... гадко...

Молодой человек протянул ей колье:

- Возьми обратно. Разве оно тебе не понравилось?
- У меня есть другое, почти такое же! Разве не ты... О боже! Я схожу с ума... Конечно же, не ты...

Его красиво очерченные чувственные губы дрогнули, глаза загорелись.

- У тебя есть похожее колье? – иступленно спросил он.

Наверное, такие глаза и голос бывают у религиозных фанатиков. Софья подумала об этом позже, ночью, лежа на горячей подушке и время от времени проваливаясь в полузабытье.

А тогда, под старыми березами, в горьком любовном неистовстве она выбрасывала каждое слово, как оскорбленный кидает в лицо обидчику перчатку, вызывая его на дуэль. В сущности, так и было. Любовная драма нередко оканчивается смертельным поединком...

- Такое же! – с мстительным сладострастием заявила женщина. – Даже лучше! А ты...

Она не договорила. Слова уже ничего не значили, ничего не могли изменить.

Он размахнулся, и украшение, блеснув на солнце алмазными искрами, полетело в реку.

Софье пришлось выслушать исповедь молодого человека – длинную и бесполезную. Как послесловие, когда в финале уже все сказано.

* * *

Господин Спиридов приехал в дачный поселок по своим делам. На Садовой улице у дома знаменитой актрисы Зарудной он заметил милицейскую машину. Не случилось ли чего? Как добропорядочный гражданин, Спиридов остановился.

- В чем дело? – спросил он у оперативника. – С хозяевами все в порядке?

– А вы кто?

– Друг семьи, – не моргнув глазом, заявил Спиридов. – Может быть... э-э... нужна моя помощь?

Уже в прошлый визит он несколько встревожился. Странное стечение обстоятельств всегда настораживало господина Спиридова – русские родители привили ему мистическое отношение к жизни, к судьбе.

– ...попытка ограбления, – донесли до него слова милиционера. – Со смертельным исходом.

– Кто убит?

– Хозяин дома и...

Спиридов, не дослушав, поспешил к резному деревянному крыльцу. Двери были не заперты. В холле его встретила заплаканная Зина, запах сердечных капель, чужие голоса и привкус беды. Актриса, без чувств, лежала на диване в гостиной, той самой, где они недавно обедали, пили коньяк и оживленно беседовали.

– Софья Петровна мужа из города вызвали... потому что... боялись очень, – всхлипывая, бормотала Зина. – Они приехали... и в эту же ночь... Господи! Горе-то... горе какое!

– А чего она боялась? – спросил Спиридов.

– Грабителей... Вокруг дома, как стемнеет, ходил кто-то... приглядывался... примерялся. Вынюхал, что хозяин только на выходные приезжает, вот и... – Домработница залилась слезами, вытирая лицо краем фартука. – Молодой, а такой бандит!

– Как же он в дом пробрался?

– Наверное, еще вечером через окно в кухню залез, шмыгнул в чулан да и заперся там. А я, дурья башка, решила, что ключи потерялись. Они всегда в замке торчали, снаружи. Софья Петровна слегли с мигренью да уснули. Господин Донатов приехали... я закутилась с ужином и забыла про чулан-то сказать. Сначала беспокоить не хотела, пусть, думаю, отдохнет человек. Только через порог переступил, а тут я с ключами! Потом с чуланом разберемся, не к спеху это. Я виновата-а-а... – взвыла она.

Картина ночного происшествия прояснилась. По-видимому, грабитель, сидя в чулане, дождался ночи. Все уснули, он выбрался из своего убежища, уверенный, что в доме только две беззащитные женщины, и отправился на поиски денег и драгоценностей. Такая дама, как госпожа Зарудная, по его мнению, имела их много и часть привезла с собой на дачу. Господин Донатов застал злодея на месте преступления, и тот его убил.

Однако бандит оказался дерзким. Вдруг бы хозяева не стали мешкать и открыли чулан подручными средствами? Преступнику повезло.

Труп Донатова лежал в угловой комнате лицом вверх, – висок был разбит, под головой натекла лужица крови. Грабитель ударил мужа актрисы прихваченной в чулане кочергой. Перед этим той же кочергой он взломал старинный деревянный шкаф, где хранились документы и ценности, – украшения, деньги, серебряная посуда. Правда, унести добычу ему не удалось, грабитель лежал тут же, около шкафа, с дыркой в груди...

Спиридова затошнило, но он стойко выдержал и это испытание. Он узнал злодея.

– Это... Андрей Бекетов, – преодолевая рвотный позыв, заявил владелец ювелирных салонов. – Он жил по соседству. Занимался... э-э... изготовлением украшений по заказу... нашей фирмы. Не представляю... э-э... что он здесь делал. Видите ли... Бекетов... э-э... не совсем здоров. – От волнения Спиридов говорил с запинками и сильным акцентом. – У него... душевное расстройство. Зимой он живет... э-э... жил в райцентре, а в апреле вдруг решил перебраться сюда... э-э... на свою дачу. Вернее, дача принадлежит его матери. Заявил, что нуждается в свежем воздухе. Мы не возражали, обещали... э-э... оборудовать в доме рабочее место.

– Что значит «душевное расстройство»? – уточнил следователь.

– Он был... болезненно замкнут... прятался от людей, весь уходил в работу. Живя на даче, он запирался внутри... э-э... не хотел, чтобы соседи его видели. Иногда у него наступали... э-э... периоды просветления: Андрей нормально общался, как любой молодой человек. – Господин Спиридов развел руками. – Какая жалость! Он был... поразительно талантливым мастером. Боже мой! Что ему... э-э... взбрело в голову? Зачем он залез в этот дом? Припадков агрессии за ним... э-э... не замечалось.

«Друг семьи» умолчал, что приехал в поселок вовсе не к Донатову и Зарудной, а к Бекетову – проведать, посмотреть эскизы будущей коллекции. Когда президент фонда «Геликон» пригласил Спиридова за город, того неприятно удивило, что дом, где проживал ювелир, оказался в том же поселке, на той же улице. Не хватало, чтобы тайное стало явным!

– У одиннадцатого дома на Садовой дурная слава, – вмешался в разговор участковый. – Хозяин умер молодым при невыясненных обстоятельствах. Якобы собирался косить траву и нанес себе глубокую рану, в кровь попала инфекция, и спасти жизнь не удалось. Ходили слухи, что Бекетов пытался покончить с

собой... его застал за этим сын... в общем, темная история. Мальчик впал в шоковое состояние, перестал говорить. Он и раньше был со странностями, а после смерти отца вовсе сбрендил. Мать его долго по докторам возила, но так до конца и не вылечила. Она пробовала продать дачу, – без толку.

– Донатов и Бекетов были знакомы? – спросил следователь.

– Насколько мне известно... нет, – пробормотал Спиридов. – Хотя... они ведь жили на одной улице. Могли случайно столкнуться... познакомиться. Бекетов умел... э-э... произвести впечатление. Он выглядел весьма... э-э... доброжелательным, интеллигентным. Его внешность бросалась в глаза... необыкновенной красотой. Я бы сказал, физически он был... э-э... само совершенство. Вы сами можете убедиться...

– Сюда много лет подряд приезжала только вдова, – добавил участковый. – Я не знал, что Андрей поселился на даче... один. Он, конечно, не обязан мне докладывать. – Милиционер с досадой потер затылок. – Актриса и ее муж, видимо, чего-то опасались, раз держали в спальне заряженное ружье. Она говорит, по ночам кто-то шастал вокруг дома. Возможно, это был Бекетов.

– Софья Петровна заявила, что они купили дом пять лет назад. Значит, она не могла знать той истории про Бекетовых, – возразил следователь.

– Она и не знала. Это мои предположения... Болезнь Бекетова, вероятно, прогрессировала и вот результат – он пошел на ограбление.

– Как вы доверяли такому человеку золото и камни? – повернулся следователь к Спиридову. – Что-нибудь пропало?

Тот промокнул платком лоб. Ему стало совсем худо.

– Нет, никогда. А... что Андрей хотел украсть?

– Золотое кольцо с бриллиантами и другими камнями, – объяснил следователь. – Он держал его в руках, когда Софья Петровна выстрелила.

Спиридов почувствовал жар в голове – кажется, давление подскочило.

– Так это... она... стреляла?

– А что ей оставалось делать? Она проснулась от шума, вызванного падением тела, схватила ружье и выбежала в коридор. Из комнаты, куда проник грабитель, падал свет – его, скорее всего, зажег господин Донатов. Бедная женщина кинулась туда и застала жуткую картину: преступник размозил череп ее мужу и готов броситься на нее. В панике она нажала на спусковой крючок...

«Скандала не миновать, – в ужасе подумал Спиридов. – Сейчас придется давать показания. Наверняка это *то самое* украшение, которое изготовил Бекетов... и которое Зарудная получила в подарок за участие в презентации».

– Где... кольцо? – едва ворочая онемевшим языком, спросил он.

– У эксперта. Кстати, вы можете оказать нам услугу как знаток ювелирных изделий. Сделайте одолжение, проконсультируйте.

Спиридов, стараясь скрыть замешательство, согласился.

Это было *почти такое же* кольцо, какое Бекетов сделал для коллекции. Именно его выбрала Софья Зарудная для показа и потом получила в подарок. Вернее, искусную копию, отличающуюся множеством мелких деталей – словно мастер делал работу по памяти и допустил некоторые погрешности. Тот же замысел: прелестная женщина с телом из опала, перламутра, аметистов и лунных камней, с запрокинутой золотоволосой головой, с венком из золотых листьев с мелкими изумрудами и цветов-рубинов, отшлифованных без граней, в виде кабошонов. На лепестках – капельки бриллиантовой росы. Голова женщины в пышном сверкающем убранстве представляла собой центр кольца, его массивную часть, остальное – извивы, прихотливые завитки, тончайший ажур из золота. Только Лалик делал такие украшения. Только у Бекетова была такая же манера и полет фантазии, умение соединить разные по фактуре материалы в одно неповторимое целое.

– Это... Рене Лалик, – невнятно произнес господин Спиридов, чувствуя, как ручеек пота струится по его спине. – Колье сделано... э-э... приблизительно сто лет назад. В частных руках находится... э-э... немалое количество изделий этого известного французского ювелира. Оно, скорее всего, называется «Вакханка». Вы можете послать запрос...

«Если Бекетов *сделал* копию украшения, то и название *угадал*, – подумал он. – Что за дьявольщина? Где же, в таком случае, наше кольцо?»

– Я же говорил. Вещица баснословной цены! – обрадовался эксперт.

У Спиридова голова пошла кругом, он без сил опустился на стул.

Софья Зарудная сорок дней не выходила из московской квартиры, – оплакивала смерть любимого супруга. Зина боялась оставить ее даже на минуту – как бы хозяйка не вздумала лишиться себя жизни.

Великой актрисе всегда удавалось гениально сыграть трагедию. Она лежала в своей затемненной спальне, блуждая по отсекам памяти. Скоро они закроются – наглухо, навсегда, – и она уже не сможет рыдать и наслаждаться. Королева раскрыла заговор против себя и сурово наказала участников. Все ее обидчики мертвы.

Донатов... Что он себе позволил? *Нанимать* молодого безумца, чтобы тот притворными ласками пробудил к жизни ее талант? Душа женщины, полная мрака и страсти, таит опасность, – как пещера с сокровищами, которую охраняют тысячи змей.

– Прежде чем потянуться за ними, подумай о смерти! – шептала Софья.

Фавн... Он оказался не лесным духом, а обыкновенным беспринципным авантюристом, рискнувшим сыграть любовника увядающей дамы. Он получил по заслугам. О, какие у него были глаза за миг до выстрела! В них не было ни искры фальши – только *подлинный* страх. Эти его глаза... Она чуть не приняла их за другие. Не будь этого рокового сходства, заговор потерпел бы неудачу в самом начале.

Она вспомнила свою первую запретную любовь к молодому красавцу Бекетову – нежному безумцу, женатому на скромной невзрачной женщине.

– Первый мужчина, сумевший разжечь мой огонь. Я сама бросила его, – твердила Софья. – Сама бросила! Вырвала из сердца... Жаль, что не навсегда. Я не знала, что он умер. Бедный мальчик! Подарил мне на прощанье кольцо своей жены... Хотел загладить вину. Разве есть золото, которым можно откупиться от любви?

Она все забыла, но никогда не расставалась с драгоценным украшением. И никогда его не надевала. Оно напоминало ей некий сверкающий мир, откуда приходит любовь и вдохновение.

– Зачем я его хранила, для чего? – спрашивала себя Софья. – Неужели для мести?

Тайники памяти неисповедимы.

Оказывается, у Бекетова был сын. Мальчик, наблюдающий за любовниками из густой травы в конце сада... Она иногда ощущала чей-то вожделенный взгляд, и это ее возбуждало. Теперь он ответил за грехи отца...

– По божьему закону, – шептала Софья. – Не я судила его. Бог! Я знала, что мальчик придет за женщиной из опала и золота – «Вакханкой». Неспроста он сделал ее копию – сам же признался. Я была уверена... И вызвала на дачу Донатова. Муж и любовник должны встретиться в финале драмы.

Жизнь – это пьеса, написанная рукой провидения. В ней ничто не случайно.

«Мне предложили роль, – подумала Софья. – Я согласилась сыграть. Есть ли в этом моя вина?..»

Ольга Тарасевич

Коррида со смертью

* * *

— Они будут нести наш багаж три часа. Или четыре. На пляж мы сегодня в любом случае не попадаем. Видишь, и солнце садится...

— Но почему?! Нет, ну так нельзя!

Синие глаза Данилова уже ласкают изумрудную полоску моря. В них вскипают соленые прохладные волны, а коричневые тела скал принимают душ из наполненных солнцем брызг.

Что еще хотел бы увидеть мой муж? Прозрачный желтый херес или насыщенно-красную риоху, играющие в тонком бокале? Фламенко, пышные платья, лаковые туфли, и гитара дразнит нарастающим ритмом страсти? Им, телевизионным глазам Димы, ужасно тесно в стенах номера. Они изнемогают без калейдоскопа «картинок». Пальмы вперемешку с соснами, дрожащий от жары воздух, огромный зонтик безоблачного неба — это миллион возможностей для нас, приученных телевидением жить быстро и красиво, снимать свои роскошные сюжеты. Которых, в общем-то, с технической точки зрения никто не ждет. Но мы все равно не можем их не делать, хотя бы в воображении.

Рефлекс.

Доза.

Даже на отдыхе.

Впрочем, грех жаловаться, мы отдыхаем, как работаем, но и работаем, как отдыхаем.

Дмитрий Данилов — лучший телевизионный журналист в России, успешный продюсер, популярный ведущий. К его услугам большие бюджеты, прекрасные операторы, сообразительные репортеры. Он давно заработал право «звездить», но — уникальный случай — не заболел звездной болезнью. Половина женщин России мечтают узнать вкус его темных, четко очерченных губ. Данилов всегда был подчеркнуто вежлив со своими поклонницами, выслушивал только корректные комплименты. А после съемок мчался к жене, с которой познакомился еще на факультете журналистики. Как я потом узнала из Диминых интервью, для него не было лучше тех часов. Смыт грим, за стеной спит дочь, а он, в халате и с бокалом вина, беседует с супругой, и усталость после рабочего дня сменяется уютной расслабленностью, а затем полудремой. Наверное, и правда ему больше ничего не требовалось. Но потом появилась я...

— Это пятизвездочный отель, это «Хилтон»! — возмутился Дима, вскакивая с кресла. — Сколько можно нести наши несчастные два чемодана! Все, снова звоню на рецепцию!

— Бесполезно, — пробормотала я, растягиваясь поперек огромной, накрытой атласным покрывалом кровати. — Это может быть «Хилтон», или «Холидей Ин», или любой другой приличный отель. У меня карма, понимаешь? Дима, мне ни разу за границей не принесли чемоданы хотя бы в течение часа. За сто командировок — ни разу. Карма!

— Но у нас другая карма! Нам вещи доставляли быстро. До недавних пор! — хмыкнула Аленка, расстегивая плюшевый рюкзачок — панду. — А здесь у меня еще один купальник. Вот наплаваюсь до ужина!

— Какая ты предусмотрительная! — Данилов подхватил дочь на руки, и они закружились по комнате. — Тебе нипочем Минарина карма!

— Зато тебе... почем... Но почему?!

Девчонка манипулировала папой виртуозно. С большей страстью, пожалуй, она делала только одно — ненавидела меня. И старательно выпальывала ростки симпатии к стерве-разлучнице.

— Алена, мы же с тобой обо всем договорились. — Дмитрий, уже с виновато-прокисшим лицом, провел рукой по светлым кудряшкам дочери. — Мы отдыхаем и не ссоримся. Минара не виновата, что я развелся с твоей мамой. Жаль, но люди разводятся... И мы с тобой будем общаться еще больше, чем раньше, обещаю. А ты помнишь, что именно Минара предложила взять тебя с собой в эту поездку? Так что не дуйся и веди себя хорошо.

Честно говоря, мне не нравится Диминая манера воспитывать девочку. Он постоянно ковыряется в незаживающей ране детской души. Что за дело Аленке до «всех, которые разводятся»? Ее личный маленький мир рухнул. Диме следовало бы показать дочери новый, а не твердить, как попугай: «Жаль, но так бывает»!

Надутая, вылитый запасливый хомяк, Аленка скрылась в ванной. Оттуда вылетели розовые джинсы и желтая майка, а через минуту наши взгляды укололись о решеточку ребер, перетянутую красным лифчиком, и скелетообразные ножки, чуть прикрытые, как парео, белым махровым полотенцем. На фоне нетипичного для двенадцатилетней девочки костлявого супового набора тельца симпатичное личико белобрысой Аленки совершенно терялось. Впрочем, ходячее пособие по анатомии — сама уверенность. Радостно повертевшись перед зеркалом, Алена нацепила босоножки и с оглушительным треском захлопнула за собой дверь.

Отвлечь Диму, насилующего телефон и рецепцию, оказалось несложно.

Я прошла в душ, включила воду. Похоже, через запотевшее стекло кабинки должен четко угадываться силуэт: высокая полная грудь, тонкая талия. Привстать на носки, поднять руки к волосам, и... Димины губы, да, исследуют мою шею; я хочу, чтобы он поцеловал мой затылок; он знает, что я этого хочу, и специально рисует пунктир поцелуев на моем влажном плече.

Сплетенные, влипшие друг в друга, мы, не сговариваясь, выбираемся из ванной и смотрим на постель.

Секс в душевой кабине — это слишком малоэстетично для таких телевизионных мутантов (Дима предпочитает говорить: телевизионных гурманов), как мы.

Постель — уже лучше, с любого ракурса, хоть в фас, хоть в профиль. Но — наша пока еще белая кожа на светлых простынях... Может, найдем что-нибудь поэффектнее?

Я осматриваю номер. Но вместо него вижу то ночь, подсвеченную лимонно-красными каскадами воды на горе Монтжуик, то причудливые каменные волны Каса Мила, то светлые резные свечи-башенки Саграда Фамилия. Ой, нет, камера, стоп! Величественная церковь, безумие Гауди, не подходит — мы будем выглядеть двумя смешными спаривающимися козьями. Уж лучше тогда заняться любовью на фоне мозаичного сине-желто-оранжевого дракончика в парке Гуэль.

О-о-о! Пять баллов! Лучший! Гений!

От красоты Диминой идеи у меня перехватывает дыхание.

Он — в темном кожаном кресле, подчеркивающим рельеф мышц. А за его спиной красно-оранжевый закат мелко нарезан створками горизонтальных жалюзи. На моем теле, розово-теплом в лучах заходящего солнца, появляются загадочные полутени и пятна света...

Мне нравится смотреть на Димино лицо, когда мы занимаемся любовью.

Его дыхание учащается, он закусывает губу, еще крепче сжимает мои бедра, а я... останавливаюсь.

Получай, милый, за нецелованный затылок. Дима потом тоже мстит. Улыбнувшись, прячет свой оргазм за гладкими веками и длинными, как у девчонки, ресницами. Знает: я терпеть не могу, когда он закрывает глаза, мне надо видеть каждый кадр его безумия.

Прижимаясь к Диминой груди, я люблюсь морем, подсвеченным долькой почти утонувшего солнца. И вдруг подскакиваю, как ошпаренная.

— Аленка! Она же ушла к морю!

— Не волнуйся, — Дима притянул меня к себе, погладил по волосам. — Мы с ней в бассейн ходим, она отлично плавает. А на пляже всегда есть спасатели.

Я все равно волнуясь. Не понимаю, как может Дима быть таким спокойным, когда его ребенок удрал неизвестно куда, причем не в самом лучшем настроении! Впрочем, я часто не понимаю Данилова. В наших краях семья — основа основ, женщина может лишиться мужа лишь в одном случае — если станет вдовой. А он развелся, для того, чтобы быть со мной...

Дима приехал в мой родной городок, один из кавказских осколков, на которые разлетелась советская империя, чтобы снять сюжет о жизни после войны.

«После» еще не осознавалось. Узкие улочки были битком забиты бронетехникой. Урожай от израненных осколками фруктовых садов никто не ждал, а по ночам сон вспарывали злые очереди автоматов.

«Жизни» у нас тоже, кажется, тогда еще не было. Никто не работал, потому что в наших краях вся работа — это туристы, а кто поедет отдыхать на войну?

И вот появляется Дима. Обаятельно улыбающийся, в каких-то простых черных шмотках, сидящих на нем слишком идеально для недизайнерской простоты. Его встречают наши депутаты, министры. Независимость вроде как отстояли, но ее никто, кроме России, не признает. Поэтому делать мужикам, новому руководству самостоятельного государства, абсолютно нечего. А тут хоть какой-то визит, все-таки Данилов — известный журналист. С утра до ночи ему показывают разрушенные санатории, и самые красивые горные ущелья, и звонкие водопады. А он вдруг спрашивает меня — меня, простую девушку, подававшую ему шашлык: «В Москве, на телевидении, хотите работать?»

Я онемела от неожиданности. Дима принял это за проявление традиционной сдержанности, свойственной нашим женщинам. И пришел в полный восторг. Оказывается, он давно предлагал руководству телеканала идею ток-шоу с ведущей, обладающей восточной внешностью. И вот я, с миндалевидными

глазами Шахерезады и длинными черными волосами, попадаю, как сказал тогда Дима, в десяточку.

Так началась моя болезнь. Телевидение — это тяжелое заболевание, вылечить от которого невозможно. Я люблю всех журналистов и операторов, готовящих сюжеты для моего шоу; я обожаю публику в зале и гостей-экспертов, рассказывающих на красных диванчиках; мне известно все об останкинских визажистах и парикмахерах; я знаю, с кем роман у режиссера и на кого положила глаз редактор, я... живу только тогда, когда в студии вспыхивает лампа «on air». О, эта надпись! Одно название, моя программа, как и большинство ток-шоу, выходит в записи.

«А как же интерактивное голосование, звонки в студию?!» — могут изумиться зрители. У телевизионщиков свои секреты. Иногда к такой якобы в прямом эфире выходящей программе добавляются настоящие данные, действительно собираемые в режиме он-лайн. Бывает — искаженные сведения, кто платит, как говорится. А порой у группы техподдержки возникает ну очень сильное желание выпить пива. Тогда ребятки клепают диаграммы на свое усмотрение, запускают эти с потолка взятые результаты. А сами со спокойной душой перемещаются в останкинский буфет или «Твин Пигз», кафешку напротив телестудии.

Лишь два раза мне приходилось работать в прямом эфире, на включениях за пределами студии. Это было неопишимо! Каждая секунда вливалась в мои вены такое количество адреналина и счастья, что единственное, о чем я могла думать — это о новой дозе моего прямоэфирного наркотика.

А о Дмитриии — нет, не думала. Благодарна была, подобранная бездомная собачонка. Восхищалась им как профессионалом.

Когда он после записи своей программы появился в моем кабинете и, бледнея даже под гримом, пролепетал: «Минара, выходи за меня», — я была уверена, что плохо его расслышала или он оговорился. Минимум три часа покричи — потом и в произнесении слова «мама» запутаешься. Это ведь только идут, смонтированные и вычищенные, и мое ток-шоу, и Димина авторская программа по часу. А запись и все три часа может занять. Ох и кипит после такого мой разум возмущенный...

Но Данилов не оговорился.

Любит.

Ревнует.

Разведется.

Мы должны быть вместе, иначе он сойдет с ума.

Но как же ребенок?!

А что такого, многие же разводятся, ну не получилось прожить с мамой дочери долго и счастливо и умереть в один день.

Я сделала все, чтобы остановить его и остановиться самой. Но рядом с Даниловым слишком долго сохранять благоразумие невозможно...

— Часа два прошло, — потягиваясь, сонно пробормотал Дима. — Минара, попроси свою карму стать добрее. Ужин скоро. Можно и в джинсах в ресторан заявиться, но хотелось бы хоть свежую рубашку надеть...

— Карма, — я соскользнула с колен мужа и распростерлась на полу, невольно думая, что покрывало черных волос на мраморной спине должно выглядеть очень эффектно, — добрей! Пора сменить гнев на милость!

В ту же секунду мы помчались в ванную за халатами, в дверь номера истошно заколотили. Судя по интенсивности ударов, с Аленкой все было в полном порядке.

— Это Хосе, — заявила маленькая фурия, когда Дима распахнул дверь. — А еще он сказал, что его можно называть Пепе. Но мне Хосе больше нравится! Пе-пе, по-па, па-па! Уж лучше Хосе!

Высокий смуглолицый испанец приветливо улыбнулся:

— Hola!^[5]

И втащил в номер самое желанное — наши чемоданы.

— А мне чаевые? — поинтересовалась девочка после того, как носильщик ушел. — Легко было, что ли, противостоять карме?

— Тебя устроит, если я помажу твой уже сгоревший нос кремом? — я старалась говорить серьезно. Все-таки она смешная, маленькая торговка. — Подойдет такая компенсация?

Аленка вздохнула, как женщина, придавленная не одним десятком лет, прожитых в страшных лишениях. И милостиво кивнула:

— Давай крем. С паршивой овцы...

Ну, знаете! Я запустила в нее тюбиком!

— Попроси у Минары прощения! — бурчит Дима.

Бурчит давно. Наверное, он уже устал сидеть на корточках. И Аленка вот-вот не выдержит, выплеснет слезный хрусталь из старательно поднятых к потолку глазок.

— Ну что вы, Дима, Алена! Посмотрите, ночь какая! Хватит ругаться. Я не сержусь. Пойдемте ужинать!

Ночь восхитительная, теплая-претеплая. Она гладит меня по открытой спине, по ногам. Какие жадные, волнующие прикосновения! Все-таки я — южная девушка, только сейчас начинаю оттаивать от промозглой Москвы.

Хочу идти в ресторан долго-долго. Мне нравится бесцеремонно шарящий под светлым платьем ветер, и пальмы в бусах-гирляндах, и сверкающая, как рыба чешуя, безграничная поверхность моря.

То есть все это мне нравилось раньше.

О господи!

Господи.

Сердце, уймись...

Дыхание, спокойно, я сказала, спокойно!

Дима ничего не должен заподозрить. Ему не в чем меня обвинить.

Да, я не ошиблась. За столиком неподалеку от входа в ресторан с бокалом вина сидит Сашка Зотов. Точно, он. Его ровный профиль я слишком часто видела за камерой, чтобы ошибиться.

Неужели Сашка решил остановиться в этом же отеле? Он сошел с ума?! Преследует меня постоянно!

У меня с ним, естественно, ничего не было. Дима, в принципе, не ревнив. Но проблема в том, что Саша влюблен так отчаянно, что совершенно себя не контролирует. И муж может подумать все, что угодно...

Старательно прячась за Димой, я прошмыгнула в ресторан, надеясь, что оператор меня не увидел. И невольно заулыбалась. Испанцы — очень искренние, доброжелательные, а какие у них обаятельные улыбки!

Аленка сразу рванула к тортам и пирожным. Очень хорошо, ей, доходяге, это полезно. Дима, шмыгнув носом, авторитетно заявил:

— Мясо там!

Мяса мне тоже хотелось ужасно, но я отправилась к столу, уставленному овощами. Камера безжалостно утяжеляет мою фигуру минимум на пять кило. Я должна быть худощавой, чтобы нормально смотреться в кадре.

Набросав на тарелку разноцветную горку огурчиков, помидоров и перца, я стала искать оливковое масло.

— Пожалуйста, прошу!

Протянувшую мне бутылочку с маслом женщину очень хотелось назвать «мисс Марпл», настолько соответствовала она киношному образу. Те же седые, тщательно уложенные волосы и умные проницательные глаза.

— Спасибо, — я прикусила язык. Не хватало еще и вправду выпалить «мисс Марпл»!

— Фрау Эрна Каулитц, — она поправила очки. — А то неудобно, я вас, Минара, заочно знаю. Вы в жизни еще более очаровательны, чем на экране.

— Какой правильный русский! У вас почти нет акцента... Эрна, да?

— Вы правильно запомнили мое имя. Знаете, а у моего сына жена из России. Ваша программа помогает мне учить язык, и...

— Простите, потом поговорим!

Я бросилась за колонну, надеясь, что появившийся в ресторане Сашка меня не увидит. К сожалению, я толкнула фрау Каулитц. Так сильно толкнула, что даже висевшая на ее плече сумка упала. И мне было неловко наблюдать, как пожилая женщина собирает какие-то довольно большие, напоминающие пики, предметы.

Зотов, к счастью, в ресторане надолго не задержался — обвел зал глазами и исчез.

Пожалуй, я завтра наберусь смелости и предоставлю ему возможность закатить мне сцену. Мы собираемся провести в этом отеле недалеко от Барселоны две недели. Невозможно же постоянно прятаться!

Саша явно в курсе, что мы здесь находимся. Наверное, Димина секретарша проболталась. И Зотов рванул в Испанию, думая, что, может, на родине Лорки, Дали и Пикассо я впаду в романтический экстаз. И окажусь к нему полагосклоннее.

Решено — пусть он завтра кричит о своей любви, заставляет ревновать Диму, веселит маленького

чертенка Алену.

А пока...

Димина дочь, уже расположившись за столиком, благосклонно кивнула официанту, предложившему маленькой леди чаю. Перед ней — множество тарелок с аппетитными сладостями.

Но где же мой муж?!

В ресторане его нет.

Иду прямо с тарелкой на летнюю террасу. Отхожу все дальше по белой дорожке, еще немного — и будет наш домик-номер.

Ага.

Попался...

Диме преданно смотрит в рот невысокая худенькая блондинка. Я таких ненавижу. Им может быть двадцать, или тридцать, или сорок. Инфантильные, наивные девочки, они могут первоначально не задержаться в прицеле беглого мужского взгляда. Но стоит только парню заглянуть в их детские глаза...

— О, Дмитрий, я вас помню с тех пор, когда вы еще в ВИДе работали. Ваши сюжеты всегда отличались, — верещала девица. — Такие темы необычные!

Ну и голосок! Наверное, когда ей звонят из жэка, то просят позвать кого-нибудь из взрослых. Почему мужчины западают на таких женщин? Педофилы.

Муж стоит ко мне спиной, но даже спина у него — радостная и довольная.

Хм... а может, теперь срежиссировать сцену Сашкиной ревности? Очень уж довольная спина, честное слово.

Пора прекращать этот цирк.

— Не помешаю? Добрый вечер!

— Дорогая, это... — Я даже не знаю, как Диме проще покорить женщину — своей располагающей улыбкой или вот этими морщинками плохого мальчика на лбу. — Это — Вика.

Вытащил-таки занозу ее имени из профессиональной журналистской памяти. Кто бы сомневался.

— Добрый вечер, Вика! А это не вы были на моей программе как корреспондент издания с романтическим названием «Желтуха: альковные тайны»?

— Нет! Нет. Вы ошибаетесь!

Я в хорошей форме. Отличное название для газеты сочинила! Впрочем, не очень-то я и кривлю душой, лицо девицы мне действительно кажется смутно знакомым. Наплевать, где мы могли с ней пересечься. Главное — удар. Я с искренним наслаждением бью Диму под дых. Он ненавидит бульварную прессу. И даже предположение о том, что сегодня он обменялся парой ничего не значащих фраз с милой девицей, а завтра в газетах появятся заголовки: «Данилов изменяет Минаре», способно лишить его и сна, и аппетита.

Мы жестки с нашими собеседниками. И уязвимы, когда сами становимся героями публикаций или сюжетов.

Наконец-то.

Дождалась.

Ура!

У нас семейный ужин, идиллия. Дима сбегал-таки за мясом, у Алены симпатичные шоколадные усики на хитрой мордашке, я похрустываю своим салатом.

Муж удаляется под аккомпанемент моей мысли: «Обжорка...»

Ошиблась: романтик!

Струны гитары, божественные звуки. О, эта испанская музыка! От нее — слезы в глазах, и кровь, кажется, превращается в электрический ток, бегущий по венам.

Дима явно украл широкополую черную шляпу у гитариста. В его руках — букет красных роз, он становится на колени, и весь ресторан взрывается одобрительными аплодисментами.

Черное, красное, я, Дима, — мы хорошо смотримся в этом кадре.

Улыбаюсь, поднимаю выше подбородок, прячу лицо в аромат роз, и...

Саша. Он смотрит на меня в упор.

Нет, не смотрит — режет. Болезненный, сухой взгляд — острый нож...

Аленка вдруг нырнула под стол, завозилась там, шкодливый котенок.

— Минара, а тут конверт из букета выпал. Вот, смотри-ка!

Дима, нахлобучив музыканту на лоб шляпу, вернулся за столик. Притворно нахмурился:

— Любовное послание? Увы, я тут совершенно ни при чем.

— Оно в букете было, можно? — Аленка хватает конверт, он не запечатан, и... — Странная открытка, правда?

Странная — не то слово.

Не то.

Похоже, в конверте — репродукция картины.

Я бы назвала ее просто.

Смерть.

Полуразложившиеся останки в когда-то роскошном церковном одеянии. Жуки, черви, шевелящаяся противная масса, и вместе с тем — отчетливость деталей, лапок, брюшек, ну и дерьмо! Жутко выглядят руки трупа, костлявые, почти истлевшие. Но страшнее всего — бессмысленная оскалившаяся улыбка обтянутого желтой кожей черепа.

Вздвогнув, муж перевернул открытку:

— Хуан де Вальдес Леаль. Название работы можно, наверное, перевести так: «Конец славы мира». Алена... Посмотри на меня!

— Дима. Дим! Не ругай ее. Она же не виновата в том, что ненавидит меня. Просто по-другому девочка не может.

— Алена! Я сказал, посмотри на меня!

Девчонка послушно таращится в переносицу отца. Я вижу, как ее шею заливают краской.

В коттедж мы возвращаемся под мерные причитания Данилова.

Алена наказана, никакой шоу-программы.

Но как здесь закрыть ребенка? Легким движением руки балконная дверь отодвигается, и весь отель в распоряжении прыткой дитятки. Поэтому в воспитательных целях мы будем сидеть в номере все вместе. И кто же, получается, в итоге наказан: мы или Алена?

Я думаю о том, что очень хочу на дискотеку, Дима щелкает выключателем, а девочка орет как резаная.

К обратной стороне двери пикой — точно такой же, как те, что выпали из сумки «мисс Марпл», — приколата моя фотография. На месте глаз — аккуратные дырки.

— Это не я сделала, не я, — хныкает Аленка, вцепившись в мою руку, — Минарочка, это, честно, не я!

— Да это же бандерилья, — удивленно пробормотал муж, — не думал, что такие вещи продаются... А это что? Похоже, кровь, смотри!

Я начинаю вспоминать.

Около года тому назад у меня в ток-шоу обсуждалась тема про животных. В том числе шел сюжет и о корриде, его снимали здесь, в Барселоне. Это был ужас! За два часа — пять убитых быков, черные туши, красная кровь, желтый песок. Кровь почему-то казалась мне ярче мулеты, алого плаща на стержне, которым матадор дразнит животное. А вот такие штуки, бандерилья, большие украшенные дротики, гроздьями свисали со спины быка.

— Это не я, — заливалась слезами Аленка, — и открытку — не я! Только попробуйте на море не пустить, я тогда, тогда я...

— Вот тебе и «мисс Марпл». Интересно, откуда бандерилья у добропорядочной Эрны Каулитц?! — пробормотала я и только по удивленному взгляду мужа осознала, что думаю вслух.

* * *

Нет, все-таки не отдыхать на море — значит, не жить.

Как я люблю эту бесконечную вспененную синеву! И чтобы ее соленое дыхание смешивалось с легким ароматом кокосового масла на моей коже.

Солнце. Солнце-солнце-солнце, как хорошо, прожаривает каждую клеточку тела, выпаривает усталость и стрессы, наполняет энергией, здоровьем, новыми силами. Я сохранила в себе каждую каплю этого испанского жаркого водопада, он станет новыми идеями, вдохновением, возбуждением.

Возбуждение.

Дима.

Возбуждение моего мужа носит совершенно другой характер. Данилов никак не может успокоиться. Пытает и пытается бедную фрау Каулитц. Просто гестаповец какой-то!

На Эрне смешная куцая панамка. Панамка — волшебная палочка. Проницательная англообразная мисс Марпл сразу же превратилась в пожилую немочку с обгоревшим курносом, на котором блестят бисеринки пота. Фрау Каулитц уже все рассказала несколько раз подряд. Я лично запомнила ее монолог наизусть (кстати, действительно на редкость правильный для иностранки русский язык и поразительное отсутствие акцента). Но муж требует продолжения банкета!

— Моя невестка Маша любит дартс и собирает дротики. Она умоляла меня привезти бандерильи. Я попросила гида о помощи, он сказал, что это будет стоить сто евро, — покорно объясняла Эрна. Воистину немцы — очень терпеливая нация! — Гид принес мне четыре бандерильи, я положила их возле балконной двери. Они же с корриды, все в крови... Мой коттедж — рядом с вашим. И номер тоже на первом этаже, балкон — это фактически лужайка. И я решила идти на ужин именно через балконную дверь, так ближе. Как я изумилась! Дротики оставалось уже три, хотя я точно помнила, что их было четыре. И тогда я положила бандерильи в свою большую пляжную сумку. Их ведь могли украсть! А возвращаться в номер я поленилась.

— Скажите, а вы точно уверены, что не видели поблизости нашей девочки? — вкрадчивым голосом поинтересовался Дима.

Аленка надувает щеки и демонстративно отворачивается от папы. Каждый позвонок на ее спинке — само возмущение.

— Нет, я никого не видела возле коттеджа, — опять повторила Эрна.

Она уже нам призналась: мечтает о внуках. Но сын с невесткой что-то пока не торопятся ее порадовать. Фрау Каулиц, как мне кажется, жарится на солнце только ради Аленки. Димина дочь, при всем своем скверном характере, умеет завоевывать симпатию, я тоже не могу на нее долго злиться. Эрна млеет, наблюдая за нашим надутым чертенком. Ну не ради же Диминого допроса она уже второй час сидит на ярком прямом солнце! В ее возрасте это уже вредно! Думаю, даже если фрау Каулиц заметила бы Аленку, тайком утаскивающую бандерилью, она ни за что не призналась бы в этом Диме.

Хм... На пляже появляется Вика, и надо признать, что мальчик-официант вполне закономерно поцокал языком. Фигура спортивная, стройная, без целлюлита. Женщина машет рукой Диме, и... Как интересно, а ведь она краснеет. Смущается.

Я уверена в Данилове больше, чем в самой себе. Он однолюб по природе, я просто встретила ему на пике кризиса среднего возраста. И может, я была одной из немногих, кто не смотрел на него, как на мужчину. Хотя он очень привлекательный. Но мне было так жаль его, пулей мчащегося через толпу поклонниц к машине! Я просто не хотела причинять ему проблем еще и своими знаками внимания!

Уверена в муже. Да и к кому ревновать — к этой бледной, коротко стриженной поганке?! Мне, с моей роскошной модельной фигурой и выразительным лицом?! Смешно! Но я с удовольствием понаблюдаю за жалкими попытками соблазнить Данилова. Да, вот, вы только посмотрите! Она уже присаживается рядом с Диминым лежаком на корточках, что-то шепчет. Димка отодвигается. Еще бы! Как я вчера лихо загнула: «Желтуха: альковные тайны»?..

Очень неудобно.

Прямо мороз по коже.

Так и есть — Саша Зотов.

Он подтаскивает лежак почти вплотную к моему. Если бы не валяющийся на песке мой надувной фиолетовый матрасик, оператор без труда мог бы коснуться меня рукой.

Дима, Вика, Аленка, Эрна — прожектора их взглядов шарят по нам с Сашей. Изумленные глаза полностью правы: даже разделенные матрасиком, мы лежим слишком близко для посторонних незнакомых людей.

Зотов, в темных очках, счастливо улыбается и делает вид, что любит морским пейзажем.

Я не выдерживаю, поднимаюсь и иду к бару за минералкой.

Выпью воды. А потом — сразу в море, приклеиться животом к матрасу, опустить в прохладную воду руки. И ни о чем не думать.

Да, как и многие южные девушки, я не умею плавать. Для нас море — не отдых и развлечение, а работа. Для того, чтобы трудиться в шашлычной, умение плавать мне не требовалось.

Я бы попросила Диму меня научить. Но, боюсь, есть все шансы пойти ко дну под страстным взглядом Зотова.

— Hola! Por favor...[6] — бодро начинаю я, но испанец улыбается так призывно, смешные ямочки на его щеках, карие глаза, расстегнутая рубашка, гладкая смуглая грудь, и...

Мысли убежали вниз, испанские слова иссякли, я просто показываю пальцем на бутылочку минеральной воды без газа и быстро ретируюсь.

— Минара! Смотри... — Аленка растерянно теребит сдувшийся матрасик. — Он уже был такой, когда я пришла! Честно!

Дима рывком перевернул фиолетовую тряпку и присвистнул:

— Ты видишь! Дырка как раз по центру, на нижней части матраса! Слава богу, что ты не отправилась плавать...

Лицо Зотова непроницаемо. Словно вообще ничего не обсуждают прямо у него над ухом.

Он тянется к сотовому телефону, начинает набирать эсэмэску.

Спиной пячусь к своему лежаку, хватаю спрятанный под складками полотенца мобильник. И, отвернувшись от мужа, быстро перевожу телефон в режим «без звука».

Успела! Принимающий эсэмэску телефон беззвучно вибрирует.

«Нам надо поговорить».

Конечно, это от Саши...

* * *

— Минара, я люблю тебя. Нам надо быть вместе. А знаешь, почему?

Я ничего не знаю. Мне совершенно не интересно, что говорит и что будет говорить идущий рядом мужчина. В тенистой пальмовой аллее, заросшей сладко пахнущими, крупными красными цветами, меня разморило так, что я буквально засыпаю на ходу. Впрочем, Сашина любовь — монолог, носящий риторический характер, соло. Мои реакции его интересуют постольку-поскольку.

— Нам надо быть вместе, потому что только я сделаю тебя счастливой. Я живу для тебя, дышу тобой!

Какой же он все-таки истерик.

А от фразы «дышу тобой» мне всегда хочется смеяться, есть в ней что-то излишне физиологичное.

— Минара! Что мне сделать, чтобы ты стала моей? Скажи! Я на все готов, понимаешь, на все!

— Не кричи как сумасшедший. По крайней мере, не кричи. Это не так уж и сложно!

Поздно. Слишком поздно. Между плотно растущими деревьями, безжалостно вытаптывая клумбу, протискивается мой муж. И, отшвыривая теннисную ракетку, хватается оператора за майку.

Сашкина голова от ударов мотается, как игрушечная.

И вот из носа уже ручьем хлынула кровь, Дима отскочил, брезгливо стряхнул с руки красные капли.

— Пойдем!

Это он мне.

Все выходит так, как я и предполагала. Очень сложно убедить Диму, что между мной и Сашей никогда ничего не было. Кроме вот этих его страстных монологов.

Да. Бывают, как ни сложно поверить, такие психи. Я бы тоже не поверила, но так случилось!

Согласна: идиот. Полетел сломя голову в Испанию, хотя знал, что отдыхаю с мужем.

Почему — понятия не имею.

Ничего не было. Не было!

Не намекала ему на то, что хоть какие-то отношения возможны.

Не давала повода, не кокетничала, не флиртвала!

Не был, не состоял, не привлекался!!!

Да, я смеюсь! А что, плакать, что ли? Один идиот душил своей любовью, второй изводит ревностью!

— Мама, папа, ну хватит орать!

Мы приходим в себя от этой фразы.

Аленка никогда не называла меня мамой, никогда. Впрочем, иногда я чувствовала, что ее ненависть не без труда побеждает зарождающуюся симпатию.

Маленький нос смешно морщится.

— Ну надо же было вас как-то остановить! И вообще, я есть хочу! Обедом здесь кормят или как?

Дима стаскивает заляпанную Сашинной кровью майку и несется в ванную. Драка забыта, теннис тоже. Детеныш хочет есть.

Действительно, в Москве доходяга всегда питалась из-под палки. Здорово, что в Испании у девочки появился аппетит. А вдруг на ходячем скелете образуется хоть немного плоти?..

Привет-привет, мое любимое красное платье. Короткое и обтягивающее. Сейчас мы с тобой отправимся на прогулку.

Пожалуй, стоит распустить волосы. С узлом, закрученным на затылке, не так жарко, но это платье настойчиво требует черной паранджи волос. К тому же в ресторане работает кондиционер, покалывающий кожу ледяными иголочками. А еще мне понадобится ярко-алая помада.

— Минара, какая ты все-таки красивая! — вырывается у мужа.

Снисходительно улыбаюсь:

— Ты тоже ничего!

Знаете, более привлекательного мужчины я не встречала. Но не думаю, что он должен об этом знать.

Мы ст?оим друг друга. И отлично смотримся в кадре. Хм... а это, кстати, идея — совместная

программа. Жаль, что она не пришла мне в голову раньше, в середине телевизионного сезона нет никаких шансов запустить новый проект.

Место встречи изменить нельзя. У ресторана — Эрна, снова в образе мисс Марпл; Вика, с отреставрированной косметикой мордашкой; Саша, нимало не смущающийся наливающегося под глазом синяка, темные очки демонстративно подняты на макушку.

— А не пообедать ли нам всем вместе? — улыбнулся Дима, явно ободренный видом потрепанного соперника. Поразительно, насколько убогость незадачливого ухажера стимулирует милосердие! — Александр, я, кажется, немного погорячился. Вы уж простите.

Ага, и вежливость она, убогость, тоже стимулирует. По роже надавал без особых причин — а сейчас хоть к ране его вместо пластыря прикладывай.

Отреставрированный фасад Вики мне определенно не нравится еще больше. Боюсь, мы действительно встречались на страницах глянцевого журнала. Только я не помню, чем она занимается. Актрисулька, певица?

За обедом мы пьем риху. Поразительное вино, не кислое, не сладкое, *настоящее*, в нем собраны ароматы лета, солнца, торжествующего зрелого винограда.

Бутылочка быстро пустеет, Дима делает знак официанту, чтобы принес новую.

— О, мне уже явльно... То есть довольно! — улыбнулась Эрна, отодвигая бокал.

— А водки нет? — буркнул Саша.

Вика отогнула скатерть и захихикала:

— Александр, вы гладите мою ногу!

Дима стал медленно приподниматься, я схватила его за руку. Второй раунд поединка в зародыше уничтожил улыбчивый поленький официант. Он налил всем вина, и муж хрипло пробормотал:

— Предлагаю, как это ни банально, выпить за любовь. Это то, ради чего мы все живем!

Отличный тост.

Я, закрыв глаза, с наслаждением сделала глоток.

— Дима, поставьте бокал! — вдруг истошно завопила Вика. — Поставьте. А сейчас предложите Минаре выпить из него!

На наш стол уставились все: официанты, группа аниматоров, японские туристы...

— А в чем дело? — Дмитрий удивленно вскинул брови. — А вы из моего бокала случайно выпить не хотите?!

— Минара! Прошу! — не унималась девица.

И тут я ее вспомнила.

Медленно протянула руку за Диминым бокалом, приложила его к губам, и...

Какая жалость!

Он выскользнул, разбился вдребезги...

* * *

— Я все видела! У нее была маленькая таблетка под ногтем! Снотворное или яд!

Вопли девицы меня развеселили. Снотворное! Она слишком хорошего обо мне мнения.

А подозрения — это ведь еще не доказательства, не так ли?

Да, я специально попросила взять Аленку в поездку. Мне требовалась ненависть девчонки.

Конечно, Сашка Зотов нарисовался на этом курорте не случайно. Я прекрасно знала, что он, влюбленный шизофреник, выспрашивает обо мне у Диминой секретарши все подробности. Секретарша не могла сообщить, в каком отеле мы остановимся, так как я сама ходила в туристическое агентство. Поэтому я все ей подробно рассказала. Чтобы Зотов, который преследует меня на каждой съемке и в любой командировке, без проблем отыскал нас в Испании.

Хуан де Вальдес Леаль, «Конец славы мира». Жуткая улыбка полуразложившегося трупа, надеюсь, не пугала внутренности моей сумочки. Все-таки, открытка была в конверте. Я думала незаметно оставить конверт на столе, а потом эффектно его «найти» и «испугаться». Но все получилось даже лучше задуманного мною плана — с гитарой, цветами, с Аленкой, заметившей, как из букета (а на самом деле из моих пальцев) выскальзывает жуткая репродукция.

Свою фотографию с аккуратно вырезанными маникюрными ножничками глазами я тоже приготовила заранее, думала оставить ее перед тем, как отправиться на ужин, у зеркала. Но когда я увидела бандерильи... Массивные, с пропитанной кровью быков декоративной отделкой... Димка был в душе, Аленка

переодевалась... Я понимала, что это рискованно, что меня может заметить похожая на мисс Марпл соседка. Но если низко пригнуться и прошмыгнуть вдоль кустов, до соседнего домика рукой подать...

Я спрятала восхитительную бандерилью за тумбочкой, а потом, когда мы уже отправились в ресторан, вдруг «забыла» в номере фестал.

Матрасик, проткнутый пилочкой, сдулся слишком быстро, лишив меня возможности сымитировать покушение на мою жизнь не только на суше, но и на море.

Впрочем, соответствующие сюжеты в общем и целом уже были готовы.

Ненавидящая меня Аленка, ненавидящий Диму Зотов.

Напоследок я виртуозно столкнула мужа с предполагаемым любовником. Увидев, что Дима собирается на теннис, послала Саше эсмэску с просьбой встретиться в аллее возле кортов. Вопли Зотова было невозможно не услышать.

А потом... да, Дима умирает...

Как жаль!

Аленка пыталась спровадить меня на тот свет, но случайно ошиблась и убила папочку?

Саша решил сделать меня вдовой?

В любом случае, я здесь ни при чем.

Так что эта девица. Не Вика. А Лика Вронская, графоманка, плодящая детективы в мягких обложках. Может подозревать все, что угодно.

Но она ничего не докажет. Абсолютно ничего.

И даже теперь, когда мне пришлось разбить бокал с отравленным вином, Дима все равно не будет особо терзаться подозрениями.

Формально у меня не имеется мотивов его убивать.

Любовники? У меня их нет.

Деньги? Их нет у Димы.

Все свое имущество он оставил бывшей жене. Зарабатываем мы с ним одинаково прилично, даже брачный контракт не составляли.

Но!

У Димы есть то, чего у меня не может быть уже никогда. Акции телеканала. Данилов стоял у истоков его создания, он получил такой процент, который теперь купить невозможно.

А я хочу. Я больше всего на свете этого хочу! Иметь свой кусочек телевидения. Это моя боль, мое счастье, моя любовь и затяжная болезнь, от которой я не желаю и не могу излечиться...

И я их все равно получу. Эти вожделенные акции. Не теперь, так позже.

Я готова заплатить за них любую цену, так как они дадут мне возможность делать все: оперативно получать информацию обо всех проектах телеканала, влиять на творческую политику, и — рано или поздно — пробить для своей программы возможность выхода в прямом эфире.

— Дима, можно вас на минутку? — Вронская открыла сотовый телефон-раскладушку. — Взгляните!

Блин! Несложно догадаться, кто на снимке — наверняка я, с прижатой к груди бандерильей.

Да, я всегда была слаба по части спецэффектов.

Будь проще, и к тебе потянутся люди — это не обо мне.

Наверное, Вронская случайно проходила мимо домика фрау Каулитц и увидела меня во всей моей красе. А, ладно. Как-нибудь выкручусь, скажу, что хотела пошутить.

— Но что это? Да это же точно таблетка! У нее под ногтем, — растерянно пробормотал Данилов. — Но... почему?

— Не знаю. — Вронская пожалала плечами. — Мотивы действий преступников для меня всегда были темным лесом. Я даже в тюрьмы ходила, чтобы понять, почему те, кто совершает преступления, их все-таки совершает. Но у меня ничего не вышло. Я так и не поняла, как можно убить из-за денег.

— Скажите, может, вы знаете, если как-то собрать это вино, салфеткой, например, — можно узнать, какое вещество все-таки добавлялось?.. Если добавлялось...

У-у-у... Как Дима заговорил!

Еще немного — и в этой корриде со смертью пострадает сам матадор. То есть я.

Как же я ненавижу женские детективы! И бледных инфантильных поганок, которые их пишут!

— Папа, ты только не ругайся, ладно? — Аленка бросила на Диму взгляд нашкодившего кающегося ангелочка. — Это я попросила Минару добавить снотворное! Я! Мы с ней так играли, понимаешь? Попугать тебя хотели. Я жуткий Фредди Крюгер, а-а-а! Тебе не страшно? Прости, пожалуйста...

— Дурацкие игры!

Димкино лицо — как отутюженная рубашка, складочки и заломы страха, негодования и возмущения

исчезли.

Он ругается. Он счастлив.

Маленькая фурия выразительно смотрит на меня из-под кудрявой челочки. В голубых глазах — решительность и ненависть.

Что она задумала?!

Шантажировать меня?

Эрна облегченно вздыхает:

— Так это шутка! Дети — такие проказники. Леночка, ты не должна больше так поступать. Иначе папа будет сердиться.

Дима мечет на меня взгляды-бандерильи. Набирает побольше воздуха, и...

— Официант! Срочно вызовите полицию!

Муж все понял.

У нас никогда не было снотворного. Камере нравится свежий цвет лица, мы с Димой давно научились засыпать быстро, где угодно, не обращая внимания ни на обстановку, ни на звуки. Аленка, желая меня спасти, все только испортила.

Что мне теперь говорить? Что девчонка все придумала? Что не было никакого яда? Это не убедит Диму, а вызовет только новые подозрения...

Матадору надо уйти. Я проиграла. Я все равно умру, потому что уже не смогу смотреть на телевизионный экран, как зритель: мне надо находиться внутри телевидения. Коррида со смертью вот-вот закончится. В сумочке, в футляре от солнечных очков, есть еще одна маленькая таблеточка...

notes

1

Papillon – по-французски означает «бабочка».

Гельсингфорс – старинное название Хельсинки. (В указанное время Польша и Финляндия входили в состав Российской империи.)

З

Шпинель – минерал, использующийся при изготовлении ювелирных изделий.

4

Кабшон – камень, который после обработки приобрел гладкую выпуклую форму.

Hola — привет (*испанск.*).

Hola! Por favor... — Привет! Пожалуйста... (*испанск .*)